Российская академия наук
Институт языкознания

Издательство «Academia»

Москва

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

Главная редакционная коллегия
серии "Языки народов России"
В. П. Нерознак (*главный редактор*)
М. Е. Алексеев (*зам. главного редактора*),
А. П. Володин, Г. Г. Гамзатов, В. Г. Костомаров,
Д. М. Насилов, М. В. Орешкина (*отв. секретарь*), Г. Ц. Пюрбеев, С. А. Старостин,
И. М. Стеблин-Каменский, Э. Р. Тенишев,
Е. А. Хелимский.

Михаил АЛЕКСЕЕВ
Сабрина ШИХАЛИЕВА

ТАБАСАРАНСКИЙ ЯЗЫК

Ответственный редактор
К. К. Курбанов

Москва
2003

www.alfons-servis.narod.ru

УДК 811.35
ББК 81.2(Таб)
А 46

Рецензенты:
доктор филологических наук *Э. М. Шейхов*
доктор филологических наук *З. М. Маллаева*

Алексеев М. Е., Шихалиева С. Х. ТАБАСАРАНСКИЙ ЯЗЫК. Отв. ред. К. К. Курбанов. М.: Academia, 2003. 140 с., илл.

Книга является комплексным описанием табасаранского языка, охватывающим как собственно языковую характеристику, включающую очерк фонетики, морфологии, словообразования, синтаксиса и лексики, так и обзор социолингвистической ситауации. В книге показаны взаимоотношения табасаранского языка с близкородственными языками лезгинской группы, а также другими дагестанскими; приводятся сведения о территории распространения языка и численности говорящих; характеризуются общественные функции языка; его контакты с русским, тюркскими и другими языками; дается история письменности и история изучения табасаранского языка.

Книга предназначена как для специалистов-кавказоведов, так и для всех интересующихся проблемами языков народов России.

ISBN 5-87444-196-4

© Институт языкознания РАН, 2003 г.

ОБ ИЗДАНИИ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЙ СЕРИИ «ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ»

ВЫПУСК монографии «Табасаранский язык» М. Е. Алексеева и С. Х. Шихалиевой продолжает осуществление лингвоэнциклопедического проекта – научной серии «Языки народов России», начатое монографией «Лезгинский язык» М. Е. Алексеева и Э. М. Шейхова. Серия представляет собой многотомное издание энциклопедического типа, которое будет включать монографическое описание каждого языка в соответствии с типовой схемой. Впервые в истории отечественной науки в рамках единого проекта создаются монографические описания каждого языка, бытующего на территории Российской Федерации.

При разработке серии принимался во внимание мировой и отечественный опыт составления лингвистических энциклопедий. В частности, учитывался опыт серии «Языки Азии и Африки» Института востоковедения РАН. Эта серия объединяет два типа описания языков – индивидуальный и универсальный. Более ранняя по времени выхода в свет серия монографических очерков «Языки зарубежного Востока и Африки» (позже она получила название «Языки Азии и Африки»), уже составила своего рода библиотечку, насчитывающую свыше ста очерков. Характеристика каждого языка дается в терминах и в рамках метода описательной лингвистики с элементами генеалогической и типологической информации. Второй тип описания языков в этой же серии представлен универсальной лингвистической энциклопедией «Языки Азии и Африки» (Т. 1-5. М., 1976-1993), в которой языки группируются по генеалогическому принципу, дополняемому структурно-типологическими и ареальными характеристиками.

Серия «Языки народов России» также будет включает два вида изданий. Монолингвистическая часть серии представлена монографическими очерками по отдельным языкам России. Другая часть серии представлена выпусками, посвященными описанию многоязычных

www.alfons-servis.narod.ru

регионов Российской Федерации. По методу и принципам описания эта часть серии подготавливается с использованием совокупности лингвистических методов, дополняемых приемами смежных с языкознанием дисциплин – культурологии, этнологии и социологии. Однако и в том и в другом случае можно говорить о новом типе издания, который мы определяем как этносоциолингвистическая энциклопедия. Принципы подготовки такого рода изданий нашли свое воплощение в энциклопедических справочниках «Языки народов России. Красная книга» (М.: Academia, 2002) и «Государственные и титульные языки России» (М.: Academia, 2002).

Россия, по образному выражению выдающегося русского ученого Н.С. Трубецкого, страна "симфоническая", т. е. многоязычная и поликультурная. "Многоплеменность, многозвучность России не умаляла, но повышала ее славу", – утверждал знаменитый философ Г. П. Федотов. Языковая картина России отличается типологическим разнообразием языков, наличием разных генетических общностей (языковых семей и групп). По данным переписи 1989 г. в Российской Федерации насчитывается 180 этносов, на ее территории используется 200 языков. Проект «Языки народов России» предполагает описание исторических языков и не будет затрагивать так называемые "иностранные языки", не обладающие исторической традицией на территории России. Вместе с тем языки народов традиционно, в течение длительного времени проживавших на территории нашей страны, а также языки исторически сложившихся этнических диаспор станут предметом описания. С этой точки зрения, наряду с русским, татарским, чувашским, мордовским, аварским, нивхским и др., в серии будут описаны украинский (по численности украинцы в России занимают третье место, после русских и татар), белорусский, грузинский, армянский, азербайджанский, казахский и др., а также языки этнических диаспор – греческий, немецкий, польский, румынский и др.

Объектом описания станут языки литературные, младописьменные и бесписьменные.

Серия «Языки народов России» включает в себя очерки по языкам всех основных общностей, которые представлены на территории Российской Федерации – индоевропейской, кавказской, или иберийско-кавказской (куда входят и дагестанские языки, в т. ч. и табасаранский), тюркской, финно-угорской, монгольской, палеоазиатской,

самодийской, тунгусо-маньчжурской. Каждая из этих языковых семей в свою очередь делится на группы, подгруппы и отдельные языки. Так, в индоевропейской языковой семье славянские языки наряду с другими (германские, романские, иранские и др.) составляют самостоятельную группу. В составе славянских языков выделяется восточнославянская подгруппа (русский, украинский, белорусский) и т.д.

Основной таксономической единицей в энциклопедическом описании в серии «Языки народов России» станет конкретный язык вне зависимости от числа говорящих на нем. Каждый из них – ценнейший объект культурного наследия всего человечества.

Языковое и культурное многообразие – источник духовного обогащения всех народов России, ее национальное достояние. Задача, которую ставят перед собой авторы серии и издатели, ознакомить россиян с языком каждого из живущих на российской земле народов. В этом начинании примут участие крупнейшие ученые-лингвисты Российской академии наук, Российской Академии естественных наук, академий наук республик, ученые из высших учебных заведений, представители многих народов России.

Языки - это народы, и пока существует хоть один носитель языка, сохраняется уникальное достояние человечества – разнообразие языков и культур. Россия остается одной из немногих стран мирового сообщества, сохранивших к началу 21–го столетия многоязычие как поликультурное наследие предшествующих эпох.

В. П. НЕРОЗНАК,
главный редактор серии «Языки народов России», доктор филологических наук, профессор

www.alfons-servis.narod.ru

ON THE PUBLICATION OF THE ENCYCLOPAEDIC SERIES «LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA»

THE BOOK «Tabasaran language» by Mikhail Alekseyev and Sabrina Shikhaliyeva continues the linguoencyclopaedic project: a series of scholarly publications «Languages of the Peoples of Russia» started with the book «Lezgian language» by Mikhail Alekseyev and Enver Sheykhov. This series is conceived as an encyclopaedia-type publication in several volumes which will contain a monographic description of each language according to a standard plan. For the first time in the history of Russian scholarship this series will contain monographic descriptions of each historical language1 of the Russian Federation, that is, of those languages that have been in use for a long time within the borders of this state.

When the series was being worked out the previous experience of compiling linguistic encyclopaedias both home and abroad was taken into account. In particular, when the present project was being elaborated full account was taken of the experience on the organization and structure gathered during the publication process of the series «Languages of Asia and Africa». This series included both the individual and the universal type of language description. An earlier series of monographic sketches, «Languages of the Foreign Oriental and African Countries» (later renamed «Languages of Asia and Africa») has already become a small library (more than 100 issues have been published). Each language is characterized in terms and within the framework of descriptive linguistics, although some genetic and typological information is also given. Another description type in the same series can be seen in the universal linguistic encyclopaedia «Languages of Asia and Africa» (vols. 1-5, Moscow, 1976-93). Here

languages are treated and grouped from the genetic point of view, with some additional structural, typological, and areal characteristics.

The series «Languages of the Peoples of Russia», in a similar way, is composed of two types of publications. The series makes use of all the necessary linguistic methods as well as of those of some neighboring branches of science such as ethnology and sociology.

Both parts represent a novel kind of publication which can be described as an ethnosociolinguistic encyclopaedia. The editorial principles of this type of descriptions are represented in the two reference books which should be judged by their readers: they are «Languages of the Peoples of Russia. The Red Book» (Moscow, 2002) and «National and Title Languages of Russia» (2002).

In the apt phrase of the famous Russian scholar N.S. Trubetzkoy, Russia is a "symphonic country", that is, a multilingual and multicultural one. "Its composition of numerous tribes, the polyphonic character of Russia has always increased — not decreased — Russia's glory", — was the claim of another eminent Russian philosopher, G.P. Fedotov. The linguistic map of Russia is characterized by an extreme typological variety of languages and the presence of different genetic communities — language groups and families. According to the 1989 census there were 180 ethnic groupings within the Russian Federation speaking about 200 different languages. At the same time languages of the peoples that have had a long tradition of settlement in Russia as well as those of various traditional ethnic diasporas.

Thus, the series will contain descriptions of Russian, Tatar, Chuvashian, Mordovian, Avar, Nivkh etc., but, along with them, Ukrainian (Ukrainians are the third most numerous people in the RF, after Russians and Tartars), Byelorussian, Georgian, etc., as well as languages of traditional ethnic diasporas: Greek, German, Polish, Rumanian, etc.

Will be presented descriptions of literary languages with an old written tradition as well as of those with a recent literary history and languages without any written records.

The present series is composed of descriptions of languages of every principal genetic stock represented within the Russian Federation: Indoeuropean, Caucasian (or Ibero-Caucasian), including the Daghestan languages, Mongolian, Palaeoasiatic, Samoyed, Manchu-Tungusian, Turkic, Fenno-Ugrian. Each of the language families is further subdivided into groups, subgroups, and individual languages. Thus, the Indoeuropean language family includes such separate groups as Slavic, German, Romance,

www.alfons-servis.narod.ru

Iranian, etc. Within the Slavic group is distinguished an Eastern Slavic subgroup, composed of Russian, Ukrainian, and Byelorussian.

The principal taxonomic item in the encyclopaedia-type descriptions is the individual language; the number of speakers is unimportant in this case. Being part of the most valuable natural and cultural heritage of the humankind the language of any people makes a contribution to civilization as a whole.

Linguistic and cultural variety is a source of spiritual enrichment for every people of Russia, their national heritage. The aim of the authors and publishers of the series is to acquaint the citizens of Russia with the languages of each people living in Russia. In this undertaking will participate the most prominent scholars, specialists in linguistics who are working in the Russian Academy of Science, in the Academy of Natural Sciences of the Russian Federation, in the academies of the federal republics, scholars from higher education institutions, representing the numerous peoples of Russia.

V.P. NEROZNAK,
editor-in-chief of the series
"Languages of the Peoples of Russia"
professor

ВВЕДЕНИЕ

Табасаранский язык - язык одной из коренных народностей Дагестана – табасаранцев. Табасаранский язык относится к лезгинской подгруппе нахско-дагестанских языков, среди которых к нему наиболее близки агульский и лезгинский языки, образующие вместе с ним восточно-лезгинскую подгруппу.

Существует несколько вариантов этимологии названия "Табасаран". П. К. Услар, предполагавший в нем иранский корень видел во второй части "головы", а первую сближал с "порча" или "топор". В последние годы популярной является точка зрения, разъясняющая Табасаран как "вершинную область". С другой стороны, табасаранцы считаются потомками «таваспоров», входивших в состав Кавказской Албании. Исследователи обращали также внимание на близость топонимов "Табасаран" и "Табаристан". Среди лезгин бытовало также название табасаранцев "къабгъан", среди кайтагцев - "щилан". В качестве исконного названия приводят этноним-самоназвание "гъумгъум".

По переписи 1989 года насчитывалось свыше 98 тысяч табасаранцев, из которых свыше 20 тысяч проживало за пределами Дагестана. В Дагестане табасаранцы населяют два района на юге республики – Табасаранский и Хивский. Большое количество табасаранцев переселилось на плоскость и проживает в пределах Дербентского, частично и Каякентского районов. Значительное количество табасаранцев проживает в городах Дербент, Огни, Мамедкала, Каспийск, Махачкала, а также в поселке Белиджи.

В настоящее время табасаранцы граничат на юге с лезгинами, на юге-западе – с агульцами, на северо-востоке – с кайтагцами (даргинцами) и на востоке – с тюркским (азербайджанским) населением побережья Каспийского моря. Судя по историческим хроникам и сохранившейся топонимике, значительная часть территории, на котором проживает в настоящее время тюркоязычное население Табасаранского и Дербентского районов Дагестана, исторически была заселена табасаранцами,

www.alfons-servis.narod.ru

ареал расселения которых был сильно сужен в результате персидских, арабских и тюркских завоеваний и переселения на эти земли иноязычного населения.

Территория распространения табасаранского языка

По историческим сведениям [Услар 1979: 49-50], арабский полководец Абу-Муслим, сумевший покорить Табасаран и обратить его жителей в мусульманство, "назначил правителем Табасарани одного из сподвижников своих, аравитянина Мюхаммед Маасума... К Маасуму было приставлено два кадия, за тем, чтобы они толковали народу настоящий смысл Ислама... Судьба, постигшая одного из приставленных кадиев, как кажется, осталась неизвестною, но Мюхаммед Маасум и Мюхаммед Кади сделались независимыми друг от друга владельцами и поделили между собою Табасарань". Таким образом, на территории Табасарана возникли два феодальных владения – *Кьадирин уьлке* 'Кадия страна' (Северный Табасаран) и *Мисибдин уьлке* 'Маасума страна' (Южный

Табасаран). Наряду с табасаранскими аулами в Кьадирин уьлке входили селения с тюркским и татским (мусульманского вероисповедания) и горско-еврейским составом населения, а в Мисибдин уьлке – с лезгинским и еврейским. Правители этих территорий нередко вели между собой войны, что приводило к ограничениям в общении между ними, к замкнутому образу жизни населения и, соответственно, к росту языковых расхождений между севером и югом Табасарана. Такой раздел Табасарана имел место в продолжение целого тысячелетия.

При присоединении Табасарана к России северная часть отошла к Кайтаго-Табасаранскому округу (ныне Табасаранский район), а южная – к Кюринскому округу (ныне Хивский район).

Весьма любопытны статистические данные о народонаселении Табасарана к концу прошлого столетия, приводимые в предисловии к монографии П. К. Услара. По этим данным, взятым им из статьи генерала Комарова, помещенной в VIII выпуске Записок Кавказского отд. Имераторского Российского Географического Общества, в Северном Табасаране проживало душ обоего пола 12744, из которых табасаранцев 7365, тюрко-азербайджанцев 2669, татов (мусульман) 2378 и евреев 332, а в Южном – 12507 человек, из которых табасаранцев 9679, кюринцев (лезгин) 2435, евреев 393.

Ввиду этнической пестроты Табасарана для значительной части взрослого табасаранского населения исторически было характерно двуязычие – знание наряду с родным соседних азербайджанского (в Северном Табасаране) и лезгинского (в Южном Табасаране) языков.

Знание выступавших в Дагестане в разные эпохи в качестве языков межнационального общения персидского, арабского и турецкого языков было ограниченным и имело место лишь среди духовенства и интеллигенции.

В настоящее время эту функцию такового все активнее выполняет русский язык, на котором осуществляется обучение за пределами начальной школы и которым молодежь владеет гораздо свободнее, чем любым из перечисленных выше языков.

Табасаранский язык в прошлом, как и остальные дагестанские языки, был бесписьменным, если не считать отдельных попыток приспособления к нему арабской графики – аджама (см. рис. 1). В силу этого сколько-нибудь значительные письменные памятники на табасаранском языке отсутствуют. Письменность на табасаранском языке на основе латинской графики была

www.alfons-servis.narod.ru

введена в 1932 году. В 1938 году она, как и письменность на остальных дагестанских языках, была переведена на русскую графику, дополненную знаком I, который наряду с ъ и ь использовался для образования комбинированных букв для специфических звуков табасаранского языка.

В табасаранском языке различают два диалекта, каждый из которых объединяет группу говоров. Эти два диалекта противопоставлены друг другу целым рядом фонетических и грамматических особенностей.

Рис. 1. Фрагмент табасаранской рукописи в арабской графике.

Северный и южный диалекты противопоставлены друг другу целым рядом фонетических и грамматических особенностей. В основном эти особенности сводятся к следующим: в южном диалекте имеются заднеязычные и фарингальные лабиализованные согласные, которых нет в северном. В свою очередь, в северном имеются геминированные спиранты, отсутствующие в южном, где нет также характерного для северного звонкого фарингального *къ*. Согласным *чI, дж* южного диалекта в северном регулярно соответствуют *тI* и *д* (иногда *р*). Целый ряд грамматических форм образуется в южном и северном диалектах по-разному (запретительные формы глагола: посредством соответственно префикса или инфикса *м-*; отрицательные формы: в южном диалекте посредством слоговой редупликации и т.д.). Наблюдаются и некоторые лексические различия. По характеристике В. М. Загирова, "диалектная лексика в табасаранском языке представлена небольшим количеством слов. Выделяются диалектизмы двух типов: 1. Слова отдельных диалектов или говоров, либо не имеющие соответствия в литературном языке, либо отличающиеся от соответствующих общенародных лексем по звучанию, семантике или структуре... 2. Диалектные слова, используемые в языке художественной литературы для точной передачи местных особенностей изображаемой реальности..." [Загиров 1981: 100-101].

По мнению ряда специалистов, следует особо выделить, возможно, в особый переходный диалект, этегский говор (один из говоров южного диалекта), который обнаруживает и некоторые особенности северного (отсутствие как заднеязычных лабиализованных согласных, так и геминированных спирантов).

Начало формирования письменной литературы на табасаранском относится к 20-м годам прошлого столетия. Качественный скачок здесь произошел в 1932 году в связи с созданием табасаранской письменности на латинской графической основе.

Это процесс сопровождался определенными трудностями, что объяснялось следующими причинами.

Во-первых, при определении первоначального круга литературных языков Дагестана, на которых следовало создать письменность, табасаранский язык был отнесен к числу языков малочисленных народов, создание письменности для которых считалось бесперспективным.

www.alfons-servis.narod.ru

Во-вторых, предполагалось возможным открытие школ для табасаранских детей на азербайджанском языке, хотя на азербайджанском языке говорила лишь часть взрослого мужского населения..

Во-третьих, существовало мнение об отсутствии форм письменности на табасаранском языке до Октябрьской революции.

С созданием письменности табасаранский стал языком школьного преподавания, литературы, периодической печати и искусства. Стали публиковаться произведения богатого устного народного творчества табасаранцев, стихи дореволюционных поэтов, до этого сохранявшиеся преимущественно в устах народа (Калук Мирзы, Саида Зюрдягского, Уруджа Татилского, Жигера Кандикского и др.). Появились первые художественные произведения табасаранских поэтов и писателей (Б. Митарова, А. Джафарова, М. Шамхалова, А. Везирова и др.). В 1932 году вышли первые переводы партийных документов, выполненные А. Джафаровым, Т. Шалбузовым, М. Шамхаловым, А. Ханмагомедовым и др. Среди литературных произведений, опубликованных в 1932 году, – сборник А. Джафарова «Первые шаги», в 1934-1935 годы – драма А. Джафарова «От тьмы к свету», удостоенная республиканской премии, рассказы «Прежде и теперь», стихи «Веселые голоса». В этот период на табасаранском языке были изданы также повесть «Кто работает, тот ест» и поэма «Сирота Юсуф» А. Ханмагомедова, пьесы «Моя родина», «Уничтожайте огнем» А. Гаджиева, стихотворения М. Шамхалова, Б. Митарова, Т. Шалбузова и др. Были переведены произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. А. Крылова, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. М. Горького, С. Стальского, Г. Цадасы. Это дало возможность установить нормы формирующегося табасаранского литературного языка, на основе характеристик южного диалекта.

В решение вопросов национально-языкового строительства в те годы наибольший вклад внес Темирхан Шалбузов – автор первого алфавита и первых учебников родного языка. В этот период им были составлены букварь для детей («Новая школа», 1932 г.), букварь для взрослых («Новый путь», 1933 г.), учебники по грамматике и правописанию (1933, части I и II) для первого-второго и третьего-четвертого годов обучения, букварь для сельских школ [1934 г.], букварь для взрослого населения [1935 г.], книги для чтения в начальной школе.

В 1938 г. табасаранская письменность, как и письменности остальных народов республики, были переведены с латинской графики на русскую. В новом табасаранском алфавите для обозначения специфических табасаранских звуков использовались различные буквосочетания: лабиализация звонкого *г* и спирантов *х, гь* обозначалась посредством **о** (*гоар* ' кувшин' , *хоар* ' кобыла', *гъоан* ' камень'), дентолабиализованных – посредством **ъ** (*жъ, чъ – жъур* ' имя', *мучъал* 'ива'), абруптивность – посредством ***I***. В 1962 году научно-практическая конференция, посвященная унификации орфографий дагестанских литературных языков, приняла решение обозначать лабиализацию во всех случаях посредством прибавления знака **в**: *гв, гъв, кв, ккв, къв, кIв, хв, хъв, жв, чв, ччв, чIв, шв*, как это было принято в других дагестанских языках.

Среди недостатков языкового строительства того времени отмечается ориентация лингвистической (и, по-видимому, иной) терминологии (ср., например, Русско-табасаранский терминологический словарь А.Гаджиева [1940], грамматики табасаранского языка [Шалбузов 1940; 1941: ч. I; 1940: ч. II] и др.) на заимствования из русского языка [см. Магометов 1979: 273].

В учебниках того времени ощущалась и непоследовательность литературных норм: так, нередко нарушалось классное согласование субъекта и объекта с предикатом при интранзитивных и транзитивных глаголах и их специфических производных формах. В 1953 г. на научной сессии по вопросам нормализации дагестанских литературных языков было решено обозначать в глаголе табасаранского языка изменение грамматических классов. Некоторые проблемы, связанные с корректировкой и совершенствованием литературных норм, отмечаются в специальной статье А. А. Магометова: "При составлении первого свода орфографических правил литературного табасаранского языка было решено не отмечать в глаголе изменение грамматических классов. В первых изданиях грамматик табасаранского языка так оно и было. Однако позднее, на научной сессии, посвященной вопросам нормализациии литературных дагестанских языков, было решено обозначать в глаголе табасаранского языка изменение грамматических классов. Такое решение было принято вследствии того, что в большинстве говоров

www.alfons-servis.narod.ru

табасаранского языка глагол изменяется по грамматическим классам. По этому решению литературный язык отошел от норм говора, легшего в основу литературного языка" [Магометов 1979: 271].

Таким образом, наряду с развитием литературы происходило постепенное развитие и становление табасаранского литературного языка. Процесс становления табасаранского литературного языка еще нельзя считать завершенным, так как многие вопросы орфографии, орфоэпии, стилистики, лексики и грамматики младописьменного табасаранского языка требуют своего дальнейшего изучения и совершенствования.

В настоящее время на табасаранском языке ведется обучение в начальной школе. Табасаранский язык и литература изучаются в старших классах средней школы, в педучилищах, а также на филологических факультетах высших учебных заведениях республики, готовящих преподавателей начальной и средней школы. На нем издаются учебники, учебно-методические пособия, оригинальная и переводная художественная, а также общественно-политическая и научно-популярная литература.

На табасаранском языке выходят ежегодный альманах *Литературайин Табасаран* ("Литературный Табасаран"), журналы *Дагъустан дишагьли* ("Горянка"), *Ппази* ("Соколенок"), районные газеты *Октябрин акв* ("Свет Октября", Хивский р-н) и *Табасарандин нурар* ("Зори Табасарана", Табасаранский р-н), ведутся республиканские и районные радиопередачи, осуществляется делопроизводство на районном уровне.

Научное изучение табасаранского языка началось с монографии Петра Карловича Услара «Табасаранский язык», которая, к сожалению, была издана лишь в 1979 г. Эта работа является фундаментальным лингвистическим исследованием, представляющим и в настоящее время научную ценность для дагестановедения, будучи первым подробным описанием грамматического строя табасаранского языка и его лексики.

Монография П. К. Услара включает в себя табасаранскую азбуку-алфавит, исторические сведения о Табасаране, табасаранцах и табасаранском языке; краткое описание звуковой системы и отдельных звуковых изменений; морфологический очерк; собрание текстов; табасаранско-русский словарь и алфавитный указатель к словарю. Как известно из сообщения Л. П. Загурского, Услар, составив «Сборник табасаранских слов», подготовил и список русских слов, но не успел внести в него соответствующие по значению табасаранские лексемы. Список русских слов, составленный П. К. Усларом, до нас не дошел [Магометов 1954: 76].

Табасаранская азбука П. К. Услара включает 56 букв, охватывает все фонемы, за исключением ларингального абруптива [ъ], имеющего фонематическое значение.

Значительное место в исследовании П. К. Услара занимает грамматический очерк табасаранского языка, который начинается со склонения имен существительных в единственном числе. Здесь анализируются способы образования творительного (эргативного) падежа, выявляются его варианты, в т.ч. и нерегулярного образования, что иллюстрируется многочисленными примерами. По Услару [1979: 67] основой косвенных падежей является форма "творительного падежа", чем подчеркивается важная морфологическая роль этого падежа в системе склонения ("принцип двух основ").

При анализе склонения имен существительных во множественном числе автор обосновывает функционирование различных окончаний абсолютива, указывая на регулярность образования эргатива при помощи аффикса *-и*.

Далее следует характеристика системы локативных падежей, включающей семь серий, в каждой из которых представлено по три падежа, указывающих соответственно на месторасположение, направление к предмету или удаление от предмета. При этом эссивы (локативы) – падежи покоя служат основой для образования остальных падежей.

Отмечено наличие у имен существительных противопоставления между "существами разумными" и "существами бессмысленными", подразделяющего существительные на два соответствующих класса.

Характеризуя прилагательные, П. К. Услар отмечает их способность изменяться по грамматическим классам, числам и падежам в субстантивированной функции и отсутствие изменения в атрибутивной роли, выделяет различные способы образования адъективов от различных частей речи. Отмечается дифференциация адъективов в зависимости от степени обозначаемого ими качества или же признака ("ослабленность", "Равенство", "превосходство").

В системе местоимений отмечается постоянство основ личных местоимений 1-го и 2-го лица, в отличие от место-

www.alfons-servis.narod.ru

имениий 3-го лица, которое является одновременно и указательным местоимением; различие инклюзивной и эксклюзивной форм личных местоимений 1-го лица множественного числа *ихьу* (*ухьу*) "мы" (с тобой), *ичу* (*учу*) "мы" (без тебя); рассматриваются и другие прономинальные разряды.

В области имен числительных П. К. Услар прежде всего фиксирует наличие децимальной системы счета. По словам автора, "окончания (числительных) изменяются сообразно с тем, считаются ли разумные существа или бессмысленные" [Услар 1979: 151]. Здесь же рассматриваются вопросы образования сложных количественных числительных, особенности их склонения и функционирования; особенности порядковых, дробных, "распространенных", собирательных и кратных числительных.

Наиболее значительной в грамматическом очерке является часть, посвященная глагольному словоизменению. Она открывается описанием спряжения вспомогательного ("недостаточного") глагола *ву* "является, есть", "служащего самою простою связью между подлежащим и сказуемым" [1979: 163]. Подробно анализируются синтетические глагольные формы, спрягающиеся без участия вспомогательных глаголов. Внимание уделяется и вопросам размещения классных показателей в структуре глагольной основы.

Далее описываются временные формы, а также причастные, деепричастные формы, формы наклонений. Среди них особое место занимают производящие формы глагола: отглагольное имя (масдар), деепричастие, форма единственного числа императива.

При рассмотрении глагольного спряжения в табасаранском языке П. К. Услар придерживается концепции пассивности переходного глагола. Вместе с тем, распределение табасаранских глаголов по типам спряжения, по мнению Услара, "невозможно, поскольку они не могут быть подведены под определенные правила". Конструкция переходного глагола в табасаранском языке, по Услару, "сложна, запутана и неудовлетворительна". Такое суждение вызвано, по-видимому, тем, что сведение эргативной конструкции табасаранского языка к пассивной, основывающееся только на внешних признаках, не может быть признано эффективным.

Сборник табасаранских слов включает 1566 лексических единиц. Словарные статьи снабжены грамматической информаией: так, даны формы эргативного ("творительного") падежа

единственного числа и именительного падежа множественного числа, формы местных падежей имен существительных. Семантика слова иллюстрируется фразовыми примерами.

Грамматический очерк Услара не лишен и отдельных недостатков, что не умаляет его заслуг перед научным сообществом, о чем сам он писал следующее: "Сознаю всю недостаточность моих грамматических очерков, но вменяю себе в заслугу, что теперь ... доставят они настоящим лингвистам богатые материалы для исследования" [Услар 1880: 33].

По справедливой оценке Р. И. Гайдарова [1981: 145], эта грамматика "одна без помощи других книг может дать общее правильное представление о табасаранском языке. Время, отделяющее нас от момента создания труда не уменьшает, наоборот, в известном смысле увеличивает его научную значимость, потому что в нем предметно зафиксирован конкретный, теперь уже ставший историческим, хронологический срез одного из интереснейших горских кавказских языков; с этой работы Услара берут свое начало табасаранская диалектология, лексикография и текстология".

Материалы табасаранского языка нашли в свое время отражение и в книге Р. Эркерта «Языки кавказского корня». По мнению специалистов, использование малоэффективного метода анкетирования, "сделало работу Эркерта в глазах всех последующих исследователей совершенно лишенной авторитета" [Жирков, 1948: 13]. Ср. также категорический вывод А. Дирра: "Кто знал эту книгу, знает также и то, что она не могла быть полезной мне: табасаранские материалы Эркерта так же ненадежны, как и все другие его работы" [Дирр 1905: VII].

Адольф Михайлович Дирр создал грамматический очерк табасаранского языка [Дирр 1905], который в целои следует принципам монографии П. К. Услара: он содержит краткое предисловие, сжатый обзор фонетической системы и морфологического строя, фольклорные материалы: рассказы и сказки на табасаранском языке с русским переводом и грамматическими комментариями, а также сборник табасаранских слов (более 1400 лексических единиц) и русский указатель.

Морфология, особенно система глагола, занимает особое место в работе А. Дирра. Исследование А. Дирра не лишено и недостатков. В частности, нельзя не отметить его замечание о том, что "табасаранский язык наречий не имеет" [1905: V], которое не подтвердилось последующими исследователями

www.alfons-servis.narod.ru

[Боуда 1939; Генко 1940, 1941; Жирков 1948; Магометов 1965; Ханмагомедов 1967; 1987].

В целом же «Грамматический очерк табасаранского языка» А. Дирра сыграл определенную роль в истории изучения табасаранского языка.

Нельзя не указать также на работу Луи Ельмслева [1935], посвященную грамматической категории падежа в языках различных систем, в которой обращается особое внимание на систему склонения табасаранского языка, которая, по мнению ученого, является наиболее многопадежной из всех известных ему систем.

Над изучением табасаранского языка работал Карл Боуда, посвятивший этому языку исследование «Beiträge zur kaukasischen und sibirischen Sprachwissenschaft. Das Tabassaranische» [Leipzig, 1939]. Наблюдения Боуды основывались на печатных изданиях – «Литературной хрестоматии для начальных классов» (сост. А. Джафаров) и повести А. С. Пушкина «Дубровский» (перев. А. Джафарова). В отличие от П. Услара и А. Дирра, описание которых строилось на материале северных говоров, Боуда исследовал литературный язык, в основе которого, как известно, находятся южнотабасаранские говоры.

Исследование открывается краткой характеристикой звуковой системы и фонетические процессов. Основную часть книги занимает морфологический раздел. В работе представлены некоторые сведения о строе простого предложения в табасаранском языке.

В послереволюционное время в планомерное изучение и развитие табасаранского литературного языка активно включаются представители табасаранской интеллигенции – Темирхан Шалбузов, Абумуслим Джафаров, Ханмагомед Ханмагомедов, Асадуллах Ханмагомедов, Асланбег Везиров, Гаджи-ага Гаджиев, Дадаш Раджабов, Багаутдин Митаров, Ибрагим Шахмарданов, которые внесли весомый вклад в просвещение, культуру и искусство табасаранского народа.

В это время приоритетными являлись теоретические и практические проблемы языкового строительства, в т.ч. задачи создания национальной письменности и периодической печати..

В связи с проблемами типологического исследования языков привлекал данные табасаранского языка И. И. Мещанинов [1936; 1940 и др.]. В частности, в схеме стадиальной периодизации кавказских горских языков, он касается и падежной системы

табасаранского языка, опираясь на «Грамматический очерк табасаранского языка» А. Дирра, исследователь говорит о наличии в этом языке 36 падежей [Мещанинов 1936: 326].

В 30-е годы над изучением диалектов табасаранского языка работал А. Н. Генко, составивший диалектологический словарь табасаранского языка, к сожалению, до сих пор не опубликоВанный. А. Н. Генко выделяет в табасаранском языке по фонетическим, морфологическим и лексическим признакам три диалекта: сувакский (северный), нитрикский (южный) и этегский (восточный), отмечая особые различия между сувакским и нитрикским диалектами.

В 1948 году была опубликована монография Л. И. Жиркова «Табасаранский язык», в которой дается описание грамматического строя языка. Особое внимание автор уделяет морфологии, обращая внимание и на синтаксические функции различных морфологических единиц.

Спряжение табасаранского глагола по лицам, по мнению автора, резко отличается от спряжения в русском и иных индоевропейских языках: здесь маркируется только два лица: 1-е и 2-е. Автор говорит о возможности в структуре табасаранского глагола наряду с субъектным личным окончанием использовать личный формант, выражающий объект: "Дело в том, что в табасаранском языке к глаголу, уже имеющему личное окончание для указания на субъект, могут присоединиться и другие личные местоименные аффиксы для указания на объект в форме того или иного падежа и числа" [Жирков 1948: 109].

Значительное место в работе отводится анализу морфологической структуры глагола, включающей корень, превербы с разнообразными пространственными значениями, классные показатели (только в начале и только в середине корня), отрицательные и запретительные, реверсивные и редуплицированные аффиксы, формирующие производную глагольную основу.

Серию трудов по вопросам грамматики табасаранского языка опубликовал А. А. Магометов [1954, 1954а, 1956, 1960, 1962а, 1965, 1977, 1979, 1979а]. Он же подготовил к печати монографию П. К. Услара [1979] о табасаранском языке. В 1965 году вышло из печати его монографическое исследование по фонетике и морфологии языка «Табасаранский язык». В ней собран обширный лингвистический материал. По оценке А. С. Чикобава, значение данного труда заключается в том, что в ней показания табасаранского языка представлены на фоне сравнительно-типологи-

www.alfons-servis.narod.ru

ческого и историко-сравнительного анализа лезгинской группы иберийско-кавказских языков, и даже не только данной группы. В работе частично освещаются также отдельные вопросы синтаксиса табасаранского языка, причем анализируются данные не только литературного языка и его опорного южного (нитрикского) диалекта, но и показания северного (сувакского) диалекта.

Много лет продуктивно работал в области изучения табасаранского языка профессор Б. Г. Ханмагомедов, разработавший вопросы именного склонения [Ханмагомедов 1958, 1958а, 1958б, 1967, 1979], проблемы синтаксиса [Ханмагомедов 1970, 1970а, 1967] и др. Его монография «Очерки по синтаксису табасаранского языка» [Ханмагомедов 1970] является заметным событием в изучении синтаксического строя не только табасаранского языка, но и других дагестанских языков. Им же был составлен ряд учебников и пособий для табасаранских школ, а также учебник для педучилища, до сих пор остающийся единственным пособием для учителей родного языка.

Анализу лексики табасаранского языка посвящены работы В. М. Загирова [1975, 1976, 1977, 1981, 1982, 1986, 1987], отдельные вопросы грамматики исследованы З. М. Загировым [1987; 1982; 1982а], К. К. Курбановым [1978; 1976; 1977; 1980; 1983; 1986; 1990; 1995], К. Т. Шалбузовым [1964; 1981; 1985]. Они же являются авторами многих школьных учебников и учебных пособий. Результаты полевых исследований, проведенных в нескольких табасаранских селениях экспедициями МГУ, опубликованы в сборнике "Табасаранские этюды" [1982], в котором нашли отражение такие вопросы, как фонетика, синтаксис и морфология глагольного согласования, каузативная и некоторые другие конструкции. Происхождение лексики анализируется в "Школьном этимологическом словаре табасаранского языка" [Алексеев, Загиров 1992]. Табасаранско-азербайджанским языковым контактам была посвящена диссертация Т. Н. Эфендиева [1974].

Изучению грамматического строя современного табасаранского языка посвящены две монографии К. К. Курбанова [1986; 1995], в которых рассматриваются основные вопросы морфологической системы. В частности, в них всесторонне характеризуются грамматические категории и словоизменение частей речи. Особое внимание уделяется вопросам, связанным с нормализацией литературного языка.

В отделе грамматических исследований Института языка, литературы и искусства ДНЦ РАН в течение последних лет ведется работа по созданию нормативных грамматик дагестанских языков. В частности, Б. Г.-К. Ханмагомедовым, В. М. Загировым, З. М. Загировым, К. К. Курбановым и К. Т. Шалбузовым составлена «Нормативная грамматика табасаранского языка». В 2001 г. был опубликован табасаранско-русский словарь, подготовлен к печати также русско-табасаранский словарь.

В последние годы был опубликован целый ряд исследований, посвященных отдельным проблемам фонетики, морфологии и лексики табасаранского языка. Проблемы фонематической структуры и морфонологии табасаранского языка обсуждаются в диссертации и специальных статьях Ц. Барамидзе [2000; 2001; 2002 и др.]. Табасаранской фонетике посвящено также несколько работ М. Д. Ваджибова [1998; 1999; 2000; 2001 и др.]. Проблемы табасаранской глагольной морфологии исследуются в работах Ш. З. Дашдемирова [1990; 1996 и др.], С. Х. Шихалиевой [1993; 1995; 1996; 1997; 2001 и др.] и др. Наречие в табасаранском языке исследовалось У. Г. Джавадовой [1999].

Арабизмы в табасаранском языке стали предметом кандидатского исследования Э.Р. Ибрагимовой [2003]. Фономорфологической характеристике табасаранских диалектов посвящена диссертация и несколько специальных статей Н. В. Загирова [1995; 1997].

www.alfons-servis.narod.ru

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ТАБАСАРАНСКОГО ЯЗЫКА

Петр Карлович Услар

Адольф Дирр

Александр Несторович Генко

Темирхан Шалбузов

Бейдуллах Гаджи-Курбанович Ханмагомедов

Александр Амарович Магометов

Велибек Мирзабекович Загиров

Кази Курбанович Курбанов

www.alfons-servis.narod.ru

ФОНЕТИКА

Звуковой строй табасаранского языка характеризуется обилием согласных при сравнительно малом числе гласных звуков.

Гласные

В табасаранском языке шесть исконных гласных фонем: а, *и*, *э*, *у*, *уь*, *аь*. Гласные *э*, *уь*, *аь* по существующей орфографии в позиции после согласных обозначаются соответственно через *е*, *ю*, *я* (в начале слога эти буквы передают два звука: *й* + соответстающий гласный). Гласные *а*, *и*, *э*, *у* практически не отличаются от соответствующих гласных русского языка: *баб* 'бабушка', *лик* 'нога', *эпел* 'скирда', *сул* 'лиса' и др. Гласные *уь*, *аь* представляют собой фарингализованные корреляты *у*, *а*, квалифицируемые в табасаранском языке как самостоятельные фонемы: *урхуб* 'читать' – *уьрхюб* 'беречь', *аргъуб* 'остывать' – *аьргъюб* 'опухать' и др. (впрочем, имеются основания считать их позиционными вариантами, обусловленными соответствующими фарингализованными согласными). Следует отметить, что в табасаранском языке имеется также характерный для тюркских языков узкий лабиализованный гласный переднего ряда, графическое обозначение которого совпадает с обозначением фарингализованного *уь*(*ю*): *уьл* [*йл*] 'хлеб', *гуьгьуьл* [*гйгьйл*] 'настроение' и др. Через заимствованные из русского языка слова в литературный табасаранский язык вошли также гласные *о*, *ы*: *объект*, *орден*, *космос*, *выставка*, *лыжйир* 'лыжи' и др.

В отношении долготы и краткости гласные в табасаранском языке нейтральны, хотя фонетически долгие встречаются в некоторых заимствованных словах: *аагъу* 'яд', *лаазим* 'нужный', *аьаьлим* 'ученый' и др. Они не имеют смыслоразличительного значения и на письме не отображаются.

Таблица гласных табасаранского языка может быть представлена следующим образом:

	передн. ряд		средн. ряд	задн. ряд	
	нелаб.	лаб.		нелаб.	лаб.
Верхн. подъем	и	уь		у	
фаринг.				уь	
Средн. подъем	э			о	
Нижн. подъем				а	
фаринг.				аь	

Согласные

Очень сложна в табасаранском языке система согласных звуков. В консонантизме табасаранского языка представлены четверичная система смычных и аффрикат, двоичная система спирантов, дентолабиализованные и билабиализованные согласные:

Место образования	Способ образования										
	Смычные				Аффрикаты				Спиранты		Сонорные
	Придыхательные	Непридыхательные	Звонкие	Абруптивные	Придыхательные	Непридыхательные	Абруптивные	Звонкие	Глухие	Звонкие	
Губные	*п*	*пп*	*б*	*пI*					*ф*	*в*	*м*
Дентальные	*т*	*тт*	*д*	*тI*	*ц*	*цц*	*цI*	*дз*	*с*	*з*	*н*
Альвеолярные					*ч*	*чч*	*чI*	*дж*	*ш*	*ж*	*л*, *р*
Дентолабиал.					*чв*	*ччв*	*чIв*	*джв*	*шв*	*жв*	
Среднеязычные											*й*
Заднеязычные	*к*	*кк*	*г*	*кI*					*хь*	*гг*	
лаб.	*кв*	*ккв*	*гв*	*кIв*							
Увулярные					*хъ*	*къ*	*кь*		*х*	*гъ*	
лаб.					*хъв*	*къв*	*кьв*		*хв*	*гъв*	
Ларингальные				*ъ*					*гь*		

Из русской графики в табасаранский алфавит вошли также буквы *щ* (хотя в табасаранском произношении имеем обычный спирант *ш*) и *ь*, который наряду с йотированными *я*, *ю*, *е*,

www.alfons-servis.narod.ru

обозначает мягкость согласных в заимствованных из русского языка словах.

В рамках принятого алфавита некоторые согласные фонемы не имеют отдельных обозначений. Так, звонкие аффрикаты *дз, дж*, а также звонкий спирант *гг* передаются буквами *з, ж, г*: *зигуб* (*дзиггуб*) 'тянуть', *убжуб* (*убджуб*) 'испечь' и др., совпадая, таким образом, со спирантами и звонким смычным. Непридыхательные согласные передаются через удвоение букв, обозначающих соответствующие придыхательные звуки: *кивуб* 'посадить' – *ккивуб* 'подложить', *чил* 'сизый' – *ччил* 'ягненок', *ебцуб* 'взвесить' – *ебццуб* 'сушить' и др.

Лабиализованные и дентолабиализованные согласные обозначаются при помощи дополнительной буквы *в*: *шур* 'солянка' – *швур* 'половинка', *ич* 'наш' – *ичв* 'ваш', *гъал* 'скандал' – *гъвал* 'бок', *кIан* 'дно' – *кIван* 'сердечный' и др. В тех случаях, когда стоящий после подверженных лабиализации согласных в обозначает собственно губно-зубной звонкий спирант *в*, он отделяется от него посредством апострофа: *уж'вал* 'добро', *гаш'вал* 'голод', *нач'вал* 'стыд' и др.

Заднеязычные и увулярные в соседстве с гласными переднего ряда (как в начале, так и в конце слога) заметно палатализуются, однако эта палатализация не имеет фонематического характера.

Ударение

Ударение в табасаранском языке, в отличие от остальных дагестанских языков, нефиксированное, подвижное, тяготеющее к конечному слогу: *дяхúн* 'пшеница', *хюнú* 'корова', *дажú* 'осел', *хъунтú* 'тупой', *лалáкI* 'заика', *хумурзáг* 'арбуз', *гъютIрахьúм* 'еж', *гаварзáл* 'наковальня', *арфанú* 'огурец', *хьадукáр* 'весна', *марччлихъáн* 'чабан' и др.

Подвижность ударения проявляется при изменении слова. При увеличении слогов в слове за счет разных суффиксов, падежных окончаний и т. п. ударение, как правило, перемещается с корня слова на эти аффиксы: *гъюдрáч* 'скатерть' – *гъюдрачáр* 'скатерти', *мишмúш* 'абрикос' – *мишмишáр* 'абрикосы', *цIарý* 'пестрый' – *цIарушúн* 'пестрота', *зурнá* – 'зурна' – *зурначú* 'зурнач', *зия́н* 'вред' - *зиянкáр* 'вредитель' и др.

При перемещении ударения часто гласные звуки, утратившие ударение, редуцируются и при этом происходят различные фонетические процессы, о которых будет сказано особо.

В табасаранском языке много слов, в которых ударение играет смыслоразличительную роль: *áбсуб* 'втыкать' – *абсýб* 'мазать', *áбтIуб* 'влепить(оплеуху)' - *абтIýб* 'порезать', *ýбгуб* 'заблудиться' - *убгýб* 'гореть', *ýбзуб* 'наливать' – *убзýб* 'сеять', *ýбхьуб* 'наливать' – *убхьýб* 'кипятить', *вýйи* 'был' – *вуйú* 'бывший' и др. Во многих случаях деепричастные, причастные и личные формы глагола различаются лишь местом ударения: *úлтIикIну* 'повернувшись' – *илтIúкIну* 'повернулся', *áлдабгъну* 'сняв' – *алдабгънý* 'снял', *ýтIубччвну* 'выскочив' - *утIýбччвну* 'выскочил', *гъадáбгъур* 'взявший' – *гъадабгъýр* 'возмет' и т. д.

Наблюдаются определенные закономерности в расстановке ударения и в других глагольных формах. Так, например, в двусложных беспревербных глаголах ударение всегда падает на второй слог: *ахýб* 'спать', *лихýб* 'работать', *лигýб* 'смотреть', *лицýб* 'гулять' и др. В глаголах с превербами в двусложных словоформах ударение всегда падает на первый слог, а в трехсложных – на последний: *ккáбхъуб* 'подпасть под...' – *ккадабхъýб* 'выпасть из-под..., *(ъ)áбхьуб* 'всыпать в...' – *алабхьýб* 'насыпать на...', *хъéуб* 'влезть за...' – *хъедеýб* 'вылезть из-за...' и др.

Встречаются и другие закономерности в расстановке ударения. В частности, различаются всегда ударные или безударные аффиксы, флексии и др.

Фонетические процессы

Большинство фонетических процессов в системе гласных и согласных в табасаранском языке связано с перемещением ударения в слове, которое в нитрикском диалекте, лежащем в основе литературного языка, подвергает морфемику слова довольно значительной трансформации.

Из этих процессов обычно отмечаются следующие:

Редукция гласных. При перемещении ударения на другой (обычно последующий) слог, гласный звук, утративший ударе-

www.alfons-servis.narod.ru

ние, как правило, полностью выпадает: *гажи́н* 'кувшин' – *гажна́р* 'кувшины' (из *гажина́р*), *гьала́в* 'ковер' – *гьалва́р* 'ковры' (из *гьалава́р*), *далдабу́* 'барабан' – *далдабчи́* 'барабанщик), *памаду́р* 'помидор' – *памадра́р* 'помидоры' и др.

При этом выпавший *у* во многих случаях, выпадая, лабиализует предшествовавший ему согласный: *гакlу́л* 'полено' – *гакlвла́р* 'дрова', *жаку́л* 'кукла' – *жаквла́р* 'куклы', *яху́л* 'лакец' – *яхвла́р* 'лакцы' и др.

Звонкие согласные, очутившись при выпадени гласных в позиции перед глухими согласными, оглушаются: *ка́дагъ* 'выбирай' – *кттагъу́б* 'выбирать', *хъа́забг* 'приподними' – *хъццабгу́б* 'приподнимать', *хъа́джабгъ* 'сполосни' – *хъччабгъу́б* 'полоскать' и т. д.

Изменение качества гласных. При перемещении ударения некоторые гласные претерпевают качественные изменения: ударный *а* в суффиксе множественности *-ар, -яр* под влиянием корневых гласных переходит в *аь, э, и*: *мярх – мярхя́р* 'сани', *дюд – дюде́р* 'горла', *мяъли – мяълийи́р* 'песни' и др.

В позиции перед *и* после показателя VI серии местных падежей *-гъ* гласный *а* переходит в фарингализованный *аь*: *укlягъ* 'в траве' – *укlгъян* 'из травы' (ср. *укlакк* 'под травой' – *укlккан* 'из-под травы'). Переход *а* в *аь* в данном суффиксе показывает, что *гъ* в показателе серии представляет собой фарингализованную фонему.

Сингармонизм гласных. Табасаранскому вокализму отчасти присуще явление сингармонизма, характерное для тюркских языков. Процесс уподобления гласных наблюдается в глагольных основах. При образовании от глагольных корней различных форм, все слоги основы получают огласовку по корневому гласному: ср. *ипуб* 'вбросить' – *идрипуб* 'не вбросить', *идипуб* 'выбросить' – *идидипуб* 'не выбросить' – *миидипан* 'не выбрасывай' – *илдидипри* 'не сбрасывая', *эдеуб* 'вылезать' – *эдедеуб* 'не вылезать' – *меэдеан* 'не вылезай', *алдабгъуб* 'снять' – *алдадабгъри* 'не снимая', *уьчlюбгъюб* 'вытаскивать' – *мюуьчlюбгъян* 'не вытаскивай' – *уьчlючlюбгъюб* 'не вытаскивать' и т. п.

Удвоение геминатов. По свидетельству Б.Г.-К.Ханмагомедова [1967], некоторые геминированные согласные, оказавшись

на стыке слогораздела, как бы удваиваются: *никк* 'молоко' – *никк-ккар, даттт* 'петух' – *даттт-ттар, рякъ* 'дорога' – *рякъ-къяр* и др. (на письме это не отражается: *никкар, даттар, рякъяр*). По всей видимости, исторически в табасаранском языке наряду с обычными непридыхательными согласными были и усиленные геминаты.

Выпадение согласных. Ларингальный смычный абруптив ъ (гамза) в позиции перед гласными в произношении ослабляется и на письме не обозначается: *ккаъ* 'уложи (спать)' – *ккауб* 'уложить', *хилариъ* 'в руках' – *хилариан* 'из рук', *маъ* 'мозг' – *маар* 'мозги' и др.

www.alfons-servis.narod.ru

МОРФОЛОГИЯ

Морфологический тип табасаранского языка в основном агглютинативный. В нем выделяют десять частей речи: имена существительные, прилагательные и числительные, местоимения, глаголы, наречия (знаменательные слова), а также союзы, частицы, послелоги и междометия (служебные слова).

Среди частей речи по своей грамматической значимости выделяются имя существительное и глагол, так как табасаранский язык имеет очень развитую систему склонения имени и спряжения глагола.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Имя существительное, будучи частью речи со значением предметности, является одним из наиболее употребительных разрядов слов в табасаранском языке. Им обозначаются живые существа, предметы материального мира, явления реальной действительности, их отношения и состояния, абстрактные понятия и др.: *бай* 'мальчик', *чи* 'сестра', *шид* 'вода', *иб* 'ухо', *укI* 'трава', *нач* 'стыд', *аьхъюшин* 'холод', *угал* 'зуд', *душманвал* 'вражда', *гъягъювал* 'уход', *жанлувал* 'жизненность' и др. □

Основными грамматическими категориями существительного в табасаранском языке являются категории класса, числа и падежа.

Существительные в табасаранском языке к одному из двух именных классов: 1) класс разумных существ, к которому относятся слова, обозначающие людей, богов, ангелов и др. (*инсан* 'человек', *чве* 'брат', *баб* 'мать', *аллагь* 'бог', *малайик* 'ангел', *пайгъамбар* 'пророк' и др.), и 2) класс неразумных существ, к которому относятся слова, обозначающие весь остальной одушевленный и неодушевленный мир (*сил* 'кабан',

чIамчч 'муха', *гъарз* 'скала', *мархь* 'дождь', *уж'вал* 'добро', *ляхин* 'работа', *игитвал* 'геройство' и др.)

В самом существительном грамматические признаки класса отсутствуют, и на принадлежность его к тому или другому классу указывают классные показатели в прилагательных, числительных, местоимениях и глаголах при их согласовании в единственном числе (показатели множественного числа совпадают с экспонентами класса разумных существ): *ужуб ляхин* 'хорошая работа' – *ужур кас* 'хороший человек' – *ужудар ляхнар* (*касар*) 'хорошие работы (люди)'; *сул гьебгну* 'лиса убежала' – *бай гьергну* 'мальчик убежал' – *сулар* (*баяр*) *гьергну* 'лисы (дети) убежали' и т. д.

В табасаранском языке существительные выступают в двух числах – единственном и множественном: *лик* 'нога' – *ликар* 'ноги', *туп* 'мяч' – *тупар* 'мячи', *вич* 'яблоко' – *вичар* 'яблоки' и т. д. Некоторые существительные употребляются только в единственном или множественном числах, например: *инсаният* 'человечество', *ислягьвал* 'мир', *сархуш'вал* 'эйфория' (только ед.); *пирпйир* 'седло', *хирччвар* 'хурджины', *ричIикьулар, терезар* 'весы', *аьйнар* 'очки' (только мн.) и др. Поскольку категория числа и падежа тесно связаны, о способах образования множественного числа будет сказано при описании системы склонения имени в табасаранском языке.

В лексико-семантическом аспекте различаются существительные собственные (*Муса, Дербент, Самур* и др.) и нарицательные (*ччвур* 'имя', *нир* 'река', *шагьур* 'город' и др.)

Категория одушевленности и неодушевленности в табасаранском языке грамматически не выражена. Одушевленные предметы (кроме человека) отвечают на тот же вопрос что?, как и неодушевленные, ср.: *фуж?* (кто?) – *инсан* 'человек', *гъунши* 'сосед' и др., но *фу?* (что?) – *гъум* 'песок', *кIари* 'теленок', *мизмиз* 'комар' и др.

Склонение имен существительных

Система склонения в табасаранском языке, как и в ряде других дагестанских языков, строится по т. н. "принципу двух основ", который заключается в том, что именительный падеж служит основой для эргативного падежа, а эргатив, в свою

www.alfons-servis.narod.ru

очередь, служит основой для косвенных падежей. Надо сказать, что для табасаранского языка это положение не совсем верно. Дело в том, что, согласно традиционной табасаранской грамматике, у существительных, эргатив которых образуется посредством покателей *-ну, -ру, -лу* и частично *-у*, начиная с родительного падежа *у* переходит в *а*: *чIал* 'язык' – *чIалну* – *чIалнан*, *люкь* 'орел' – *люкьру* – *люкьран*, *укI* 'трава' – *укIу* – *укIан* и др. По-видимому, описание образования падежей подобных имен выглядело бы логичнее, если предполагать у них образование косвенной основы падежей с *-а-*, от которой уже переходом *-а-* > *-у* образуется эргатив.

Именительный падеж ед. числа у непроизводных основ лишь специальных падежных аффиксов и представляет собою основу, от которой образуются эргатив ед. числа и именительный падеж мн. числа. От последнего, в свою очередь, образуется эргатив мн. числа. Таким образом, в табасаранском языке имеются две основы имени – основа именительного падежа и основа косвенных падежей, которые не совпадают друг с другом.

Основные падежи. Основными падежами в табасаранском языке считаются падежи именительный, эргативный, родительный и дательный.

Именительный падеж ед. числа существительного, как было отмечено, грамматически не оформлен и представляет собою назывную форму имени. Он отвечает на вопросы *фуж*(кто?) в классе разумных существ и *фу?*(что?) в классе неразумных существ: *фуж?* – адаш 'отец', *дада* 'мать', *швушв* 'невеста', *жилир* 'мужчина' и др.; *фу?*(что?) – *швеъ* 'медведь', *луф* 'голубь', *зимз* 'муравей', *гъван* 'камень', *рук* 'куст' и др. Именительный падеж множ. числа отвечает на вопросы *фужар?*(кто?) и *фйир?*(что?) и образуется от формы именительного падежа единств. числа при помощи аффиксов *-ар* (> *-аьр, -эр*) от слов с согласным исходом и *-йир* (<*-йар*) от слов с гласным исходом: *кIул* 'голова' – *кIулар*, ул 'глаз' – *улар*, *ляхин* 'работа' – *ляхнар*, *сес* 'голос' – *сесер*; *кюкю* 'цветок' – *кюкйир*, *кьалайчи* 'лудильщик' – *кьалайчйир* и т. д. При этом, как видно из примеров, гласные конечного слога в двух-трехсложных словах в связи с утратой ударения выпадают.

В предложении существительные, стоящие в именительном падеже, выступают в качестве подлежащего, объекта (прямого

дополнения' и именной части составного сказуемого: *Риш даахна* 'Девочка спит'; *Бали хилар жикIура* 'Мальчик руки моет'; *Му йиз китаб ву* 'Это – моя книга' и т. д.

Имя в эргативном падеже отвечает в зависимости от класса и числа на вопросы *шли? фужари?* и *фти? фйири?* Он образуется от косвенной основы посредством нулевого показателя и переходом *-а-* > *-у*, о котором речь шла выше, или, иными словами, от форм именительного падежа при помощи показателей *-и, -у(уь), -ди, -йи, -ри, -ли, -ни, -ну, -ру, -лу* в единственном числе и при помощи -и во всех случаях – во множественном: *мал* 'скот' – *мали, малари*; *укI* 'трава' – *укIу, укIари*; *нюрх* 'полба' – *нюрхю, нюрхяри*; *аслан* 'лев' – *асланди, асланари*; *аба* 'отец' – *абайи, абйири*; *лик* 'нога' – *ликри, ликари*; *ушв* 'рот' – *ушвни, ушвари*, *гаф* 'слово' – *гафну, гафари*; *луф* 'голубь' – *луфру, луфари*; *микI* 'ветер' – *микIлу, микIари* и т. д.

При образовании эргативного падежа единственного числа также происходит выпадение гласных, утративших ударение, как и при образовании именительного падежа мн. числа: ср. *марфакI* 'подушка' – *марфкIи* – *марфкIар*; *гамуш* 'буйвол' – *гамши, гамшар*; *ифи* 'кровь' – *ифди, ифйир* и т. д.

Установить строгие правила, регулирующие образование эргатива в единственном числе посредством того или другого показателя, довольно трудно. В силу этого соответствующая грамматическая информация обычно приводится в словарях, сообщающих наряду с формами именительного падежа ед. и мн. числа также формы эргатива.

Существительные, стоящие в эргативном падеже, в предложении выступают в качестве подлежащего (при переходном глаголе-сказуемом) или дополнения в значении орудия действия: *Гатди шид убхъура* 'Кошка воду пьет'; *Дугъу дажи маргъли убччвура* 'Он осла палкой избивает' и др.

Родительный падеж существительных отвечает на вопросы *шлин? фтин?* и *фужарин? фйирин?*. Он образуется посредством показателя *-н* от косвенной основы (resp. формы эргативного падежа): *дадайи* 'мать' – *дадайин, дадйири* – *дадйирин*; *уьли* 'хлеб' – *уьлин, уьлери* – *уьлерин, лампайи* 'лампа' – *лампайин, лампйири* – *лампйирин* и т. д.

Существительные, стоящие в родительном падеже, употребляются в значении притяжательных и относительных прилага-

www.alfons-servis.narod.ru

тельных (*дяхнин уьл* 'пшеничный хлеб', *абайин ургам* 'отцовский тулуп', *бабан чIал* 'родной язык' и др.) и в предложении обычно выступают в качестве определения. В отличие от остальных падежных форм они, принимая суффиксальные классные показатели, подобно прилагательным, субстантивируются и начинают самостоятельно склоняться: *дяхнинуб* 'нечто пшеничное' – эрг. *дяхнинубди*, род. *дяхнинубдин...*; *абайинур* 'некто отцовский' – эрг. *абайинури*, род. *абайинурин*, им. мн. *абайиндар* 'отцовские' и т. д. Ср. *мани уьл* 'горячий хлеб' – *дяхнин уьл* 'пшеничный хлеб', *уьл маниб вуйи* 'хлеб горячий был' – *уьл дяхнинуб вуйи* 'хлеб пшеничный был'; *абайин хал* 'отчий дом' – *бай абайинур вуйи* 'сын отцовский был' и др.

Дательный падеж отвечает на вопросы *шлиз? фужариз?* и *фтиз? фйириз?* и образуется от формы косвенной основы (эргатива) при помощи показателя -*з*: *устайи* 'мастер' – *устайиз, устйир – устйириз*; *бабу* 'мать' (род. *бабан*) – *бабаз, бабари – бабариз* и т. д.

Дательный падеж в литературном табасаранском языке вытесняет направительный падеж I серии (куда? во что?): *Шубар шагьриз гъушну* 'Девушки поехали в город', но *Шубар Хивна гъушну* 'Девушки поехали в Хив'.

В предложении существительные, стоящие в дательном падеже выступают в качестве дополнения и обстоятельства места. При глаголах чувствования они выступают также и в качестве логического субъекта: *Сулаз гъюр гъябкъну* 'Лиса увидела зайца'; *Хюрчабниз саб сес гъеебхьну* 'Охотник услышал какой-то звук' и др.

Пространственные падежи в табасаранском языке сохранили наиболее полную и стройную систему, которая в некоторых других дагестанских языках подверглась большому разрушению. Литературный язык сохранил семь серий, т.е. показателей локализации предмета в пространстве по отношению к какому-либо другому предмету (нахождение в, на, под, за чем-л. и т. д.). Каждая из этих семи серий в зависимости от направления и характера движения (где? куда? откуда? и т. д.) имеет по шесть падежей.

Эссивы, или падежи покоя, в системе групп пространственных падежей занимают особое место. Эссивы, подчиняясь отмеченному выше принципу "двух основ", образуются от формы эргативного падежа посредством присоединения к ней соответствующих показателей.

Остальные же группы падежей образуются уже не от эргативного падежа непосредственно, а от эссивов, вследствие чего показатели эссивов одновременно выступают и как показатели отдельных серий вообще.

Эссивы показывают различные пространственные отношения между предметами, находящимися в состоянии покоя и отвечают на вопросы где? или в чем? в ком? под чем? и т. д. в зависимости от серии.

I серия эссивов образуется посредством прибавления к косвенной основе смычно-гортанного глухого ъ (гамза) и обозначает нахождение предмета где-нибудь, в чем-нибудь, внутри чего-нибудь: *Шагьриъ гизаф агьалйир а* 'В городе много жителей'; *Талсиъ мух айи* 'В мешке находился ячмень'.

Собственные имена – названия местных населенных пунктов не имеют особой формы этого падежа, вернее, они имеют для именительного падежа и эссива I серии одну и ту же форму: ср. *Ич хизан Хив яшамиш шула* 'Наша семья живет в Хиве' и *Хив аьхю гъул ву* 'Хив – большое село'.

Нужно отметить, что названия местных населенных пунктов имеют только одну (первую) серию местных падежей. Это объясняется тем, что эти названия сами, как правило, являются формами эссивов разных серий и по своей специфике не требуют детализации своего пространственного расположения.

В живой речи показатель эссива I серии ъ часто произносится невнятно или вовсе не произносится. В отдельных существительных он утратился и в литературном языке: эти существительные превратились в наречия времени: *хьадукра* 'летом' (из *хьадукраъ*), *саб вахтна* 'одно время', 'некогда', 'когда-то' (из *саб вахтнаъ*) и др.

II серия эссивов образуется посредством показателей *гь//хь* и обозначает нахождение предмета у, около чего-нибудь или перед чем-нибудь. *Урнарихь (урнаригь) гамуш дабхъна* 'у ворот (перед воротами) буйвол лежит'; *Рягънихь (рягънигь) баяри хядар дисурайи* 'У мельницы дети удили рыбу'.

У слов, относящихся к классу разумных существ, этот падеж в настоящее время имеет преимущественно значение временного обладания, принадлежности, нахождения у кого-нибудь, имея в

www.alfons-servis.narod.ru

виду не пространственные отношения, а присутствие, наличие вообще: *Йиз бицIи чи хьадну халайихь хьайи* 'Моя сестренка летом была у тети'; *Дугъагь гъи пул гьадайи* 'У него сегодня не было денег'.

Подобное развитие абстрактных, непространственных значений из местных вполне закономерно (ср. русск. *У сестры была книга* и *У леса стояла избушка*)[1].

Что же касается чисто местных отношений этого падежа в словах, относящихся к классу разумных существ, то они в настоящее время передаются исключительно посредством послелогов в сочетании их с родительным падежом: *Балин улигь ягъли сар адми дийигънайи* 'Перед парнем стоял какой-то высокий человек'; *Шуран багахь гвар хьайи* 'Возле девушки стоял кувшин'.

Характерной особенностью рассматриваемого падежа в табасаранском языке является то, что он имеет два показателя и выражает такие различные, хотя и довольно близкие друг к другу, значения, как локализация «перед» и «около». Между тем, остальные серии не имеют больше одного показателя и выражают какое-нибудь одно пространственное отношение. Исследование этого вопроса путем привлечения фактов близкородственных табасаранскому агульского и лезгинского языков дает основание для предположения, что исторически формы на *-гь* и *-хь* представляли собой два самостоятельных падежа, из которых один (на *гь*) обозначал локализацию «перед», а второй (на *-хь*) – локализацию «около».

III серия эссивов образуется посредством показателя *-к* и обозначает нахождение предмета на вертикальной или боковой поверхности: *Цалик карта ка* 'На стене карта висит'; *Йицран гъвалак тIамгъа ка* 'На боку у быка тавро (есть)'.

Эссив III серии обозначает также нахождение предмета в жидкой или сыпучей среде. При этом упор делается не на самый факт нахождения этого предмета в какой-то среде, а на количественную сторону – нахождение малого в большом, например: *Дяхник гаргар ка* 'В пшенице овес есть', т. е. пшеница

[1] Развитие абстрактных значений из пространственных в табасаранском языке наблюдается во многих местных падежах.

засорена овсом; *Жукук кьил кабхь* 'В суп соли посыпь' (немножко) и т. д.

IV серия эссивов образуется посредством показателя *-хъ* и обозначает нахождение предмета за чем-нибудь, позади чего-нибудь: *Дагъдихъ бицIи гъул хьайи* 'За горой был небольшой аул'; *Столихъ хъайидар за гъаши* 'Сидящие за столом встали'.

У слов, обозначающих одушевленные предметы, этот падеж потерял пространственное значение и обозначает наличие, принадлежность: *Пеълихъ йицIухьуб шюхъ хъа* 'У курицы пятнадцать цыплят'; *Шурахъ хьур чве хъа* 'У девушки пятеро братьев'.

V серия эссивов образуется посредством показателя *-кк* и обозначает нахождение предмета под чем-нибудь или под кем-нибудь: *Гьарикк кума кка* 'Под деревом избушка (есть)'; *Гьвандикк мяляхъв кка* 'Под камнем червяк (есть)'.

VI серия эссивов образуется посредством показателя *-гъ* и обозначает нахождение предмета между чем-нибудь, между частями, среди чего-нибудь: *Адашдин кIвантIаригъ папрус гъяйи* 'В губах (букв. между губами) у отца была папироса'; *КIараригъ кьюб лизи мудур жаргъурайи* 'Среди телят бегали два белых козленка'.

Существительные, которые, начиная с родительного падежа, меняют показатель эргатива *-у* или же у в составе показателей *-ру, -лу, -ну* на *а*, в данном падеже меняют этот *а* на *аь (я)* под влиянием предшествующего *гъ*: *машну – машнан – машнягъ* 'лицо' *гаф – гафну – гафнягъ* 'слово' и т. д.

VII серия эссивов образуется посредством показателя *-ин (< ил)* и обозначает нахождение предмета на чем-нибудь или над чем-нибудь: *Гъваин бай дийигъна* 'На крыше стоит мальчик'; *Тепейиин люкь тIибхура* 'Над холмом летит орел'.

При образовании эссива VII серии от целого ряда слов происходят некоторые изменения в основе косвенных падежей:

1. Существительные, имеющие чередование -у эргатива и *-а-* косвенной основы, меняют этот *а* в эссиве VII серии на *и* под влиянием гласного и в показателе этой серии: *гафну – гафнан – гафниин* 'слово', *битIру – битIран – битIриин* 'змея' и т. д.

2. В односложных существительных, эргатив от которых образуется посредством детерминантов *-и, у* эти звуки вследствие утраты ударения, как правило, редуцируются, выпадают;

www.alfons-servis.narod.ru

например: *кIул – кIули – кIул'ин* 'голова', *гъюн – гъюни – гъюн'ин* 'плечо', *баб – бабу – баб'ин* 'мать' и т. д.

Апостроф здесь ставится для обозначения слогораздела.

Слогораздел (точнее, наличие ларингала) в подобных случаях выступает в табасаранском языке в смыслоразличительной функции: ср. *кIу-лин* (род. пад. пишется *кIулин*), *кIул-ъин* (эссив VII серии, пишется *кIул'ин*) и т. д.

Во множественном числе выпадение детерминанта косвенной основы и в VII серии эссивов может иметь место во всех словах, однако, как в живой, так и в письменной речи, его выпадение или сохранение совершенно факультативно: *хярари – хярарин // хярар'ин* 'луга', *ярквари – ярквариин // ярквар'ин* 'леса', *ликари – ликариин // ликар'ин* 'ноги' и др.

Посредством прибавления показателя *-ан* от эссивов всех семи серий образуются аблативы, или падежи исходные. Аблативы обозначают, откуда исходит действие: из чего, от чего, из-под чего и т. д. Примеры: *Кумгъриан кум удубчIвура* 'Из дымохода выходит дым' (I серия); *Баяр гьархьан* (или *гьаргьан*) *гъудучIвну* 'Дети отошли от дерева' (II серия); *Дугъан мухрикан значок ктабхъну* 'С его груди скатился значок' (III серия); *Дагъдихъан ригъ хътIибгъну* 'Из-за горы взошло солнце' (IV серия); *Рукариккан гъюр ккутIубччвну* 'Из-под кустов выскочил заяц' (V серия); *Гъарзаригъян нир ахмиш шула* 'Меж камней течет ручей' (VI серия); *Гъваарилан йиф алдабхьура* 'С крыш сбрасывают снег' (VII серия).

При образовании аблативов от эссивов сами формы эссивов или показатель аблативов -ан в отдельных сериях подвергаются небольшим фонетическим изменениям:

1. При образовании аблатива I серии окончание эссива ъ (гамза), оказавшись в положении между двумя гласными, ослабляется и выпадает: *кьаблиъ – кьаблиан* 'корень', *дюдниъ – дюдниан* 'горло', *жибдиъ – жибдиан* 'карман' и т. д.

В односложных существительных, образующих косвенную основу посредством ударяемых детерминантов *и, у*, последние при образовании аблатива I серии редуцируются (и в том случае, когда детерминант эргатива *-у* переходит в остальных падежах в *а*); *нири – нир'ан* 'река', *хили – хил'ан* 'рука', *дукIу* (род. *дукIун*) – *дукI'ан* 'просо', *гъулу* (род. *гъулан*) – *гъул'ан* 'село' и т. д.

2. При образовании аблативов в связи с перемещением ударения на показатель: *-ан* гласный в предшествующих слогах выпадает и во всех остальных сериях аблативов: *гьарихъ – гьархъан* 'дерево' (II серия), *гьарихъ – гьархъан* (III серия), *гьарикк – гьарккан* (V серия) и т. д.

Выпадение гласного в окончаниях эссивов при образовании аблативов, однако, не происходит тогда, когда в случае выпадения гласного появилось бы несвойственное для табасаранского языка стечение нескольких согласных: ср. *гьарикк – гьарккан* 'дерево', но *хъалхъмикк – хъалхъмиккан* 'дупло' (V серия).

3. При образовании аблатива VII серии *н* в окончании эссива этой серии переходит в *л*, (исконный показатель этой серии) *рякъдиин – рякъдилан* 'дорога' (вместо ожидаемого *рякъдиинан*), *гакIвлиин – гакIвлилан* 'полено' (вместо ожидаемого *гакIвлиинан*) и т. д.

Аблативы отдельных серий развили и некоторые абстрактные значения:

а) аблатив II серии при глаголах *хьуб//шуб* 'уметь', *удукьуб* 'мочь' и др. обозначает логический субъект: *Устайихьан му ляхин тамам апIуз шулу* 'Мастер может выполнить эту работу'; *Му Нурихьан удубкьру ляхин дар* 'Нур не справится с этой работой'.

б) аблатив III серии при глаголах *улхуб* 'говорить', *фикир апIуб* 'думать', *ктитуб* 'рассказывать' и др. обозначает косвенный объект и соответствует русскому предложному падежу с предлогами о (об), про: *Абайи чан уьмрикан ктибтурайи* 'Дед рассказывал о своей жизни'.

Посредством прибавления показателя *-на* от эссивов образуются лативы или падежи направительные.

Лативы противопоставлены аблативам и выражают обратные значения, т.е. движение куда-л. или же во что-л., под что-л., к чему-л. и т. д. (соответственно серии) направлено действие: *Баб накь Арчугъна гъушну* 'Бабушка вчера поехала в Арчуг' (I серия); *Гьарихьна (гьаригьна) шубар гъафну* 'К дереву подошли девочки' (II серия); *Дагъдин машнакна марччарин лиж гъафну* 'На склон горы пришла отара овец' (III серия); *Ху раккнарихъна гъафну* 'Собака подошла к дверям' (букв. 'пришла за двери' – IV серия); *Гьариккна жаргъай, баяр!* 'Дети, бегите под дерево!' (V серия); *Йицар урнаригъна дуфну дийигъну* 'Волы остановились в

www.alfons-servis.narod.ru

воротах' (VI серия); *Жил'ина кIажар ахьрайи* 'На землю падали листья' (VII серия).

Исконная форма латива I серия в литературном языке, как и в подавляющем большинстве говоров, вытеснена дательным падежом.

Латив I серии образуется в настоящее время только от названий местных населенных пунктов (а также от наречий места и послелогов). Ср. *НичIрас – НичIрасна* 'в Ничрас', *айитI – айитIна* 'внутри' – 'во внутрь' и т. д. , но *хулаъ – хулаз* 'дома' – 'домой', *икриъ – икриз* 'во дворе' – 'во двор', *Дербентдиъ – Дербентдиз* 'в Дербенте' – 'в Дербент'.

В лативе VII серии в литературном языке при стечении двух *н* (*н* в показателе VII серии и *н* в показателе лативов) один из них отпал: *ликриин – ликрииина* 'нога' вместо *ликриинна, маргълиин – маргълиина* 'палка' (вместо *маргълиинна*) и т. д.

Значения лативов преимущественно чисто пространственные. Абстрактные значения, развитые лативами, незначительны, поэтому на них можно не останавливаться.

Следует отметить, что сфера употребления лативов в табасаранском языке постепенно сужается. Они вытесняются эссивами, которые все чаще употребляются вместо лативов: *Жюлег жибдиъ ивунза* 'Ключ я в карман положил' (вместо *жибдиъна* или же *жибдиз* – I серия); *Шкафдихъ туп хъабхъну* 'Мяч упал за шкаф' (вместо *шкафдихъна* – IV серия); *Йицран ликрикк шюхъ ккабхъну* 'Под ногу быка попал цыпленок' (вместо *ликриккна* – V серия) и т. д.

Посредством прибавления показателя *-ди* от эссивов всех семи серий образуются комитативы, или сопроводительные падежи. Основное значение этих падежей – обозначение пространственных отношений между предметами при их совместном движении, т. е. они обозначают на чем, под чем, за чем и т. д. (соответственно серии) находится предмет при движении: *Учу шагьриз аьрабайиъди гъушунча* 'Мы поехали в город на арбе' (букв. 'в арбе', 'находясь в арбе' – I серия; ср. *аьрабайиъ деъна* 'сидит в арбе'); *Йиц аьрабайихьди гъябгъюра* 'Вол идет рядом с арбой' (т. е. находясь около арбы - II серия); *Зимз цаликди гъябгъюра* 'Муравей ползет по стене' (III серия); *Мярхярихъди нежбер гъюра* 'За санями (находясь позади саней) идет крестьянин' (IV серия); *Марччлихъни чухайин канчIликкди нис хурайи* 'Чабан нес под полой чохи сыр' (V серия); *Хуйи силбаригъди гъюр гъабхи* 'Собака в зубах (букв. между зубами) принесла зайца' (VI серия); *Жамар гьяйвнинди гъафи* 'Гонец прискакал на лошади' (VII серия).

Помимо пространственных отношений комитативы в табасаранском языке в настоящее время выражают и ряд других значений:

1. У слов, относящихся к классу разумных существ, комитативы II и III серий, употребляясь с глаголами *улхуб* 'говорить', *кархьуб* (*элегуб*) 'драться', 'бороться', *дяви апIуб* 'воевать', *гъалмагълар апIуб* 'браниться' и т. д. обозначает лицо, на которое направлено действие этих глаголов: *Уста чан шагуртихьди (шагуртихъди) улхура* 'Мастер говорит со своим учеником'; *Иса Мусайихьди элегна* 'Иса дерется с Мусой' и т. д.

При понудительных глаголах комитатива II серии обозначает прямой объект: *Балихьди урхуз гъит* 'Заставь сына учиться'; *Минайихьди шид хуз гъитай* 'Заставьте Мину принести воды'.

2. Комитатив IV серии в настоящее время преимущественно обозначает не нахождение за, позади чего-нибудь, а вообще нахождение при чем-нибудь, сопровождение, совместность: *Сабан адашдихъди шагьриз гъушнийча* 'Однажды мы с отцом поехали в город'; *Расул Ризайихъди саб классдиъ урхура* 'Расул учится с Ризой в одном классе' и т. д.

3. Комитатив VII серии в литературном языке в настоящее время имеет преимущественно значение орудного (творительного) падежа: *Яв ушв хил'инди гъебк* 'Прикрой свой рот рукой'; *Кагъзар карандшиинди дидикIнайи* 'Письма были написаны карандашом' и т. д. (в диалектах, а иногда и в литературном табасаранском языке в качестве орудного падежа наряду с VII серией употребляются также комитативы II и IV серий).

От отвлеченных существительных, которые нельзя представить как орудия действия, комитатив VII серии имеет значение наречий образа действия: *Вари дикъатниинди хъебехънайи* 'Все внимательно (букв. с вниманием) слушали'; *Ухьу хъугъ'валиинди улихьна гъягъюрахьа* 'Мы уверенно (букв. с уверенностью) идем вперед' и т. д.

www.alfons-servis.narod.ru

Директивы удаления. Эта группа падежей регулярно образуется от аблативов посредством прибавления к ним показателя *-ди* во всех сериях без исключений и обозначает в направлении из чего, от чего, из-под чего и т. д. (соответственно серии) исходит действие: *Хул'анди чIигъар гъюрайи* 'Из дома (со стороны дома) доносились крики' (I серия); *Школайихьанди баярин десте гъюра* 'От школы (в направлении от школы) идет группа ребят' (II серия); *Лиж дагъдин машнаканди гъюрайи* 'Стадо шло со склона горы' (III серия); *Мурччв'хъанди сар хълигурайи* 'Из-за угла кто-то выглядывал' (IV серия); *Сул рукарикканди ккутIубччвну* 'Лиса выскочила из-под кустов' (V серия); *БитI гъванаригъянди гъюдубчIвурайи* 'Змея со стороны камней (со стороны пространства между камнями) выползала' (VI серия); *Гъваъланди йиф абхърайи* 'С крыши падал снег' (VII серия).

I серия директивов удаления, помимо основного значения, имеет еще значение транслатива и обозначает через что происходит действие: *Кьяляхъ учу багъдианди хътакунча* 'Назад мы возвратились через сад'; *Луф улд'анди утIубччвну гъубшну* 'Голубь вылетел через окно'.

Непространственные значения директивы удаления выражают очень редко: *Селим узхьанди гъулхну* 'Селим высказался за меня'; *Юлдшихъанди узу пул тувунза* 'За товарища я расплатился' и т. д.

Директивы приближения. Эта группа падежей образуется от лативов посредством *-ди* и указывает на движение по направлению к чему нибудь, не имея в виду результат действия.

Прежде всего необходимо остановиться на образовании этой группы падежей, так как здесь падежные формы подверглись некоторым изменениям. Директивы приближения, как было отмечено, образуются от лативов посредством показателя *-ди*: *хъюхънихъна – хъюхънихънади* 'нос', *ибахъна – ибахънади* 'ухо' и т. д. Однако формы с *-нади* (*-на* +*-ди*) в современном литературном языке почти полностью вытеснены формами на *-инди*, где *-ин* является фонетически измененной формой показателя *-на*, что подтверждается следующими обстоятельствами:

а) *-инди* целиком не является показателем этой группы падежей, что видно при образовании I серии, где исконная форма на *-на* вытеснена формой дательного падежа: *ярквраз – ярквразди* 'лес', *ичIаз – ичIазди* 'яма' и т. д. В противном случае, т. е. если показателем этой группы падежей был бы *-инди* целиком, то в приведенных выше примерах должно было быть *ярквразинди, ичIазинди*, чего на самом деле нет (ср. с *Яраккнади//Яраккинди* 'Яракк' (назв. селения) и др.).

б) в VII серии до сих пор имеет место только одна форма, а именно, старая, исконная: *цал'инади* 'стена', *жил'инади* 'земля' и др. Переход *-на* в *-ин* здесь не произошел, как в остальных сериях, вследствие особых фонетических условий в данной серии, а именно, вследствие наличия уже одного *-ин* как показателя данной серии (показатель эссива).

СХЕМА
образования местных падежей

ушв 'рот' (эрг. *ушвни*, род. *ушвнин*, дат. *ушвниз*)

Серии	эссивы	лативы	аблативы
	ушвниъ	ушвниз (ушвниъна)	ушвниан
II	ушвнигь(хь)	ушвнигь(хь)на	ушвнигь(хь)ан
III	ушвник	ушвникна	ушвникан
IV	ушвнихъ	ушвнихъна	ушвнихъан
V	ушвникк	ушвниккна	ушвниккан
VI	ушвнигъ	ушвнигъна	ушвнигъян
VII	ушвниин	ушвниина	ушвнилан

Серии	комитативы	директ. приближения	директ. удаления
I	ушвниъди	ушвнизди (ушвниънади)	ушвнианди
II	ушвнигь(хь)ди	ушвнигь(хь)ди	ушвнигь(хь)анди
III	ушвникди	ушвникинди	ушвниканди
IV	ушвнихъди	ушвнихъинди	ушвнихъанди
V	ушвниккди	ушвниккинди	ушвникканди
VI	ушвнигъди	ушвнигъинди	ушвнигъянди
VII	ушвниинди	ушвниинади	ушвниланди

Директивы удаления выражают исключительно пространственные отношения. Выражаемые ими отношения передать на

www.alfons-servis.narod.ru

русском языке очень трудно, а иногда и невозможно, так как они, указывая на направление движения, в то же время указывают на то пространственное положение, которое данный предмет занял бы по отношению к тому предмету, к которому он движется, в том случае, если бы это действие достигло своей цели: *Дурар гъулазди рякъюъ учIвну* 'Они тронулись в путь по направлению к селу' (I серия); *Пеъ раккнихьинди гъюра* 'Курица идет по направлению к двери' (II серия); *Гадраг цаликинди гъажабгъу* 'Клоп побежал к стене' (III серия); *Туп гъвандихъинди ккидибгъну* 'Мяч покатился (по направлению) за камень' (IV серия); *Ич айвандиккинди луфар гъитIирхну* 'По направлению под наш балкон полетели голуби' (V серия); *КIари гинбаригъинди гъубшну* 'Теленок пошел в сторону конопляника' (VI серия); *Кьюб метр ягълишналан гъвандин цал'инади урсну ккундийи* 'С высоты двух метров нужно было прыгнуть на каменную стену' (VII серия).

Отличие директивов приближения от обычных направительных падежей, т. е. от лативов, довольно большое, и они обычно не могут заменять друг друга. Ср. *Гими полюсдихъна гъубшну* 'Пароход отправился к полюсу' (в смысле дошел до полюса) – *Гими полюсдихъинди гъубшну* 'Пароход отправился в сторону полюса' (но не дошел до него, не был еще на полюсе) и т. д.

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Основной синтаксической функцией имени прилагательного в табасаранском языке является функция определения. Активно функционирует прилагательное и в качестве именной части составного сказуемого.

Характерной особенностью имени прилагательного в табасаранском языке является то, что оно в определительной функции не согласуется с существительным в падеже, числе и классе: *аьхю хал* 'большая комната' – *аьхю хулаъ* 'в большой комнате', *аьхю хулар* 'большие комнаты', *аьхю кас* 'большой человек', *аьхю касдиз* 'большому человеку', *аьхю касар* 'большие люди' и т. д. Исключение составляют только два прилагательных, которые в этой функции согласуются с существительным в классе и числе – *ужур* 'хороший' и *уччвур* 'красивый': *ужуб хал* 'хорошая комната', *ужур кас* 'хороший человек', *ужудар хулар* 'хорошие комнаты', *ужудар касар* 'хорошие люди', *уччвуб хал* 'красивая комната', *уччвур кас* 'красивый человек', *уччвудар касар, хулар* 'красивые люди, дома'. Остальные прилагательные согласуются с существительными только в предикативной функции (будучи именной частью составного сказуемого): *хал аьхюб ву* 'комната большая' – *хулар аьхюдар ву* 'комнаты большие'; *бай аьхюр ву* 'мальчик большой' – *баяр аьхюдар ву* 'дети большие'. Здесь, по всей вероятности, мы имеем дело с общей тенденцией угасания классов в табасаранском языке.

Имена прилагательные, приняв классные показатели *б* (для класса неразумных существ), *р* (для класса разумных существ) и *дар* (общий для обоих классов, где *д* – пережиточно сохранившийся показатель исчезнувшего класса, а *-ар* – суффикс множественности), субстантивируются и начинают склоняться подобно именам существительным.

Имена прилагательные в табасаранском языке делятся на качественные и относительные.

Качественные прилагательные преимущественно образуются от имен существительных посредством суффиксов *-и, -у(-ю), -ун*, например: *ичI* 'яма' – *ичIи* 'пустой', *амс* 'туча' – *амси* 'пасмурный', *лаз* 'белая глина' – *лизи* 'белый', *дарцц* 'сало' – *дарцци* 'неприятный, плохой', *кьаб* 'ствол' – *кьаби* 'старый', *пеъ* 'курица' – *пеи* 'самка (о цыпленке)', *йиц* 'бык' – *йици* 'самец (о теленке)', *кьяш* 'влага' – *кьяши* 'мокрый', *укI* 'трава' – *укIу* 'синий', *цIар* 'линия' – *цIару* 'пестрый', *чар* 'всходы' – *чуру* 'зеленый', *лик* 'нога' – *лику* 'хромой', *бюркь* 'гной в глазу' – *бюркью* 'слепой', *гаш* 'голод' – *гашун* 'голодный', *лам* 'сырость' – *ламун* 'сырой' и т. д.

Однако, значительная часть именных корней, от которых подобным образом образованы прилагательные, не поддается расшифровке, т. е. объяснить их значения на основе данных современного литературного языка не возможно: например, *ярхи* 'длинный', *хъахъ-у* 'тухлый', *аьх-ю* 'большой', *кIар-у* 'черный', *тIагъру* 'скучный' и т. д. Это, по-видимому, свидетельствует об исконной двусложности адъективных основ в табасаранском и других лезгинских языках.

Ряд качественных прилагательных с суффиксами *-ан, -ал* имеют две формы, употребление которых в языке факуль-

www.alfons-servis.narod.ru

тативно: *кIубан – кIубни* 'храбрый', *ягъал – ягъли* 'высокий', *мичIал – мичIли* 'прохладный', *исчIал – исчIли* 'низкий' и т. д.

Многие причастия общего времени переходят в разряд прилагательных, обозначая уже не столько признак действия, сколько постоянный признак предмета, например: *ебгру ялхъван* 'быстрый танец' (букв. 'прыгающий танец'), *лихру кас* 'рабочий человек' (букв. 'работающий человек'), *гъабгъу шид* 'холодная вода' (букв. 'остывшая вода'), *убгру иставут* 'острый перец' (букв. 'сжигающий перец'), *йивру хюни* 'бодливая корова' (букв. 'бьющая корова'), *хъебгру ху* 'злая собака' (букв. 'гонящаяся собака') и т. д.

Весьма продуктивны заимствованные из азербайджанского языка суффиксы *-лу, -суз*, при помощи которых от существительных образуются многочисленные качественные прилагательные: *кьимат* 'цена' – *кьиматлу* 'ценный', *кьиматсуз* 'бесценный', *бахт* 'счастье' - *бахтлу* 'счастливый', *бахтсуз* 'несчастный' и т. д.

В табасаранском языке есть целый ряд прилагательных, заимствованных из других языков, например, *машгьур* 'известный', *азад* 'свободный', *ачухъ* 'открытый', *перишан* 'печальный' и т. д. Некоторые из них выступают то как существительные, то как прилагательные, например: *ахмакь* 'глупец, глупый', *игит* 'герой, геройский', *алчагь* 'подлец, подлый', *дирбаш* 'храбрец, храбрый'.

Морфологическое различие между ними проявляется довольно четко. Выступая в качестве существительных они соответствующим образом склоняются и ничем от обычных существительных не отличаются: *игит* 'герой' – эрг. п. *игитри*, мн. ч. *игитар* 'герои' и т. д. Выступая в атрибутивной функции, они оформляются так же, как остальные прилагательные: *игит ляхин* 'героический поступок' – *бай игитур вуйи* 'парень геройский был', *кьушум игитуб вуйи* 'войско героическим было', *кьушмар игитдар вуйи* 'войска героическими были' и т. д. Поэтому в каждом случае здесь налицо самостоятельная часть речи со свойственной ей парадигмой словоизменения.

В качестве относительных прилагательных в табасаранском языке выступают формы родительного падежа имен существительных и некоторых склоняемых наречий времени и места: *хьад* 'лето' – *хьадан* 'летний', *кьюрд* 'зима' – *кьюрдун* 'зимний', *чвул* 'осень' – *чвлин* 'осенний', сач 'прошлый год' – *сачдин* 'прошлогодний', *сурчан* 'позапрошлый год' – *сурчандин* 'позапрошлогодний', *гъи* 'сегодня' – *гъийин* 'сегодняшний', *накь* 'вчера' – *накьдин* 'вчерашний', *улигь* 'впереди' – *улигьдин* 'прежний' и т. д.

От одушевленных существительных эти формы имеют значение притяжательных прилагательных, например: *бабан бай* 'мамин сынок', *абайин хал* 'отчий дом', *халайин хал* 'тетина комната' и др.

Следует отметить, что иногда формам родительного падежа единственного числа существительных противопоставляются формы родительного падежа множественного числа, которые при этом еще более подчеркнуто выражают значение относительных прилагательных, ср. *дишагьлийин туфлийир* 'туфли женщины' – *дишагьлийирин туфлийир* 'дамские туфли', *балин хал* 'комната ребенка' – *баярин хал* 'детская комната', *жилирин ляхин* 'работа мужчины' и 'мужская работа', но *жиларин ляхин* 'мужская работа' и т. д.

Формы родительного падежа не только формально выступают в роли прилагательных, но в предикативной функции они также принимают классные показатели, как и качественные прилагательные, ср. *бицIи гапур* 'маленький кинжал', *гапур бицIиб ву* 'кинжал маленький (есть)' – *арсран гапур* 'серебряный кинжал', *гапур арсрануб ву* 'кинжал серебряный (есть)'; *ягъал гьар* 'высокое дерево', *гьар ягъалуб ву* 'дерево высокое', *гьарар ягъалдар ву* 'деревья высокие' - *жихрин гьар* 'грушевое дерево', *гьар жихринуб ву* 'дерево грушевое', *гьарар жихриндар ву* 'деревья грушевые' и т. д.

Отдельные относительные прилагательные и по семантике далеко отошли от родительного падежа существительного, ср. *кIул* 'голова' - *кIулин ицрушин* 'головная боль' (букв. 'головы боль'), *кIулин месэла* 'главная проблема', *кьял* 'поясница' – *кьялан мектеб* 'средняя школа' и т. д.

В табасаранском языке немало и заимствованных из других языков относительных прилагательных, например: *ерлу* 'местный', *дагълу* 'горный', *илми* 'научный', *табии* 'природный', *сияси* 'политический', *хусуси* 'особый, центральный, верховный, партийный' и т. д.

Степеней сравнения имена прилагательные в табасаранском языке не имеют. Значения степеней сравнения в нем передаются

www.alfons-servis.narod.ru

описательно, например: *гизаф аьхю* 'очень большой', *мутIан бицIи* 'меньший, чем этот', *варитIан жикъи* 'самый короткий' и т. д.

Субстантивированные прилагательные переходят в разряд существительных и склоняются по их образцу:

Им.	*аьхюб* 'большой'	*аьхюр* 'старший'	*аьхюдар* 'старшие'
Эрг.	*аьхюбди*	*аьхюрин*	*аьхюдари*
Род.	*аьхюбдин*	*аьхюрин*	*аьхюдарин*
Дат.	*аьхюбдиз*	*аьхюриз*	*аьхюдариз*
Эсс. I	*аьхюбдиъ*	*аьхюриъ*	*аьхюдариъ*
Эсс. II	*аьхюбдигь(хь)*	*аьхюригь(хь)*	*аьхюдаригь(хь)*
Эсс. III	*аьхюбдик*	*аьхюрик*	*аьхюдарик*
Эсс. IV	*аьхюбдихъ*	*аьхюрихъ*	*аьхюдарихъ*
Эсс. V	*аьхюбдикк*	*аьхюрикк*	*аьхюдарикк*
Эсс. VI	*аьхюбдигъ*	*аьхюригъ*	*аьхюдаригъ*
Эсс. VII	*аьхюбдиин*	*аьхюриин*	*аьхюдариин*

Таким же образом склоняются они и в остальных группах местных падежей.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Имя числительное в табасаранском языке обозначает количество предметов или их количественный признак.

В табасаранском языке различаются следующие разряды числительных: количественные, порядковые, собирательные, кратные, разделительные и дробные.

Количественные числительные: *саб* 'один', *кьуб* 'два', *шубуб* 'три', *юкьуб* 'четыре', *хьуб* 'пять', *йирхьуб* 'шесть', *ургуб* 'семь', *миржиб* 'восемь', *урчIвуб* 'девять', *йицIуб* 'десять', *йицIисаб* 'одиннадцать', *йицIикьюб* 'двенадцать', *йицIихьуб* 'пятнадцать', *къаб* 'двадцать', *варж* 'сто', *агъзур* 'тысяча' и др.

Перечисленные выше количественные числительные служат базой для образования сложных и составных количественных числительных (*миржцIур* 'восемьдесят', *хьудварж* 'пятьсот', *агъзурна варжна йирхьуб* 'тысяча сто шесть' и т. д.), а также числительных остальных разрядов.

Количественные числительные от 11 до 19 образуются от числительного *йицIуб* 'десять' (*йицIи-*) плюс соответствующее числительное: *йицIисаб* 'одиннадцать', *йицIиургуб* 'семнадцать' и т. д.). Десятки от 30 до 90 также образуются с участием

числительного *йицIур* 'десять' (*-цIур*), например: *хьуб* 'пять' – *хьуцIур* 'пятьдесят', *йирхьуб* 'шесть' – *йирхьцIур* 'шестьдесят' и т. д. В числительных *сумчIур* 'тридцать' и *ягъчIвур* 'сорок' исконные корни подверглись некоторым фонетическим изменениям, но несомненно то, что и они подобного же образования.

Числительные от 200 до 900 образуются от соответствующих числительных с классным показателем *д* с участием числительного *варж* 'сто': *кьюдварж* 'двести', *шубудварж* 'триста', *урчIвудварж* 'девятьсот' и т. д.

Количественные числительные, в отличие от прилагательных, всегда имеют классный показатель: *сар риш* 'одна девочка', *кьюр кас* 'два человека', *хьур эскер* 'пять воинов', *хьуб гъван* 'пять камней', *саб кIари* 'один теленок'. При некоторых существительных временного значения (год, день, ночь и др.) числительные и в единственном числе сохранили реликтовый классный показатель *д*, который выступает также во множественном числе обоих классов: ср. *саб йиц* 'один вол', *сад йигъ* 'один день' – *садар йицар* 'одна пара волов', *садар йигъар* 'одни дни' и т. д. Следует отметить, что согласование числительных с существительными в настоящее время проводится непоследовательно: числительные, обозначающие десятки, начиная с тридцати, имеют классный показатель *р* независимо от принадлежности существительного к тому или иному классу, например: *сумчIур кас* 'тридцать человек', *сумчIур гьар* 'тридцать деревьев', *сумчIур йигъ* 'тридцать дней'; *ургцIур вич* 'семьдесят яблок', *ургцIур кас* 'семьдесят человек', *ургцIур йис* 'семьдесят лет' и т. д. Не изменяются по классам также числительные *варж* 'сто' и *агъзур* 'тысяча': *агъзур манат* 'тысяча рублей', *агъзур кирпич* 'тысяча (штук) кирпичей', *агъзур йис* 'тысяча лет' и т. д.

Характерно, что при количественных числительных существительное всегда ставится в единственном числе: *саб чарва* 'одна овца', *къаб чарва* 'двадцать овец' и др. В составе предложения, количественные числительные, которые обычно выступают в определительной функции, рассматриваются вместе с определяемым словом как один член предложения, так как глагол-сказуемое согласуется с сочетанием числительного с именем, ср. *Саб чарва гъубккну* 'Одного барана зарезали' – *Хьуб чарва гъурккну* 'Пять баранов зарезали' и др.

www.alfons-servis.narod.ru

Существительное ставится во множественном числе лишь в тех случаях, когда между количественным числительным и существительным находится прилагательное: ср.: *хьур бай* 'пять парней' – *хьур жигьил баяр* 'пятеро молодых парней', *кьюб йиц* 'два вола' – *кьюб кьаби йицар* 'два старых вола' и т. д.

Порядковые числительные образуются от количественных посредством суффикса *-пи*, который образовался от стяженной формы причастия *гъапи* 'сказанный' (возможно, здесь сохранилась архаичная беспрефиксная форма причастия): *кьюр* 'два' – *кьюрпи* 'второй' (из *кьюр гъапи* 'два сказанный'); *къаб* 'двадцать' – *къабпи* 'двадцатый' (из *къаб гъапи* 'двадцать сказанный') и т. д.

При субстантивации порядковые числительные принимают вторичные классные показатели, например: *сарпи ученик* 'первый ученик' – *думу ученикарикан сарпир ву* 'из учеников он является первым', *шубубпи мертеба* 'третий этаж' – *му мертеба шубубпиб ву* 'это третий этаж' и т. д.

Собирательные числительные образуются от количественных посредством суффикса *-ид* для класса разумных существ и суффикса *-иб* для класса неразумных существ: *кьюрид баярра* 'оба мальчика', *кьюбиб чувларра* 'оба мешка'.

При этом нужно отметить, что при собирательных числительных существительное всегда ставится во множественном числе, причем обязательно с усилительным союзом *-ра* 'и': *шубрид чвйирра* 'трое братьев', *юкьбиб терефарра* 'все четыре стороны' и т. д.

Кратные числительные образуются от количественных числительных в классе неразумных существ посредством суффикса -ан, например: *саб* 'один' – *сабан* 'один раз', *шубуб* 'три' – *шубубан* 'трижды', *юкьуб* 'четыре' – *юкьубан* 'четырежды' и т. д.

Разделительные числительные образуются путем их повторения, но с усеченной формой компонента сочетания, например: *шубуб* 'три' *шу-шубуб* 'по три', *йицIуб* 'десять' – *йи-йицIуб* 'по десять', *хьур кас* 'пять человек' – *хьу-хьур кас* 'по пять человек' и т. д.

Дробные числительные образуются описательно, например: *хьубдик саб* 'одна пятая' (букв. 'из пяти один'), *шубубдик кьюб* 'две третьих' (букв. 'из трех два') и т. д.

При субстантивации (т. е. употребляясь в роли существительных) количественные и порядковые числительные начинают склоняться подобно именам существительным:

Склонение количественных числительных

Основные падежи

Им.	*сабди*	*сар*	*сабпиб*	*сарпир*
Эрг.	*сабди*	*сари*	*сабпибди*	*сарпири*
Род.	*сабдин*	*сарин*	*сабпибдин*	*сарпирин*
Дат.	*сабдиз*	*сариз*	*сабпибдиз*	*сарпириз*

Местные падежи

Эссивы

I сер.	*сабдиъ*	*сариъ*	*сабпибдиъ*	*сарпириъ*
II	*сабдигь(хь)*	*саригь(хь)*	*сабпибдигь(хь)*	*сарпиригь(хь)*
III	*сабдик*	*сарик*	*сабпибдик*	*сарпирик*
IV	*сабдихъ*	*сарихъ*	*сабпибдихъ*	*сарпирихъ*
V	*сабдикк*	*сарикк*	*сабпибдикк*	*сарпирикк*
VI	*сабдигъ*	*саригъ*	*сабпибдигь*	*сарпиригъ*
VII	*сабдиин*	*сариин*	*сабпибдиин*	*сарпириин*

Субстантивированные порядковые числительные склоняются таким же образом: *сарпир* 'первый' – эрг. п. *сарпири*, род. п. *сарпирин* и т. д.

Завершая рассмотрение числительных, следует отметить, что чистельное 'один' в табасаранском языке имеет значение неопределенного артикля, а также служит для образования различных сложных слов с неопределенным значением: *сар кас* 'некто', *сабан* 'однажды', *сабжюрейин* 'некоторый', *сабгерендилан* 'через некоторое время' и др.

МЕСТОИМЕНИЕ

Местоимение в табасаранском языке имеет следующие разряды: личные, возвратные, притяжательные, указательные, вопросительные, относительные, определительные, неопределенные и отрицательные.

www.alfons-servis.narod.ru

Из разрядов местоимений в табасаранском языке наиболее интересны личные местоимения: *узу* 'я', *уву* 'ты', *думу* 'он', 'она', 'оно', *учу* 'мы'(эсклюзив), *ухьу* 'мы'(инклюзив), дурар 'они'.

Личные местоимения I и 2 л. обоих чисел не имеют особой формы для эргативного падежа – это форма совпадает с формой именительного падежа. Личное местоимение 3л. ед. ч. *думу*, имеет особые формы для эргативного падежа: *думу – дугъу* (I кл.) и диди (II кл.). В дальнейшем эти две основы сохраняются во всех косвенных падежах. Кроме того, родительный падеж от личных местоимений образуется нерегулярно: *узу – йиз, уву – яв, ухьу – ихь, учву – ичв*, но *дугъу – дугъан, диди – дидин, дурари – дурарин* (в 3 л. родительный падеж образуется нормально).

Остальные падежи, которые образуются от косвенной основы, за исключением эргативного и родительного, принимают в личных местоимениях те же окончания, что и в именах существительных:

Основные падежи

Им.	*узу* 'я'	*уву* 'ты'	*думу* 'он'	
Эрг.	*узу*	*уву*	*дугъу*	*диди*
Род.	*йиз*	*яв*	*дугъан*	*дидин*
Дат.	*узуз*	*увуз*	*дугъаз*	*дидиз*

Местные падежи

Эссивы

I сер.	*узуъ*	*увуъ*	*дугъаъ*	*дидиъ*
II	*узугь(хь)*	*увугь(хь)*	*дугъагь(хь)*	*дидигь(хь)*
III	*узук*	*увук*	*дугъак*	*дидик*
IV	*узухъ*	*увухъ*	*дугъахъ*	*дидихъ*
V	*узукк*	*увукк*	*дугъакк*	*дидикк*
VI	*узугъ*	*увугъ*	*дугъагъ*	*дидигъ*
VII	*уз'ин*	*ув'ин*	*дугъ'ин*	*дид'ин* и т. д.

Хотя формы именительного и эргативного падежей личных местоимений I и II лица и совпадают, их функции в предложении различаются вопросами, на которые они отвечают, ср. *Узу* (фуж?) *даахназа* 'Я (кто?) сплю'; *Уву* (фуж?) *хулаъ гъуз* 'Ты (кто?) останься дома', но *Узу* (шли?) *мяъли кIураза* 'Я (форма эрг. пад. от кто?) песню пою'; *Уву* (шли?) *шишал гъайибх* 'Ты (форма эрг. пад. от фуж?) мешок понеси' и т. д. Постановка одного из двух вопросов здесь зависит от семантики глагола: при непереходном глаголе подлежащее должно стоять в именительном падеже (фуж?), а при переходном – в эргативном (шли?). Другими словами, если личные местоимения здесь имеют одну общую форму для двух падежей, то вопросительные местоимения их различают (см. об этом также спряжение глагола).

Возвратные местоимения 2 л. *жвув* 'ты сам' и 3л. *учв* 'он сам' и *чиб* 'они сами' имеют полное склонение: *жвув, жвуву, жвуван, жвуваз...; учв, чав, чан, чаз..., чиб, чпи (< чиби), чпин (< чибин)* и т. д.

Формы родительного падежа личных и возвратных местоимений выступают в качестве притяжательных местоимений: *узу* 'я' – *йиз* 'мой', *уву* 'ты' – *яв* 'твой', *думу* 'он' – *дугъан* 'его', *жвув* 'сам' – *жвуван* 'свой', *учв* 'от сам' – *чан* 'его' и т. д. При этом они, как и прилагательные, образованные от родительного падежа существительных, могут субстантивироваться и самостоятельно склоняться: *йиз – йизур, йизури, йизурин* и т. д.

3-е л. личных местоимений в обоих числах выступает одновременно и как указательное. При этом оно дифференцирует свои формы в зависимости от уровня расположения референта т его отдаленности от говорящего: *думу* 'он', 'тот', *дурар* 'они', 'те', *му* (*гьаму*) 'этот', *гъуму* 'тот наверху', *ккуму* 'тот внизу', *туму* (*гьатму*) 'тот вдали' и т. д. Приставки, которые в приведенных выше примерах принимают эти местоимения, обычно восходят к падежным окончаниям, аналогичным по форме также и глагольным превербам.

Местоимения типа *му, туму* являются указательными только в определительной функции. Когда же они выступают без определяемых слов, то их нужно рассматривать как варианты 3-го л. личных местоимений, ср. *Му гъафну* 'этот пришел', *Мугъу пул гъабхну* 'Этот (человек) деньги принес', *Мугъаз фу ккунди а*? 'Что ему нужно?' и т. д. Вместе с тем, у указательных местоимений есть определенные, не совпадающие с личными местоимениями формы: *муну* 'этот', *тумуну* 'тот', *ккумуну* 'тот внизу' и т. д. ср. *му хал – муну хал* 'этот дом', *туму кюче – тумуну кюче* 'та улица'.

Формы типа *муну, тумуну* склоняются только при субстантивации: *мунуб* 'этот' (предмет) – эрг. п. *мунубди* и т. д.

www.alfons-servis.narod.ru

К указательным местоимениям относится также еще целый ряд местоимений: *гьациб (гьацир, гьацдар)* 'такой, как тот', *мициб (мицир, мицдар)* 'такой, как этот' и др. Как видно из примеров, эти указательные местоимения принимают показатели класса и числа: *гьациб мутму* 'такая вещь', *гьацир игит* 'такой герой', *гьацдар мутмйир, игитар* 'такие вещи, герои' и т. д.

К вопросительным местоимениям относятся: *фуж* 'кто', *фу* 'что', *фунуб* 'который', *фициб* 'какой', которые при отсутствии вопроса (в особых конструкциях предложения) выступают и как относительные местоимения, ср. *Фуж гъюра?* 'Кто идет?' – *Фуж ухди гъафиш, гьадгъу цIа апIри* 'Кто раньше придет, тот пусть разведет огонь'; *Фу хурава?* 'Что несешь?' – *Дугъу фу хураш, мялум дар* 'Что он несет, неизвестно' и т. д.

Склонение вопросительных местоимений

	Ед. число		Мн. число	
Им.	*фуж* 'кто'	*фу* 'что'	*фужар*	*фйир*
Эрг.	*шли*	*фти*	*фужари*	*фйири*
Род.	*шлин*	*фтин*	*фужарин*	*фйирин*
Дат.	*шлиз*	*фтиз*	*фужариз*	*фйириз* и т. д.

Отрицательные местоимения образуются от вопросительных посредством отрицательной частицы *-кIа*: *фужкIа* 'никто', *фукIа* 'ничто', *шлинкIа* 'ничей' и др. При склонении отрицательных местоимений изменяется только местоименная часть: *фужкIа* 'никто' – *шлизкIа* 'никому', *шлихъдикIа* 'ни с кем' и т. д.

Неопределенные местоимения также образуются от вопросительных посредством частицы *-вуш* (исконно форма условного наклонения от глагола-связки *хьуб* 'быть'): *фуж-вуш* 'кто-то', *фу-вуш* 'что-то' и др.

Неопределенные местоимения пишутся через дефис, при их склонении также изменяется только первая часть: *фу-вуш* 'что-то', *фтиз-вуш* 'чему-то', *фтихь-вуш* 'у чего-то' и т. д.

К определительным относятся местоимения *гьарсар* 'каждый' (I кл.), *гьарсаб* 'каждый' (II кл.), *гьар* 'каждый' (для обоих классов), *вари* 'всё', *варидар* 'все' и др.

ГЛАГОЛ

В табасаранском языке глагол отличается от остальных частей речи исключительным богатством словообразовательных и формообразовательных средств. Табасаранский глагол имеет сложное классно-личное спряжение, развитую систему времен и (в отличие от некоторых других дагестанских языков) стройную парадигму глагольных префиксов – превербов, сочетание с которыми глагольных основ образует многочисленные глаголы, передающие тончайшие оттенки пространственных отношений между предметами.

Основной формой глагола в табасаранском языке принято считать масдарную форму (в последнее время в качестве таковой предлагается и целевая форма), которая регулярно образуется от глагольного корня посредством суффиксов *-уб, -уьб (-юб)*: *уьбхюб / уьрхюб* 'хранить', *жабгъуб/ жаргъуб* 'бежать', *убзуб / урзуб* 'сеять' и т. д.

Корневая морфема табасаранского глагола, как правило, выступает, не осложняясь аффиксальными морфемами, в форме 2 л. ед. ч. повелительного наклонения. В некоторых глаголах, впрочем, эта форма образуется супплетивно или же посредством присоединения к корню суффикса *-ин*. Практически корень глагола легко вычленяется в масдарной форме путем отбрасывания суффикса масдара *-уб/-уьб(-юб)*: *лихуб* 'работать' – *лих* (корень и форма повелительного наклонения), но *апIуб* 'делать' – *апI* (корень) – *апIин* (форма повелительного наклонения), *хуб* 'принести' – *х* (корень) – *аьбкъин* (форма повелительного наклонения).

Наряду с масдарной формой существует долженствовательная (целевая) форма глагола, которая образуется от корня посредством суффиксов *-уз, -уьз (-юз)*: *лиц* (корень глагола 'ходить') – *либцуб/лицуб* (масдарная форма) – *либцуз/лицуз* (целевая форма); *уь(р)х* (корень глагола 'хранить') – *уьбхюб / уьрхюб* (масдарная форма) – *уьбхюз/уьрхюз* (целевая форма) и т. д. Суффиксы *-уьб (-юб), -уьз (-юз)* присоединяют корни, заключающие в себе гласный звук *уь (-ю)*, *аь(я)*. В остальных случаях употребляются суффиксы *-уб, -уз*.

Следует отметить, что корень глагола в чистом виде выступает только в некоторых глаголах, утерявших классное

www.alfons-servis.narod.ru

согласование. Что же касается подавляющего большинства глаголов, то в их корни инфиксально и редко префиксально вклиниваются классные показатели *р, д* (для I класса и множ. числа) и *б* (для II класса): *уьрх* 'храни', 'береги' (человека) – *уьбх* 'храни' (деньги, вещь), *жакьв бис* 'поймай птицу', *гьергайир дис* 'лови убегающего', *жакьвар дис* 'лови птиц' и т. д. Отдельные глаголы имеют для множественного числа особую форму, например, *гамуш дабхъну* 'буйвол лег', *адми дахъну* 'человек лег', *гамшар (адмийир) дахьну* 'буйволы (люди) легли'; *дажи гъабкIну* 'осел сдох', *адми гъакIну* 'человек умер', *адмийир гъийихну* 'люди умерли' и т. д.

Масдарная и целевая формы табасаранского глагола функционально соответствуют русскому инфинитиву, противопоставляясь друг другу характером синтаксических функций: *лихуб лазим ву* 'нужно работать', *лицуб хайирлу ву* 'ходить полезно'; *бикIуз кказа* 'собираюсь писать', *лихуз гъягъюраза* 'иду работать' и т. д. Как видно из примеров, целевая форма глагола является неизменяемой и лексически не является самостоятельной, поскольку в продложении она выступает при других глагольных формах, без которых ее употребление невозможно: *лигуз гъягъюб* 'идти смотреть', *пуз хъюгъюб* 'начать говорить', *йивуз каст апIуб* 'намереваться ударить' и т. д. Масдарная же форма, с одной стороны, склоняется подобно существительному: *лихуб* 'работать, работание' – эрг. п. *лихбу*, род. п. *лихбан*, дат. п. *лихбаз*, эсс. I *лихбаъ* и т. д. , с другой стороны, как бы дает основу для его спряжения: *лихураза* 'работаю', *лихурава* 'работаешь' и т. д.

В табасаранском языке от масдарных форм при помощи суффикса *-вал* образуются еще и отвлеченные существительные, которые сохраняют некоторые признаки (согласование в классе и числе посредством классных показателей): *жабгъуб/жаргъуб* 'бежать' – *жабгъувал/жаргъувал* 'бег', *бикIуб/дикIуб* 'писать' - *бикIувал/дикIувал* 'письмо' ('писание') и т. д.

Согласование глагола в классе и числе осуществляется при непереходном глаголе с субъектом, а при переходном – с объектом, ср.: *бай жаргъура* 'мальчик бежит', *дай жабгъура* 'жеребенок бежит', *баяр жаргъура* 'ребята бегут', *даяр жаргъура* 'жеребята бегут', но *сулаз хюрчабан гъяркъну* 'лиса увидела охотника', *хюрчабниз сул гъябкъну* 'охотник увидел лису', *хюрчабниз сулар гъяркъну* 'охотник увидел лис' и т. д. Что же касается согласования в лице, то оно осуществляется обычно с субъектом действия: *Уву халачи убхурава* 'ты ткешь ковер', *узу йикIуразу* 'я умираю' и т. д. Однако, глаголы переходно-непереходного значения имеют субъектно-объектное согласование, например: *узу ву гьаъразаву* 'я тебя посылаю', *уву узу урччвуравазу* 'ты меня избиваешь', *дугъу ухьу йихурахьу* 'он нас убивает' и т. д.

Глагольные корни в табасаранском языке очень продуктивны. Посредством префиксов-превербов они образуют многочисленные группы глагольных основов с родственными и в то же время самостоятельными значениями. Превербы, или пространственные префиксы в глаголах в табасаранском языке играют ту же роль, что и приставки в глаголах, например, в русском языке. Пространственные префиксы в глаголах табасаранского языка материально и функционально аналогичны соответствующим падежным окончаниям имен. Таким образом, различные пространственные отношения формально выражаются дважды – в окончании имени и в префиксе глагола, например: *китабдикк ккивну* 'подложил под книгу', *китабдихъ хъивну* 'заложил за книгу', *китабдигъ гъивну* 'вложил в книгу', *китабдигь гьивуб* 'приложить к книге', *китабдигь гьивуб* 'вложить в книгу' (меж страниц), *китабдиин иливуб* 'положить на книгу', *китабдиккан ккадабгьуб* 'вытащить из-под книги', *китабдигьан гьадагъуб* 'отодвинуть от книги', *китабдилан алдабгьуб* 'снять с книги' и т. д.

Табасаранский язык обладает стройной системой местных префиксов, которые, как уже было отмечено, соответствуют показателям местных падежей. Ср.:

I серия: *КIиф кьутдиъ а (ъа)* 'Чашка находится в ящике'.

II серия: *Пич раккнарихь(гь) хь-а/гь-а* 'Печка находится у дверей'.

III серия: *Сурат цалик ка* 'Портрет висит на стене'.

IV серия: *Туп сундхихъ хъа* 'Мяч находится за сундуком'.

V серия: *Гату столикк кка* 'Кошка находится под столом'.

VI серия: *Хуйин силбаригъ кIураб гъя* 'У собаки в зубах находится кость'.

VII серия: *КIуп'ин (*кIуп'ип) бачукI ал* 'На голове есть папаха'.

Как видно из приведенных примеров, все превербы соответствуют показателям соответствующих серий местных падежей,

www.alfons-servis.narod.ru

за исключением I серии, где ъ (гамза) исчез в начале глагола, и его отсутствие является грамматическим признаком данной серии.

В связи с глагольными превербами следует отметить также следующее:

1) глаголы, как правило, не принимают преверб *хь-*, за исключением глагола-связки, и заменяют его превербом *гь-*, ср. *дугъагьна гьаъ // дугъахьна гьаъ* 'посылай к нему', *балгьан гьерх // балхьан гьерх* 'спроси у мальчика' и т. д. ;

2) гласный перед превербом *–л-* (VII серия) зависит от корневого гласного. Ср.: *ил-ипуб* 'накинуть', 'набросить', *улучlвуб* 'залезть на что-л.', *э-леуб* 'сесть верхом', *уьл-чlюгъюб* 'содрать', *ал-дадагъуб* 'не снимать', *уп-тlутlурккуб* 'не сгонять' и т. д.

Глаголы, оформленные пространственными префиксами, в сочетании с эссивами обозначают покой, а в сочетании с лативами и директивами приближения – приближение, т.е. действие, направленное внутрь чего-л., под что-л., в сторону чего-л. и т. п. Например: *гъядукк кка* 'находится под мостом' – *гъядуккна ккубчlвну* 'зашел под мост', *гъядуккинди ккубчlвну* 'зашел по направлению под мост' и т. д. Тем не менее, в настоящее время при глаголах со значением приближения очень часто употребляются эссивы, а не лативы. Ср.: *Гъвандикк мяляхъв кка* 'Под камнем находится червяк'; *Гъвандикк* (вместо *гъвандиккна*) *мяляхъв ккубчlвну* 'Под камень (букв. под камнем) подполз червяк' и т. п.

От этих же глаголов при употреблении их с падежами группы аблативов и директивов удаления образуются сложные формы с инфиксом *-д-* с последующим гласным, который зависит от корневого гласного. Подобные формы, получившие в грамматической литературе название реверсивных, обозначают действия, противоположные по своему направлению немаркированной форме; ср. *жибдиъ ипуб* 'бросить в карман' – *жибдиан идипуб* 'выбросить из кармана', *ликрикк ккипуб* 'бросить под ногу' – *ликриккан ккидипуб* 'выбить из-под ноги', *дагъдиккинди ккучlвуб* 'зайти под гору' – *дагъдикканди ккудучlвуб* 'выйти из-под горы'; *гъваина улучlвуб* 'залезть на крышу' – *гъваълан улдучlвуб* 'слезть с крыши' (в VII серии корневой гласный перед *д* выпадает) и т. д.

Пространственные префиксы принимают не все глаголы. Такие глаголы, как *лихуб* 'трудиться', 'работать', *ахуб* 'спать', *ишуб* 'плакать', *рякъюб* 'видеть', *ебхьуб* 'слышать' и др. не имеют в своей структуре превербов, что, видимо, оъясняется отсутствием в их семантике тез или иных пространственных компонентов. Некоторые глагольные корни сочетаются со всеми превербами, другие же только с некоторыми из них. В качестве преверба выделяется также формант *д-*, который не имеет соответствий среди показателей серий местных падежей: *дипуб* 'бросить', 'оставить на месте' (без указания на пространственное отношение предмета к окружающему).

Во многих случаях из первоначальных чисто пространственных значений глаголов с превербами развились абстрактные значения: *лигуб* 'смотреть' – *ккилигуб* 'ждать', 'ожидать' (букв. 'смотреть из-под чего-нибудь'), *балгуб* 'разукрасить' – *албагуб* 'уладить', 'наладить', 'помирить' (букв. 'украсить сверху'), *аьлхъюб* 'смеяться' – *кялхъюб* 'высмеивать', 'насмехаться', *лицуб* 'ходить' – *гъилицуб* 'бродяжничать', 'нищенствовать', *ухуб* 'пить' – *хъухуб* 'запить', *иплуб* 'кушать' – *хъиплуб* 'закусывать' и т. д.

Большое число глаголов образуется путем присоединения к именам существительным и прилагательным вспомогательных глаголов *аплуб* 'делать', *хьуб* 'быть' и др., например: *фикир аплуб* 'думать' (букв. 'думу делать'), *мани аплуб* 'согревать' (букв. 'теплый делать'), *марцц хьуб* 'очиститься' (букв. 'чистым стать'), *зегьмет зигуб* 'трудиться' (букв. 'труд тянуть') и т. д. К этой же категории относятся глаголы, образуемые посредством вспомогательных глаголов от заимствованных основ с суффиксом *-миш* (*-ламиш*): *алдатмиш аплуб* 'обмануть', *багъишламиш аплуб* 'простить', *гюрюшмиш хьуб* 'встречаться', *активламиш аплуб* 'активизировать', *актламиш аплуб* актировать' и т. д.

Таким образом, в табасаранском языке следует различать три типа глаголов: 1) простые глаголы с неосложненными превербами основами (*жабгъуб* 'бежать', *лицуб* 'ходить', *рякъюб* 'видеть' и др.); 2) производные глаголы с превербами в своем составе (*ккажабгъуб* 'побежать', *алжабгъуб* 'наброситься', *гъилицуб* 'бродить' и т. д.); 3) сложные глаголы (*ляхин аплуб* 'работать', *нач хьуб* 'стыдиться', *артмиш аплуб* 'развивать', *артмиш хьуб* 'развиваться' и т. д.).

www.alfons-servis.narod.ru

Спряжение глагола

В табасаранском языке глагол согласуется с субъектом (а переходный глагол иногда и с объектом) не только в классе и числе, но и в лице, хотя формальное выражение получают только 1-е и 2-е лицо.

Спряжение глагола по лицам

(*лихуб* 'работать')

	Ед. число	Мн. число
1 л.	*узу лихураза*	*учу лихурача, ухьу лихурахьа*
2 л.	*уву лихурава*	*учву лихурачва*
3 л.	*думу лихура*	*дурар лихура*

Как видно из примеров, личные окончания 1-го и 2-го л. Имеют явно местоименное происхождение, в то время как в 3 л. личные окончания отсутствуют и формы единственного и множественного чисел совпадают).

В табасаранском языке имеется ряд глаголов, называемых лабильными, которые в зависимости от конструкции предложения могут выступать то как переходные, то как непереходные, соответственно с чем имеют два вида спряжения:

Переходное спряжение

1 л. *Узу убгураза* 'я сжигаю'	*Ухьу(учу) убгурахьа(-ча)* 'мы сжигаем'
2 л. *Уву убгурава* 'ты сжигаешь'	*Учву убгурачва* 'вы сжигаете'
3 л. *Дугъу убгура* 'он сжигает'	*Дурари убгура* 'они сжигают'

Непереходное спряжение

1 л. *Узу ургуразу* 'я горю'	*Ухьу (учу) ургурахьу* (-*чу*) 'мы горим'
2 л. *Уву ургураву* 'ты горишь'	*Учву ургурачву* 'вы горите'
3 л. *Думу ургура* 'он горит'	*Дурар ургура* 'они горят'

Выступающие при подобном спряжении личные окончания 1 и 2 лица с *у* (-*зу*, -*ву* и др.), видимо, восходят к именительному падежу личных местоимений (*узу, уву* и др.), а окончания с *а* (-*за*, -*ва* и др.) к эргативному падежу личных местоимений, который ими в табасаранском языке утрачен, но который сохранился в близкородственных языках. Ср. лезг.: *зун* 'я' – эрг. п. *за*, *вун* 'ты' – эрг. п. *вуна*.

Некоторые глаголы обнаруживают также своеобразное притяжательное спряжение: *йиз айиз* 'у меня есть' (букв. 'мой имеется'), *яв аяв* 'у тебя есть' (букв. 'твой имеется'), *дугъан а* 'у него есть' (букв. 'его имеется') и т. д.

Времена глагола

Табасаранский глагол имеет сложную систему времен. Большинство глагольных времен исторически образуется от деепричастия. В табасаранском языке различается два вида деепричастия: продолжительное, близкое к русскому деепричастию несовершенного вида, и однократное, близкое к русскому деепричастию совершенного вида. Первое образуется регулярно от основы глагола посредством суффиксов -*ури*, -*уьри* (-*юри*): *лицуб* 'гулять' – *лицури* 'гуляя', *апIуб* 'делать' – *апIури* 'делая', *гъядягъюб* 'выбирать' – *гъядягъюри* 'выбирая' и т. д. В тех случаях, когда ударение падает не на суффикс, а на основу, элемент *у* в суффиксе деепричастия выпадает: *дипуб* 'бросить' – *дипри* 'бросая', *убзуб* 'наливать' – *убзри* 'наливая'. Деепричастие однократное образуется от глаголов с превербами посредством суффикса -*ну*, а от остальных глаголов – посредством суффикса -*ну* и префикса *д*- (иногда с последующим гласным, соответствующим корневому гласному): *адагъуб* 'вынести' – *адагъну* 'вынесши', *урзуб* 'посеять' – *дурзну* 'посеяв', *бикIуб* 'написать' – *дибикIну* 'написав'. При этом обычно ударение с конечного слога переходит на первый.

Настоящее время глагола образуется от продолжительного деепричастия + настоящее время глагола-связки: *гъюри а* 'идя есть', *хури а* 'неся есть' и т. д. Однако чаще употребляются стяженные формы глагола – *гъюра* (< *гъюри а*) 'идет', *хура* (< *хури а*) 'несет' и др. Кстати, это относится и к прочим временам, образованным подобным образом от деепричастий.

Будущих времен глагола в табасаранском языке три: будущее категорическое, будущее некатегорическое (предположительное) и будущее общее. Первые два образуются соответственно посредством суффиксов -*иди* и -*ур* (-*юр*): *лихуб* 'работать' – *лихиди* 'поработает' – *лихур* 'возможно, поработает', *гъюб* 'прийти' – *гъиди* 'придет', *гъюр* 'возможно, придет'. Будущее общее время также образуется от продолжительного деепричастия и буду-

www.alfons-servis.narod.ru

щего времени глагола-связки: *лихури ву* > *лихуру* 'он, вообще, поработает', *абгури ву* > *абгуру* 'найдет' и др. Эта временная форма часто употребляется и в значении общего времени: *думу гизаф лихуру* 'он много работает' (вообще), *ничхрар тIирхуру* 'птицы летают' и т. д.

В табасаранском языке семь форм прошедшего времени. Из них две формы – перфект и прошедшее повествования – образуются соответственно посредством суффиксов *-ну* и *-у*, причем в глаголах без превербов добавляется еще префикс *гъ-* (иногда с последующим гласным): *ккадабкуб* 'опрокинуть' – *ккадабкну, ккадабку* 'опрокинул', *абгъуб* 'остыть' – *гьабгъну, гъабгьу* 'остыл'; *лигуб* 'смотреть' – *гъилигну, гъилигу* 'посмотрел'. От перфекта и прошедшего времени глагола-связки образуется давно прошедшее время: *гъилицнийи* > *гъилицну вуйи*. Остальные четыре формы прошедшего времени, образуемые от обоих видов деепричастия (по две от каждого), выражают различные временные оттенки, значения которых трудно поддаются переводу на русский язык: *лицуйи* < *лицури вуйи* 'ходил вообще', *лицурайи* < *лицури айи* 'ходил в тот момент', *дилицна* < *дилицну а* 'уже ходил', *дилицнайи* < *дилицну айи* 'уже ходил к тому моменту'.

Личное спряжение глагола во всех временах характеризуется теми же окончаниями, что и в приводившихся выше формах настоящего времени. При этом в ряде форм происходят определенные морфонологические процессы: так, в 1-м и 2-м л. суффикс прош. *-ну* переходит в *-ун*, а суффикс *-у* утрачивается: *гъадабгъну* 'он купил' – *гъадабгъунза* 'я купил'.

Наклонения глагола

Выше анализировались формы изъявительного наклонения глагола. Помимо изъявительного наклонения глагол в табасаранском языке выделяются еще три наклонения: условное, повелительное и вопросительное.

В условном наклонении глагол по лицам не изменяется и для всех лиц имеет единую форму, которая образуется посредством суффикса *-ш* от соответствующей временной формы: *урхураза* 'читаю' – *урхураш* 'если читаю', *урхурава* 'читаешь' – *урхураш* 'если читаешь', *гъурхну* 'он прочитал' – *гъурхнуш* 'если он прочитал' и т. д.

Однако, имеется одна глагольная форма прошедшего времени со значением желательно-условного наклонения, которая образуется без помощи суффикса *-ш* и спрягается подобно глаголам в изъявительном наклонении.

По своему образованию эта форма может быть квалифицирована как «будущее в прошедшем»:

	Ед. число	Мн. число
1 л.	*урхрийза* 'я прочитал бы'	*урхрийха*(-ча) 'мы прочитали бы'
2 л.	*урхрийва* 'ты прочитал бы'	*урхрийчва* 'вы прочитали бы'
3 л.	*урхрийи* 'он прочитал бы'	*урхрийи* 'они прочитали бы'

В повелительном наклонении глагол имеет самостоятельное спряжение, отличное от спряжения в изъявительном наклонении:

	Ед. число	Мн. число
1 л.	*урхуза* 'прочту-ка'	*урхухьа*(-ча)'прочтем-ка'
2 л.	*урх* 'прочитай'	*урхай* 'прочитайте'
3 л.	*урхри* 'пусть прочтет'	*урхри* 'пусть прочтут'

В третьем лице, как видно из таблиц, здесь также формы единственного и множественного чисел совпадают. В повелительном наклонении глагол по временам не изменяется.

В вопросительном наклонении глагольные формы принимают суффикс *-н(-ин, -йин)*: *гъюраза* 'иду'- *узу гъюрайин*? 'иду ли?', *думу гъиди* 'он придет' – *думу гъидин*? 'придет ли он?' и т. д. Однако, во 2 лице при этом сохраняются и личные окончания этого лица: *гъафунва* 'ты пришел' – *гъафинва*? 'пришел ли ты?', *гъюрачва* 'идете' – *гъюранчва*? 'идете ли?'

Деепричастие и причастие

Как было отмечено, в табасаранском языке имеются две формы деепричастия: деепричастие однократного и длительного значения, которые соответствуют деепричастиям совершенного и несовершенного видов: *гъюб* 'придти' – *дуфну* 'придя', *гъюри* 'идя' и т. д. Деепричастия играют большую роль не только в образовании времен глагола, но и в образовании некоторых временных форм причастия. Ср.: *гъюб* 'придти' – *дуфну айи* >

www.alfons-servis.narod.ru

дуфнайи 'уже пришел', *дуфну айи* > *дуфнайи* 'пришедший' и др. При этом в аналитических формах, как это видно из приведенного выше примера, в связи с тем что связки утрачивают ударение, образуемые ими формы сливаются.

Поскольку аналитические формы в современном литературном языке, наиболее употребительны, условно можно сказать, что две формы прошедшего времени глагола, образованные от деепричастий однократного и длительного значения, употребляясь в определительной функции, выступают одновременно и как причастия с тем же значением. Ср.: *ляхин даплнайи* 'работа уже сделана' – *даплнайи ляхин* 'сделанная работа'; *гаклвлар гъахурайи* 'дрова уносили' – *гъахурайи гаклвлар* 'уносимые дрова' и др.

Следует отметить, что последняя форма причастия одновременно выступает и как форма настоящего времени: *гаклвлар гъи (накь) гъахурайи* 'дрова сегодня (вчера) уносили' – *гъи (накь) гъахурайи гаклвлар* 'сегодня (вчера) уносимые дрова'. Это связано, с одной стороны, с утратой ударения связками при их слиянии (ср. *гъахýри áйи* > *гъахýрайи* 'уносил' и *гъахýри айи́* > *гъахýрайи* 'уносимый), а с другой – слиянием двух причастных форм связки: *айи́* 'находящийся' и также 'находившийся' (в диал. *айи́* 'находящийся' – *айи́* 'находившийся').

Третья форма причастия совпадает с формой глагола прошедшего повествования: *бай гъажаргъу* 'мальчик побежал' – *гъажаргъу бай* 'побежавший мальчик'. Четвертая форма причастия образуется от основы глагола посредством суффикса *-ру* и имеет значение общего времени, т. е. может относиться ко всем временам, что делает эти причастия по своему значению близкими к прилагательным: *лихру кас* 'работающий, трудящийся человек', *убцру жук* 'обжигающий, горячий суп'.

СХЕМА
образования временных форм причастия

Дееприч. продолж.		Масдарная форма		Дееприч. однокр.
лихури	<	лихуб 'работать'	>	*дилихну*
Прич. наст.-буд. вр.				Прич. давнопрош. вр.
лихурайи				*дилихнайи*

Прич. прош. вр.	Прич. общего вр.
гъилиху	*лихру*

Причастные формы, подобно прилагательным и другим именным частям речи, могут субстантивироваться (при этом они приобретают уже вторые классные показатели): *лихру* 'трудящийся' – *лих(р)ур* 'работяга', *либхруб* (то же – о животном); *жаргъурайир* 'бегущий' ('человек'), *жабгъурайиб* 'бегущее' ('животное').

Морфологически выраженной категории залога в табасаранском языке нет. Однако, причастные формы с вторыми классными показателями довольно четко передают залоговые значения, ср. *гъубкур* 'зарезавший' – *гъубккуб* 'зарезанное', *гъибиклур* 'написавший' – *гъибиклуб* 'написанное', *гъябкъюр* 'увидевший' – *гъябкъюб* 'увиденное' и т. д.

Отрицательные формы глагола

Отрицательные формы от финитных и нефинитных форм глагола образуются посредством отрицательной частицы *дар* 'не есть'. В личных формах эта частица присоединяется суффиксально: *гъафну* 'он пришел' – *гъафун-дар* 'он не пришел', *гъафунза* 'я пришел' – *гъафун-дар-за* 'я не пришел' (в прошедшем времени при этом имеем морфонологическое чередование *ну* > *ун*).

Частица *–дар* занимает в словоформе позицию перед личным показателем: *иплураза* 'ем' – *иплурадарза* 'не ем', *гъиплува* 'ты съел' – *гъиплундарва* 'ты не съел' и т. д. При этом в 3 лице р в частице *-дар* иногда выпадает: *дугъу гъиплнийи* 'он съел' (давно прош. вр.) – *дугъу гъиплундайи* 'он не съел' и др. Только в будущем некатегорическом времени личные формы отрицательных глаголов образуются с помощью префиксального форманта отрицания: ср. *иплуб* 'есть' – *ипларза* 'возможно, съем', *дирипӀуб* 'не есть' – *дирипларза* 'возможно, не съем' и т. д.

В других формах отрицаьельная частица выступает префиксально или инфиксально, подвергаясь при этом некоторым изменениям.

Когда отрицательная частица выступает в качестве префикса, она получает огласовку, соответствующую корневому гласному, ср.: *аплуб* 'делать' – *дараплуб*, *ишуб* 'плакать' – *диришуб*, *убхуб*

www.alfons-servis.narod.ru

'ткать' – *дурубхуб*, *уьбгъюб* 'ломать' – *дюрюбгъюб* и т. д. При этом иногда *р* в частице *дар* может выпасть или же вклиниться в корень глагола: *рибшуб* 'ткать' (основу ковра) – *дирибшуб*, *чIябгъюб* 'рвать' – *дячIрябгъюб* и т. д.

В тех случаях, когда частица *дар* вклинивается инфиксально в корень глагола, он принимает формы *-дра-*, *-дру* и т. д.: *ахъуб* 'упасть' – *адрахъуб*, *ккучIвуб* 'подползти' – *ккудручIвуб*, *убзуб* 'налить' – *удрубзуб*, *ккивуб* 'подложить' – *ккидривуб* и т. д.

В трехсложных глаголах с превербами отрицательные формы образуются посредством повторения второго слога глагола: *илипуб* 'набросить' – *илилипуб*, *алдагъуб* 'снять' – *алдадагъуб*, *ккадабгъуб* 'вытащить' – *ккададабгъуб*, элеуб 'сесть верхом' – *элелеуб*, *элдеуб* 'сойти' – *элдедеуб* и т. д.

Ниже приводится таблица образования отрицательных форм от глаголов *итуб* 'посадить' – *идитуб* 'высадить' (второй глагол того же корня, реверсивный) и их дериватов с различными превербами.

итуб – идритуб	*идитуб – идидитуб*
гьитуб – гьидритуб	*гьидитуб – гьидидитуб*
китуб – кидритуб	*кидитуб – кидидитуб*
хъитуб – хъидритуб	*хъидитуб – хъидидитуб*
ккитуб – ккидритуб	*ккидитуб – ккидидитуб*
гъитуб – гъидритуб	*гъидитуб – гъидидитуб*
илитуб – илилитуб	*илдитуб – илдидитуб*
дитуб – дидритуб	*деетуб (< дидитуб) – деетуб (< дидидитуб)*

В повелительном наклонении 2 лицо отрицательных глаголов имеет запретительное значение:

Ед. число	Мн. число
1 л. *дурушза* 'не пойду'	1 л. *дурушхьа* (*-ча*) 'не пойдем'
2 л. *мягъян* 'не ходи'	2 л. *мягъянай* 'не ходите'
3 л. *дурушри* 'он пусть не пойдет'	3 л. *дурушри* 'они пусть не пойдут'

Запретительные формы в единственном числе образуются посредством префикса *м-* с последующим гласным, аналогичным корневому гласному: *адагъуб* 'вытаскивать' – *маадабгъан* 'не вытаскивай', *улупуб* 'показывать' – *муулупан* 'не показывай', *идипуб* 'выбивать' – *миидипан* 'не выбивай', *уьлюбхюб* 'забрасывать' – *мюуьлюбхян* 'не забрасывай' и т. д. Множественное число образуется посредством присоединения к форме единственного числа окончания *-ай*: *маадабгъан* 'не вытаскивай' – *маадабгъанай* 'не вытаскивайте', *муулупан* 'не показывай' – *муулупанай* 'не показывайте' и т. д.

При образовании запретительных форм в некоторых случаях префикс *м-* выступает без огласовки (обычно в двусложных глаголах с ударением на втором слоге), ср.: *апIуб* 'загнать' – мааппIан, но *апIуб* 'делать' – *мапIан*; *убзуб* 'влить' – *муубзан*, но *убзуб* 'сеять' - *мубзан* и др.

Однозначного мнения о категории вида в табасаранском языке не существует. Тем не менее, аспектуальные оттенки, которые передаются категорией вида в русском глаголе, имеют и в табасаранском языке собственные средства выражения, ср.: *апIуб* 'делать' или 'сделать', но *апIура* 'делает', *гъапIну* 'сделал', *апIурайи* 'в то время еще делал', *дапIна* 'уже сделано' и т. д.

НАРЕЧИЕ

В табасаранском языке различаются наречия образа действия, места, времени, причины, меры и степени. Наречия образа действия, которые являются наиболее многочисленными, регулярно образуются от качественных прилагательных посредством суффикса *-ди*: *мани* 'теплый' – *маниди* 'тепло', *зарб* 'быстрый' – *зарбди* 'быстро', *аьхъю* 'холодный' – *аьхъюди* 'холодно', *тухъ* 'сытый' – *тухъди* 'сыто', *дирбаш* 'храбрый' – *дирбашди* 'храбро', *усал* 'хилый' – *усалди* 'хило', *шад* 'веселый' – *шадди* 'весело' и др. Остальные наречия специального грамматического оформления не имеют.

Наречия места: *мина* 'сюда', *чIат* 'на дворе', *айитI* 'внутри', *улигьна* 'вперед' и др.

Наречия времени: *гъи* 'сегодня', *сач* 'в прошлом году', *саритI* 'послезавтра', *закур* 'завтра' и др. Наречия меры и степени: *лап* 'очень', *гизаф* 'много', *цIиб* 'мало' и др. Наречия причины: *давди* 'напрасно', *гьадушвман* 'по этой причине', *аьхълу* 'с холоду', *гашлу* 'с голоду' и др.

Характерной особенностью наречий места и времени является то, что многие из них имеют отдельные падежные и сериальные формы с соответствующими значениями; ср.: *гъи*

www.alfons-servis.narod.ru

'сегодня' – *гъийиз* 'до сегодняшнего дня', *гъийихъан* 'с сегодняшнего дня'; *мина* 'сюда', *минади* 'в эту сторону', *милин* 'отсюда', *милинди* 'по направлению с этой стороны' и т. д.

К наречиям относятся также формы местных падежей от сложных слов, образованных путем слияния указательных местоимений с существительным *йишв*: *мушваъ* 'здесь' (< *му йишваъ* 'в этом месте'), *тушвагь* 'там около чего-л.' (< *туму йишвагь* 'около того места'); *гъушв'ин* 'там наверху' (< 'над тем местом'), *гьаккушвакк* 'там внизу' (< *гьаккму йишвакк* 'под тем местом') и т. д.

Некоторые абстрактные существительные, образуемые посредством суффикса *-вал*, в форме комитатива VII серии переходят в разряд наречий: *адмивал* 'человечность' – *адмивалиинди* 'по-человечески', *игитвал* 'геройство', 'героизм' – *игитвалиинди* 'по-геройски', 'героически', *бахилвал* 'зависть' – *бахилвалиинди* 'завистливо', *алчагъ'вал* 'подлость' – *алчагъ'валиинди* 'подло' и т. д.

Кроме того, в табасаранском языке имеется особая, не входящая в падежную парадигму форма имени, которую можно считать наречной. Она образуется от формы именительного падежа посредством аффикса *-ди* и выражает значение 'в качестве кого-л. или чего-л.': *учителди лихуб* 'работать в качестве учителя', *парсангди бисуб* 'взять в качестве привеска' и т. д.

СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

Послелоги

Послелоги в табасаранском языке функционально соответствуют предлогам индоевропейских языков (например, русского). Послелоги занимают по отношению к соответствующему имени постпозицию и управляют определенным падежом, как правило, родительным.

Многие послелоги выступают в значениях пространственных падежей. Каждая серия местных падежей имеет собственные послелоги-синонимы (обычно с теми же окончаниями, что и заменяемые ими местные падежи): I серия – *айитI* 'в, внутри'; II серия – *улигь* (*улихь*) 'перед, впереди', *багагь* (*багахь*) 'сбоку'; III серия – *гъвалак* 'на боку', *машнак* 'на, на лицевой поверхности'; IV серия – *кьяляхъ* 'за, позади'; V серия – *кIанакк* 'под, снизу'; VI серия – *кьялягъ* 'среди', *арайигъ//арайиъ* 'в промежутке, между'; VII серия – *зиин* 'на, над, сверху'.

Приведенные выше послелоги выражают значения покоя, т.е. функционально соответствуют эссивам. От этих послелогов с помощью тех же окончаний, что и у существительных, могут быть образованы формы аблативов и т.п. Ср. *кIанакк – кIанккан – кIанаккна – кIанаккди – кIанкканди – кIанаккинди; айитI – айтIан – айитIна...* и т. д.

Итак, все пространственные отношения между словами в табасаранском языке можно передать двояко: посредством определенного пространственного падежа или же посредством соответствующего послелога в сочетании с родительным падежом имени. Ср.: *Мукьаъ къяркърин муртйир айи – Мукьан айитI къяркърин муртйир айи* 'В гнезде находились сорочьи яйца'; *Мукь'ан къяркъяр утIубччву – Мукьан айтIан къяркъяр утIубччвну* 'Из гнезда вылетела сорока'; *Гъарзукк хьар кка – Гъарзун кIанакк хьар кка* 'Под скалой находится пещера'.

Послелоги в табасаранском языке по происхождению представляют собой формы определенных местных падежей от различных существительных, многие из которых сохранили свое самостоятельное значение: *улихь//улигь* – от *ул* 'глаз'; *гъвалак* – от *гъвал* 'бок'; *машнак* – от *маш* 'лицо'; *кьяляхъ* – от *кьял* 'поясница'; *кIанакк* – от *кIан* 'дно', 'донная сторона'; *арайигъ* – от *ара* 'промежуток'; *кьялягъ* – от *кьял* 'середина'.

Как послелоги эти лексемы выступают только в сочетании с родительным падежом имени. В сочетании с глаголом-сказуемым они выступают как наречия места, а некоторые из них могут быть употреблены как падежные формы соответствующих существительных. Ср.: ***ХутIлин улихь*** (послелог) *хяр хъайи* '**Перед пашней** раскинулся луг' – *Ичв колхоз ичубтIан* ***улихь*** (наречие) *хьа* 'Ваш колхоз **впереди** нашего' – ***Улихь*** (эссив II серии) *мухан тIур ктубччвнийиз* '**У глаза** моего выскочил ячмень'.

Имеется группа послелогов (*мина* 'сюда', *тина* 'туда', *гъина // зина* 'вверх', *ккина//сина* 'вниз'), которые употребляются только с

www.alfons-servis.narod.ru

одной группой местных падежей, а именно, с исходными. Эти послелоги конкретизируют, в какую сторону направлено действие, исходящее от предмета: *Гьул'ан мина машин гъюра* 'Из села в эту сторону идет машина'; *Хулхьан тина шубар гъягъюрайи* 'Мимо дома (туда) проходили девушки' и т. д.

Эти послелоги, употребляясь с I серией исходных падежей, варажают и значение транслатива ('через'), т. е. выражения *гъул'ан мина, гъул'ан тина* могут обозначать не только 'из села в эту сторону' или 'из села в ту сторону', но и 'через село в эту (или ту) сторону'.

Послелоги *мина, тина, гъина//зина, ккина//сина* наречного происхождения. Они выступают и в роли наречий, и в роли послелогов. Будучи наречиями, они, естественно, относятся к глаголу и могут изменять свое место в предложении, а в роли послелогов они, как и другие послелоги, не могут быть отделены от тех падежных форм, с которыми они употребляются. Сверх того, когда они выступают в роли послелогов, они утрачивают ударение и как бы произносятся в одно слово с предшествующим им существительным.

При этом в произношении конечный *н* показателя аблатива, как правило, выпадает: *Гъул'амина кум гъюра* 'Из села в эту сторону дым идет' (вместо *гъул'ан мина...*); *Зав'амина йиф абхъра* 'С неба вниз снег падает' (вместо *зав'ан мина...*) и т. д.

Тенденция к слиянию их с существительными так сильна, что и в литературном языке она находит свое отражение, т. е. и в литературном языке часто они пишутся слитно с существительными, иногда и с выпадением *н* в показателе аблатива. Как было отмечено, послелоги могут передавать все пространственные значения местных падежей. Когда же мы имеем дело с абстрактными значениями местных падежей, которые присущи почти каждому из них, то здесь могут быть употреблены только местные падежи, т. е. эти значения не могут уже быть переданы родительным или иным падежом в сочетании с послелогами. Например, выражение 'Отойди от него' можно на табасаранском языке передать двояко: *Дугъхьан* (абл. II сер.) *гьудучIв // Дугъан багхьан* (родит. пад. с послелогом аблатива II сер.) *гьудучIв*. Но выражение 'Узнай от него' можно передать только местным падежом: *Дугъхьан аьгъю апIин* (аблатив II серии).

Однако, имеются еще три послелога, которые служат для передачи именно абстрактных, а не местных значений: *гьякьнаан* 'о', 'относительно', *бадали* 'для', 'ради'; *кIуллан* 'из-за': *Му ляхнин гьякьнаан дугъаз фукIа макIан* 'Относительно этой работы ему ничего не говори'; *Вари дюн'яйиъ ислягьвал бадали дяви гъябгъюра* 'Во всем мире идет борьба за мир'; *БицIидар чIяртIлин кIуллан кархьнийи* 'Дети подрались из-за птенчика'; *Дугъан бадали узу гьапнийзавузки* 'Я ведь говорил тебе про него' и т. д.

Союзы

В табасаранском языке число союзов, служащих для соединения слов и предложений, невелико. Союзы в нем, как и в русском языке, делятся на сочинительные и подчинительные.

К сочинительным относятся

1) соединительные союзы *-на, -ра, ва* 'и';

2) противительные союзы *хъа* 'а', *амма* 'но';

3) разделительные *вая* 'или', *я... я* 'или... или', *гагь... гагь* 'то... то' и др.

Соединительный союз *-на* употребляется только для соединения однородных членов предложения, например: *Абана бай шагьриз гъушну* 'Отец и сын отправились в город'; *Ярквраъ сулна, жанаварна швеъ чиб-чпиз гьуркьу* 'В лесу лиса, (и) волк и медведь встретились друг с другом' и т. д.

Остальные сочинительные союзы могут соединять как слова (обычно однородные члены предложения), так и предложения, например: *Йигъ ригъ алиб, амма аьхъюб вуйи* 'День был солнечный, но холодный' – *Зав'ин дифар удучIвну, амма мархь гъубгъундар* 'Небо покрылось тучами, но дождь не пошел' и т. д.

К подчинительным относятся союзы, выражающие

1) причину: *гьаз гъапиш* 'потому что', *фицики* 'так как';

2) условие: *эгер//нагагь* 'если';

3) время: *вахтна* 'когда';

4) следствие: *гьаддиз, гьаддиз гюре* 'потому';

5) цель: *бадали* 'для того чтобы' и т. д.

Подчинительные союзы служат преимущественно для присоединения придаточных частей предложения к главной части: *Хябяхъ гъабши вахтна, габни лиж гъулазди хъапIну* 'Когда

www.alfons-servis.narod.ru

наступил вечер, пастух погнал стадо в направлении к селу'. *Ихь халкь улигьна гъягъбан бадали, ухьу ихь культура за даплну ккунду* 'Чтобы наш народ успешно двигался вперед, нам надо поднимать свою культуру'; *Халуйи гьяятдиъ хайлин махлукьат уч духьнайи, фицики дугъу цIийи хулар элеркбан милаз дих даплнайи* 'У дяди во дворе было множество людей, так как он созвал людей для покрытия крыши нового дома' и др.

В табасаранском языке имеется также ряд формативов союзного значения, которые самостоятельно не употребляются.

Формативы *-ган, -хъан, -митIла* имеют соответственно значения союзов 'когда', 'после того как', 'как только'. *Аба хулаъ учIвиган, баяр дишла ликри гъудужву* 'Когда вошел отец, сыновья сразу вскочили на ноги'; *Ригъ алабхъан, хулаз гъушча* 'После того, как зашло солнце, мы отправились домой'; *Зенг гъивумитIла, баяр гьяятдиз гъажаргъу* 'Как только прозвенел звонок, дети побежали во двор' и т. д.

Посредством формативов *-тIан, -си, -кьан*, которые могут присоединяться ко всем местным и основным падежам, в табасаранском языке образуются многочисленные формы, выражающие различные отношения союзного значения.

Форматив *-тIан* обычно соответствует русскому союзу 'чем' при сравнении: *Шалман гъавагътIан ягълиб вуйи* 'Столб был выше, чем тополь' (или 'выше тополя'); *Аслан пеленгтIан гужлиб ву* 'Лев сильнее, чем тигр'. В отрицательных предложениях *-тIан* соответствует русскому 'только', 'кроме': *Хулаъ узутIан адарза* 'В комнате только я' или 'В комнате кроме меня никого нет'; *Асли контриътIан рякъюб мумкин дар* 'Асли (женск. имя) можно увидеть только в конторе' и т. д.

Форматив *-си* соответствует русскому уподобительному союзу 'как', 'словно': *Риш гъазси тIирклуру* 'Девушка ходит, как лебедь'; *Дугъан машну ригъдиси нур туврайи* 'Е лицо светилось, как солнце' и т. д. В сочетании с местными падежами *-си* имеет также значение приблизительности и переводится словами 'чуть', 'несколько', 'немножко', 'как бы' и др.: *Шюхъ цалихънаси (цалихъинси) гъафи* 'Цыпленок несколько приблизился к стене'; *Пичрахънаси (пичрахъинси) йихь* 'Подвинься чуть к печке'.

Форматив *-кьан* обычно выражает количественные отношения и соответствует русскому 'как', 'с' (в сочетании с винительным падежом): *Вич хумурзагкьан аьхюб вуйи* 'Яблоко было большое, с арбуз'; *Жяфраз узузкьан ужуди дарс аьгъдайи* 'Джафар не знал урок столь хорошо, как я'.

Лексемы с формативами *-си* и *-кьан*, помимо того, могут принимать классные показатели и превращаться в субстантивированные прилагательные с уподобительным значением: *цIа* 'огонь' – *цIаси* 'словно огонь', *цIасиб* 'огнеподобное' (класс неразумных существ), *цIасир* 'огнеподобный' (класс разумных существ), *шид* 'вода' – *шидси* 'словно вода', *шидсиб* 'нечто водоподобное', 'жидкое', *гъурд* 'кулак' – *гъурдкьан* 'величиной с кулак', *гъурдкьануб* 'нечто величиной с кулак', *гъурдкьанур* 'маленький', 'карлик' и т. п.

Рассматриваемые нами формативы могут присоединяться не только ко всем падежным формам, но и к несклоняемым частям речи, в частности к деепричастиям и личным формам глагола: *Дугъу урхуритIан адар* 'Он только читает'; *Ярхлаъ гими рябкъюрайиси ву* 'Вдали будто виднеется корабль' и т. д.

Частицы

Частицы в табасаранском языке по своему значению делятся на такие группы:

I) усилительные: *-ки* 'же', 'ведь' (*гъапунзаки* 'сказал же я', *гъафнуки* 'пришел ведь'); *-гьа* (*мапIангьа* 'смотри же не делай'), *ари* (*йип ари* 'а ну-ка скажи');

2) вопросительные *-кIан, -хъа, -да, гьадивай* и др. (*пузакIан*? 'сказать что ли?', *гъафнийинхъа?* 'пришел разве?', *вуда*? 'уж ли?', *гьадивай гъушунва* 'неужели пошел?');

3) указательные: *магьа, гьатмагьа, гьагъмагьа* и др. (*магьа йиз китаб* 'вот моя книга', *гьаммагьа ич хал* 'вот там наш дом');

4) отрицательные *-кIа, -кьан, -ра* (*фужкIа гъафундар* 'никто не пришел', *хулаъ уьлкьан адар* 'даже хлеба нет дома', *касра гъафундар* 'никто не пришел');

5) восклицательные: *хуб, фу, я: хуб гюрчегди ву!* 'ой как красиво!', *фу мани йигъ ву!* 'ой какой жаркий день!', *я первердигар* 'о господи') и др.

www.alfons-servis.narod.ru

Междометия

Междометия в табасаранском языке выражают различные чувства и переживания говорящего.

Наиболее употребительны междометия: *вагь! пагь! гьай-гьай!* (выражают удивление, восхищение); *уф! гьяйиф! эгь!* (боль, сожаление); *гьан! гъач! гъачай! гьюгъ!* (призыв); *вугьа! иш! чуш!* (для понукания животных); *эй, гьей, вай* (обращение к людям) и т. д.

К междометиям относятся также звукоподражания типа *уь-уь-уь!* (кукареканье), *дам-дарам! хъумп!* (шум-гам) идр.

К междометиям относятся также слова, связанные с этическими традициями: *буюр!* 'пожалуйста!', *чухсагъул!* 'спасибо!', *хушгелди* 'с приездом' ('с приходом') и др.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Несмотря на многочисленные заимствования, основным богатством табасаранского языка остается собственно табасаранская лексика, которая имеет довольно развитую систему словообразования, дающую возможность для дальнейшего развития его лексики и терминологии за счет собственных ресурсов.

Префиксация

В отличие от других дагестанских языков, в табасаранском языке сильно развита префиксация. Посредством так называемых превербов т. е. глагольных префиксов, идентичных падежным окончаниям имени, в табасаранском языке образуются многочисленные глаголы, выражающие тончайшие пространственные отношения: *(ъ)ипуб* 'вбросить во что-л.', *гьипуб* 'прибросить перед чем. -л.', *кипуб* 'набросить с боку чего-л.', *ккипуб* 'подбросить', *гъипуб* 'бросить меж (частями) чего- л.', *хъипуб* 'забросить', *илипуб* 'набросить поверх чего-л.', *дипуб* 'бросив оставить', *(ъ)идипуб* 'выбросить из чего-л.', *гьидипуб* 'отбросить', *кидипуб* 'скинуть с чего-л.', *ккидипуб* 'выбить их-под чего-л.', *гъидипуб* 'выбить из чего-л.', *хъидипуб* 'выбить из-за чего-л.', *илдипуб* 'скинуть сверху чего-л.', *дидипуб* 'уронить'. Все эти производные от одного корня глаголы имеют еще классные и числовые варианты: *гьипуб – гьитуб* (кл. разумных существ), *гьирчуб* (мн. число) и т. д. Если учесть, что все перечисленные глаголы имеют и своеобразно образуемые отрицательные формы (*гьипуб – гьидрипуб, илдипуб – илдидипуб* и т. д.), то легко представить невероятное богатство табасаранского глагола.

При этом надо учесть, что многие глаголы, имеющие в своей основе превербы, наряду с пространственными развили и

www.alfons-servis.narod.ru

многочисленные абстрактные (переносные) значения, например: *гьидипуб* 'отбросить' – *гьидитуб* (кл. разум. существ) 'развестись', *идипуб* 'выбросить' – *идирчуб* (мн. число) 'рыгать'; *лигуб* 'смотреть' – *ккилигуб* 'ожидать', *рагуб* 'рычать' – *ккарагуб* 'умолять'; *ккадабхьуб* 'высыпаться' – *ккадархьуб* 'спастись'; *илдипуб* 'скинуть' – *илдитуб* 'свергнуть', *балгуб* 'украшать' – *албагуб* 'наладить' – *хъабалгуб* 'согласовать', *эргуб* 'уставать' – *хъергуб* 'погнаться'; *уьргъюб* 'растеряться' – *хъюгъюб* 'начать'; *рябкъюб* 'видеть' – *кярябкъюб* 'мерещиться', *лицуб* 'ходить' – *гъилицуб* 'бродяжничать'; *удубзуб* 'проливать' – *ккудубзуб* 'доить', *абхъуб* 'упасть' – *хъабхъуб* 'проиграть'; *архуб* 'точить' – *гьархуб* 'забыть'; *лигуб* 'смотреть' – *килигуб* 'осматривать' – *ккилигуб* 'ожидать'и др.

Суффиксация

Не менее развита в табасаранском языке также суффиксация.

К наиболее древним именным суффиксам относятся суффиксы *-ал, -ин*, при помощи которых от глаголов образуются существительные с переносом их действия на предмет: *ахуб* 'спать' – *ахин* 'постель', *лихуб* 'работать' – *ляхин* 'раота'; *дярхюб* 'пилить' – *дурхин* 'пила'; *бирхуб* 'шить' – *бирхал* 'шов', уркуб 'крошить' *уркал* 'крошка' *архуб* 'тереть' – *ахал* 'точило' и др.

Очень продуктивны в табасаранском языке суффиксы *-вал, -шин*, посредством которых от различных частей речи образуются отвлеченые имена существительные: *адми* 'человек' – *адмивал* 'человечность', *аба* 'отец' – *абавал* 'опекунство', *гъюб* 'приходить' – *гъювал* 'приход', *лихуб* 'работать' – *лихувал* 'работание', *саб* 'один' – *сабвал* 'единство', *пис* 'плохой' – *писвал* 'зло', *мани* 'теплый' – *манивал* 'теплота' – *манишин* 'жара'; *кьутIкьли* 'горький' – *кьутIкьливал* 'горькость' – *кьутIкьлишин* 'горечь'; *учву* 'красивый' – *уччвувал* 'красивость' – уччвушин 'красота'; *ипни* 'худой' – *ипнивал* 'худосочность' – *ипнишин* 'худоба' и т. д.

При помощи суффиксов *-жви, -шив* в табасаранском языке образуются существительные, обозначающие людей по национальности, месту жительства, возрасту и др.: *авар* 'аварский' – *аваржви* 'аварец', *аваршив* 'аварка'; *Хив* (село) – *хивжви* 'хивец', *хившив* 'хивлянка'; *кьаби* 'старый' – *кьабижви* 'старик', *кьабижив* 'старуха' и т. д.

При помощи суффикса *-шв* образуются существительные, обозначающие место работы, учебы и др.: *лихру* 'работающий' – *лихрушв* 'место работы'; *дахъру* 'спальный' – *дахърушв* 'спальня' и т. д.

Посредством суффиксов *-бях, -бякь, -рюх, -ац, -нац* и др. образуются слова, обозачающие лиц с физическими и духовными недостатками: *гучI* 'страх' – *гучIбях* 'трус', *ушв* 'рот' – *ушвбякь* 'разиня', *ницц* 'вошь' – *ниццрюх* 'вшивец', *гъилицуб* 'бродить' – *гъилицнац* 'нищий', *гагул* 'левый' – *гагвл-ацI* 'левша', *хъюнтI* 'сопля' – *хъюнтI-ич* 'сопливый' и др.

Весьма продуктивны и заимствованные суффиксы:

-чи, -бан от основ существительных, редко — от основ наречий образуют имена существительные, обозначающие людей по профессии, роду занятий, выполняемой ими работе, ср. *чекме* 'сапог' – *чекмечи* 'сапожник', *хюрч* 'охота – *хюрчабан* 'охотник'.

Менее продуктивны следующие заимствованные из персидского языка суффиксы:

-баз: *гьилла-баз* 'лентяй', *уюн-баз* 'мошенник' (*уюн* 'игра'), *къумар-баз* 'картежник' (*къумар* 'игральные карты'), *келле-баз* 'тупица' (*келле* 'голова');

-кар: *футна-кар* 'сплетник' (*футна* 'сплетня'), *гуннагь-кар* 'грешник' (*гуннагь* 'грех'), *гьиллагь-кар* 'хитрец', *тахсир-кар* 'виновник' (*тахсир* 'вина'), *зулум-кар* 'угнетатель' (*зулум* 'угнетение');

-дар: *мулки-дар* 'землевладелец' (*мулк* 'земля'), *аьмал-дар* 'хитрец, обманщик' (*аьмал* 'хитрость, обман').

-лу и *-суз*, указывающие соответственно наличие и отсутствие того или иного признака: *ад* 'слава' – *адлу* 'славный', *адсуз* 'бесславный', *жан-лу* 'крепкий, здоровый, сильный', *жан-суз* 'мертвый, безжизненный, слабый', *гьяя-лу* 'стыдливый, застенчивый, скромный', *гьяя-суз* 'развратный, бесстыжий, циничный', *асул-лу* 'благородный', *кьимат-лу* 'ценный' (*кьимат* 'цена'); *гьюрмат-суз* 'неавторитетный, неуважаемый', *метлеб-суз* 'бессмысленный', *къайда-суз* 'беспорядочный' и т.п.

интернациональные суффиксы *-ист, -изм*: *социал* 'социальный' – *социалист, социализм* и т. д.

Развита суффиксация и в словообразовании других частей речи. Так, посредством суффиксов *-и, -у, -уь (-ю), -ун* от основ

www.alfons-servis.narod.ru

существительных образуются языке качественные прилагательные: *кьяш-и* 'влажный' (*кьяш* 'влага'); *къур-у* 'сухой' (*къур* 'сухота, сухость'); *ак-у* 'светлый' (*акв* 'свет'); *бюркъ-ю* 'слепой' (*бюркь* 'глазной гной'); *гаш-ун* 'голодный' (*гаш* 'голод') и др. Суффикс *-и* от основ имен существительных образует и относительные прилагательные, характеризующие пол животного: *йиц* 'бык' — *йиц-и кIари* 'букв. бычий теленок'; *хвар* 'кобыла' — *хвар-и* букв. 'кобылий (жеребенок)' и другие.

Посредством суффикса *-си-(б/р)* от различных падежных форм образуются производные прилагательные, выражающие уподобление, сходство: *сул-сиб* 'подобный лисе' (*сул* 'лиса'); или же относительно невысокую степень качества: *яркьуб-сиб* 'широковатый' (*яркьуб* 'широкий'); *кIарур-сир* 'черноватый' (*кIарур* 'черный'); *адми-сир* 'подобный человеку' (*адми* 'человек') и др.

С помощью суффикса *-ан* от основ количественных числительных класса неразумных существ образуются кратные числительные: *кьюб-ан* 'дважды' (*кьюб* 'два'); *саб-ан* 'однажды'.

Суффикс *-и(б|д)* образует собирательные числительные от основ количественных числительных: *къюб-иб*, *кьюр-ид* 'оба, обе' (*кьюр, кьюб* 'два'); *юкьб-иб, юкър-ид* 'четверо' (*юкьуб*, *юкъуб* 'четыре') и др.

Порядковые числительные в табасаранском языке образуются от количественных посредством суффикса *-пи* (стяженной формы причастия прошедшего времени *гъапи* 'сказанный, названный, называемый'): *варж-пи* 'сотый' (*варж* 'сто'); *сумчIур-пи* 'тридцатый' (*сумчIур* 'тридцать'); *хьур-пи* 'пятый' (*хьуб* 'пять'); *миржир-пи* 'восьмой' (*миржиб* 'восемь') и др.

Наречия образа действия образуются суффиксом *-ди* от основ прилагательных, числительных и существительных: *читин-ди* 'трудно' (*читин* 'трудный'); *шад-ди* 'весело' (*шад* 'веселый'); *гаш-ди* 'голодно' (*гаш* 'голод'); *кьюр-ди* 'вдвоем' (*кьюр* 'два'); *йигъ-ди* 'в течение всего дня, с утра до вечера' (*йигъ* 'день') и др.

Суффиксами *-ну, -ган* от основ существительных, прилагательных, а также самих наречий образуются наречия времени: *хьад-ну* 'летом' (*хъад* 'лето'); *йишв-ну* 'ночью' (*йишв* 'ночь'); *гвачIнин-ган* 'утром' (*гвачIин* 'утро'); *хябяхъ-ган* 'вечером' (*хябяхъ* 'вечер') и др.

Суффиксы *-на, -лин, -линди* от основ указательных местоимений образуют наречия места: *ди-на* 'туда' (*думу* 'то'); *ди-лин* 'оттуда' (*думу* 'тот'); *дин-ди* 'туда' (*думу* 'тот'); *ми-на* 'сюда' (*му* 'этот'); *ми-лин* 'отсюда' (*му* 'этот'); *мин-ди, мина-ди* 'сюда' (*му* 'этот'); *гьат-линди* 'оттуда' (*гъатму* 'тот') и др.

Инфиксация

В образовании некоторых глагольных форм в табасаранском языке можно усматривать и и н ф и к с а ц и ю: *алдагъуб* 'снимать' – *ал-да-дагъуб* 'не снимать', *бирхуб* 'шить' – *диб-р-ихуб* 'не шить' и др. В данном случае, как видим, имеет место не словообразовательная, а словоизменительная категория.

Словосложение

Большое количество слов в табасаранском языке образуется путем сложения основ (слов). Выделяют две разновидности сложных слов, образованных путем основосложения: композиты-сочетания (с подчинительными отношениями между компонентами) и композиты-сложения (с сочинительными отношениями).

В словах первого типа имеем слияния двух имен существительного, реже имени существительного с прилагательным, числительным, причастием: *хашврахал* 'паутина' (букв. *хашвра-н* род. п. от *хаш* 'паук' + *хал* 'дом'); *чIаппархил* 'летучая мышь' (букв. *чIаппар* мн. число от *чIапп* 'тряпка' +*хил* 'рука'); *байвахт* 'детство' (*бай* 'ребенок' + *вахт* 'время'), *тIубжакьв* 'пташка' (*тIуб* 'палец' + *жакьв* 'птица') и т.п.

мутму 'вещь' (*му* 'это' + *тму* 'то'), *йигъ-йишв* 'день и ночь' (от *йигъ* 'денъ' + *йишв* 'ночь'); *абйир-бабар* 'родители' (*абйир* 'отцы' + *бабар* 'матери'), *бала-кьада* 'напасть' (*бала* 'беда' + *кьада* 'случай'); *ляхин-кар* 'работа; дело; занятие' из *ляхин* 'работа' +*кар* 'дело; занятие') и др. Помимо существительных, такого рода композиты представлены

а) в числительных: *швнуб-саб* 'несколько' (из *швнуб* 'сколько+*саб* 'один'); *сакьюб* 'один-два' (из *саб* 'один' + *кьюб* 'два');

б) в глаголах: *ипIуб-ухуб* 'питание' (*ипIуб* 'кушать' + *ухуб* 'пить'); *аъгъюб-гъюб* 'хождение; взаимоотношение' (*аъгъюб* 'идти' + *гъюб* 'придти обратно');

www.alfons-servis.narod.ru

в) в наречиях: *ухди-кьанди* 'рано или поздно' (*ухди* 'рано' + *кьанди* 'поздно'); *гъамус-хъа* 'скоро, вот-вот' (*гьамус* 'сейчас, в настоящее время' + *хъа* 'затем, потом').

К сложным словам примыкают фразеологические сочетания, выражающие единое понятие: *кьюлан дажи* 'мокрица' (букв. 'мышиный осел'), *кьюркьлин цIа* 'молния' (букв. 'сгущенный огонь'), *уч апIуб* 'собирать' (букв. 'сбор делать'), *нач хьуб* 'стыдиться' (букв. 'стыдно становиться), *хъял гъюб* 'рассердиться' (букв. 'гнев придти') и т. д. Подобные фразеологизмы, как можно заметить, находятся на разных стадиях лексикализации, ср. также *юкIв улубкьуб* 'влюбиться' (букв. 'сердце сесть'), *ул кубкIуб* 'сглазить' (букв. 'глаз попасть') и т. д.

Особый вид словосложения представляют повторы, в т.ч. удвоения основ самостоятельных слов: *тки-тки* 'по кусочку, по малу' (из *тки* 'кусочек'); *литIан-литIан* 'по капельке' (из *литIан* 'капля'); *гагь-гагь* 'иногда, время от времени' (из *гагь* 'иногда'); повторы с изменением начального корневого согласного второго компонента: *кас-мас* 'кто-либо' (*кас* 'лицо; личность; человек'); *хал-мал* 'дом, всякое жилище' (*хал* 'дом'); удвоения звукоподражательных комплексов: *чахърахъ-пахърахъ* 'трах-тарарах, трах-тах-тах'; *кIантI-кIантI* 'кап-кап' и др.

Конверсия

Одним из самых продуктивных способов конверсии в табасаранском языке является субстантивация различных частей речи.

При субстантивации слова, принимая классные показатели, приобретают и особые смысловые различия: ср: *упIру* 'съедобный' – *упIрур* 'едок' – *упIруб* 'пища', *лихру* 'работающий' – *лихрур* 'работяга' и т. д.

В табасаранском языке субстантивируются следующие части речи:

1) количественные и порядковые числительные: *саб* 'нечто', *сар* 'некто', *кьюбпиб* 'во-вторых', *шубубпиб* 'в третьих' и др.

2) качественные прилагательные: *жикъи* 'короткий' – *жикъир* 'коротыш', *гъяни* 'добрый' – *гъянир* 'добряк', *гъатху* 'желтый' – *гъатхуб* 'желток' и др.

3) качественные и относительные прилагательные, выраженные формой родительного падежа существительного: *бабан* 'бабушкин' – *бабануб* 'бабушкина (о вещи) – *бабанур* 'бабаушкин (например, внук) и др.

4) притяжательные, вопросительные, указательные и др. местоимения: *яв* 'твой' – *явуб* 'нечто твое', *явур* 'некто твой'; *гьатмунуб* 'то' – *гьатмунур* 'тот' (о человеке) и др.

5) различные временные формы причастий: *лигру* 'смотрящий' – *лигрур* 'смотритель'; *ишру* 'плачущий' – *ишрур* 'плакса'; *убхъру* 'пьющий' или 'выпиваемое' – *убхърур* 'выпивоха', *убхъруб* 'пить '(спиртное) и др.

Субстантивированные части речи уже отвечают на вопросы существительного и начинают склоняться подобно существительному: *ахрур* 'соня' – эрг. п. *ахрури*, род. п. *ахрурин* и т. д.

www.alfons-servis.narod.ru

СИНТАКСИС

СИНТАКСИЧЕСКУЮ структуру табасаранского языка во многом определяет его принадлежность к языкам эргативного строя, обусловливающая специфику оформления субъектно-объектных отношений, на которую указывал еще П. К. Услар. Свой определенный отпечаток на синтаксический строй табасаранского языка накладывает и агглютинативная морфология с многопадежной системой склонения, формами классного и личного согласования, аналитическими конструкциями и др.

Словосочетание

Для табасаранского языка характерно наличие двух основных групп словосочетаний – именных и глагольных. В именных словосочетаниях в качестве зависимого слова выступают обычно прилагательные, причастия, числительные, местоимения и родительный падеж существительного, который в табасаранском языке выполняет функцию относительного прилагательного: *ярхи рякъ* 'длинный путь', *кьюбпи мертеба* 'второй этаж', *гъубхьу шид* 'кипячёная вода', *гьатму гьар* 'то дерево', *бабан чIал* 'родной язык' и др.

В тех случаях, когда зависимое слово выражено причастием переходного глагола, оно образует сложное словосочетание, в составе которого выступает и логический субъект: *шуру гъубху гьалав* 'девушкой вытканный ковёр', *жанаври гъубху ччил* 'волком унесённый ягнёнок' и др., которые могут быть переведены на русский язык не только причастными оборотами, но придаточными предложениями: 'ковёр, который выткан девушкой...' и т. д.

Наиболее многочисленны в табасаранском языке глагольные словосочетания с масдаром в роли стержневого слова: *укI*

убшвуб 'сено косить', *шид убъхуб* 'воду пить', *йикк убхьуб* 'мясо варить' и др. Подобные словосочетания при переходном глаголе также образуют сложные словосочетания с логическим субъектом, которые на русский язык трудно переводимы: *адашди укI убшвуб* 'отцом сено косить (кошение)', *чуччу шид убхьуб* 'сестрой воду кипятить (кипячение)' и др.

В табасаранском языке в простых словосочетаниях выявляются те же три основных вида синтаксических отношений между словами, что и в русском языке: согласование, управление и примыкание. Например, в словосочетаниях *саб йиц* 'один вол', *сар кас* 'один человек', *садар мярхяр* 'одни сани' зависимые от существительных числительные (саб, сар, садар) согласуются с ними в классе и числе; в словосочетаниях *гъуншдихъди улхуб* 'разговаривать с соседом', *гъул'-ан удучIвуб* 'из аула выходить' глаголы (*улхуб, удучIвуб*) управляют падежами существительных, требуя постановки их в определённых местных падежах, в словосочетаниях *явашди лицуб* 'медленно ходить', *кьанди гъюб* 'поздно приходить' связь между стержневыми словами (глаголами *лицуб, гъюб*) и зависимыми словами (наречиями *явашди, кьанди*) выражается не флективными изменениями зависимого слова, не его формой, а его местоположением, зависимой грамматической функцией, т. е. здесь мы имеем дело с примыканием.

Однако, естественно, формы выражения синтаксических отношений в различных категориях словосочетаний, а также частота употребительности того или иного вида синтаксических связей в табасаранском и и русском языках будут различными. Так, например, в табасаранском языке прилагательные в определительной функции, в отличие от русского языка, не согласуются с существительными в классе(роде), числе и падеже, а примыкают к ним, например: *бицIи риш* 'маленькая девочка', *бицIи кIари* 'маленький телёнок', *бицIи баяриз* 'маленьким детям' и т. д. Зато в глагольных словосочетаниях глагольные формы согласуются с существительными в классе и числе: *юлчи дерккуб* 'путника остановить', *аьраба дебккуб* 'арбу остановить', *ляхнар дерккуб* 'работы остановить' и т. д.

Согласование в падеже для табасаранского языка не характерно, если не считать отдельных случаев, например, при приложениях типа *нежбрар-колхозчйир* 'крестьяне-колхозники', *нежбрариз-колхозчйириз* 'крестьянам-колхозникам' и др.

www.alfons-servis.narod.ru

Необходимо отметить, что есть некоторые особенности и в самом характере синтаксических отношений между словами в словосочетаниях. Так, например, в словосочетаниях типа *чархликк ккахъуб* 'попасть под колесо' стержневое слово ккахъуб (букв. 'подпасть'), управляя падежом зависимого слова *чархликк* 'под колесо', одновременно вступает с ним в координацию посредством преверба *кк* (показателя V серии местных падежей, который одновременно выступает и в качестве глагольного преверба с тем же значением). Еще больше особенностей в характере синтаксических отношений имеется в предикативных синтагмах, о чем будет сказано при анализе строя простого предложения в табасаранском языке.

Простое предложение

Для табасаранского языка, как и для других иберийско-кавказских языков, характерно наличие двух основных конструкций предложения: номинативной и эргативной, что связано с различным построением предложений с непереходными и переходными глаголами (при непереходном глаголе субъект Действия ставится в именительном падеже, а при переходном – в эргативном).

При номинативной конструкции предложение состоит из двух главных членов: подлежащего, выраженного именительным падежом имени, и сказуемого, выраженного непереходным глаголом. При эргативной конструкции оно состоит из трех главных членов подлежащего, стоящего в эргативном падеже, объекта (прямого дополнения), выраженного именительным падежом, и сказуемого, выраженного переходным глаголом.

Помимо этих двух основных конструкций в табасаранском языке имеются и другие конструкции (безличная, дативная, генитивная, локативная), которые употребительны лишь в редких случаях.

Номинативная (абсолютная) конструкция

При номинативной (абсолютной) конструкции предложение в табасаранском языке является двусоставным, так как в нем имеются лишь субъект и предикат, действие которого не

переходит на какой-либо объект (т. е. сказуемое в таком предложении выражается глаголом непереходного значения).

Между подлежащим и сказуемым существует связь координации, выражающаяся в том, что сказуемое, управляя подлежащим (требуя постановки его в именительном падеже), одновременно согласуется с ним в классе, числе, а также лице. При этом нужно учесть следующее:

1. Если подлежащее выражено именем существительным или же местоимением III лица, глагол-сказуемое согласуется с ним в классе посредством классных показателей (обычно инфиксально), например: *Бай гьергну* 'Мальчик убежал' – *Мудур гьебгну* 'Козленок убежал'; *Баяр гьергну* 'Дети убежали' – *Мудрар гьергну* 'Козлята убежали' и т. д. (во множ. числе класса разумных существ *-р* выступает как общий показатель для обоих классов).

2. Если же подлежащее выражено местоимениями I и II лица, то сказуемое согласуется с ним в классе и числе инфиксально, в лице и еще раз в числе суффиксально, например: *Узу гьергразa* 'Я убегаю'; *Уву гьерграва* 'Ты убегаешь'; *Учву гьерграчва* 'Вы убегаете' и т. д.

В нераспространенном двусоставном личном предложении с непереходным глаголом-сказуемым, если подлежащее выражено I или II лицом личного местоимения, оно может быть опущено, причем предложение остается, как и в русском языке, полным и личным, так как субъект выражается самой формой глагола-сказуемого, например: *Даахназа* 'Сплю'; *Лихураза* 'Работаю' и т. п.

В распространенном двусоставном личном предложении с непереходным глаголом мы обычно имеем определение при подлежащем (группа подлежащего), а также обстоятельство и дополнение при сказуемом (группа сказуемого): *Бицlи Мирза гьамусра хулаз дуфнадар* 'Маленький Мирза до сих пор домой не вернулся'; *Кьаби швеъ явашди гъарзкан ктубчlвурайи* 'Старый медведь медленно со скалы спускался'.

При обычном построении речи слова группы подлежащего идут первыми, а слова группы сказуемого – вторыми (сами же подлежащее и сказуемое идут после относящихся к ним второстепенных членов).

www.alfons-servis.narod.ru

Однако очень часто обстоятельства времени, места, которые, как правило, относятся ко всему предложению в целом, стоят в начале предложения, перед словами группы подлежащего: *Йишву аьхю сел гъубгъну* 'Ночью большой ливень пошел'; *Варишвариъ гъалин йиф дабхънайи* 'Везде глубокий снег лежал'.

Характерно, что в тех случаях, когда определение при подлежащем выражено притяжательными местоимениями, в качестве которых в табасаранском языке выступают супплетивные формы родительного падежа личных местоимений 1 и 2 лица (*узу* 'я' – *йиз* 'мой', *ухьу*, *учу* 'мы' – *ихь*, *ич* 'наш', *уву* 'ты' – *яв* 'твой', *учву* 'вы' – *ичв* 'ваш'), оно повторяется еще раз и в конце предложения после сказуемого. Например: *Йиз бай мектебдиан гъюра йиз* 'Мой сын из школы идет (мой)'; *Ич гьваъ абхъну ич* 'Наша крыша провалилась (наша)'; *Яв маш кабцIна яв* 'Твое лицо испачкано (твое)' и т. д. Эти местоимения, сливаясь с глаголами-сказуемыми, после которых они стоят, образуют в табасаранском языке своеобразное притяжательное спряжение: *гъюрайиз* 'идет (мой)', *гъюраяв* 'идет (твой)', *гъюрайихь* 'идет (наш)', гъюрайичв 'идет (ваш)' и т. д.

Таким образом глагол-сказуемое в двусоставном личном предложении координируется не только с подлежащим, но и с определением при нем. Возьмем такой пример:

согл. в лице и числе

согл. в классе и числе

Йиз ху гъабкIнийиз

'Моя собака сдохла'

Как мы видим на данном примере, глагол-сказуемое координируется с подлежащим в классе и числе, с одной стороны, и с определением, выраженным притяжательным местоимением, в лице и числе, с другой.

Аналогичное явление имеет место и в тех случаях, когда в двусоставном личном предложении наличествуют дополнения, выраженные различными падежами личных местоимений I и II лица.

Например: *Накь учуз хялар гъафунчуз* 'Вчера к нам (букв. 'нам') гости пришли'; *Аьли сан учуг гьайчуг* 'Али ночью у нас был'; *НешвтIан увугьна сар кас гъафунвугьна* 'Недавно к тебе один человек заходил'; *Учвухъ хьур кас лихурачвухъ* 'На вас пять человек работает' и т. д.

В этих примерах дополнения, выраженные местоимениями I и II лица, стоят в различных падежах: *учуз* – в дательном мн. числа, *учуг* – в местном падеже покоя (II серия), *учвугьна* – в местном падеже направительном (II серия), *учвухъ* – в местном падеже покоя (IV серия). Глагол-сказуемое в каждом случае соответственно координируется с дополнением в лице, числе и падеже, поскольку и в этих случаях мы имеем дело с повторным его употреблением после глагола и с последующим стяжением с ним. Таким образом, глагол, выступая в качестве сказуемого личного двусоставного предложения, в табасаранском языке получает, с одной стороны, своеобразное склонение: *гъюразуз* 'мне (для меня) идет', *гъюразугьна* – 'ко мне идет', *гъюразуина* – 'на меня идет' и, с другой стороны, различные спряжения в каждой из этих падежных форм: *гъюразуз* 'мне идет', *гъюравуз* 'тебе идет', *гъюрачухьна* 'к нам идет' и т. д.

Любопытное явление наблюдается в тех случаях, когда в предложении имеется одновременно определение при подлежащем и дополнение при глаголе-сказуемом (оба выражены личными местоимениями 1 и 2 лица):

1) глагол-сказуемое нейтрален к ним обоим: *Ич адаш учвугьна гъюра* 'Наш отец к вам идет';

2) глагол-сказуемое может координироваться с любым из них, в зависимости от того, который из этих второстепенных членов говорящий хочет подчеркнуть: *Ич адаш учвугьна гъюрайич* 'Наш отец к вам идет (наш)'; *Ич адаш учвугьна гъюрачвугьна* 'Наш отец к вам идет (к вам)';

3) если какой-нибудь из них опускается, то глагол-сказуемое указывает только на него, так как в противном случае искажается смысл предложения: *Адаш учвугьна гъюрайич* 'Отец к вам идет (наш)'; *Ич адаш гъюрачвугьна* 'Наш отец идет (к вам)'.

Аналогичное явление имеем и в тех случаях, когда в предложении подлежащее и дополнение оба выражены местоимениями 1 и 2 лица: *Узу увхъан хъадаркурза* 'Я от тебя отстану (я)'; *Узу увхъан хъадаркурзавухъан* 'Я от тебя отстану (я от тебя)'; *Узу хъадаркурзавухъан* 'Я отстану (я от тебя)'; 'Отстану (я от тебя)'.

www.alfons-servis.narod.ru

Как видно из примеров, глагол-сказуемое согласуется с подлежащим в классе и числе, лице и числе, а с дополнением в лице, числе и падеже (если глагольную форму с аффиксом падежного происхождения можно считать условно падежной). Подобные предложения могут быть в конечном счете выражены одним глаголом-сказуемым, который одновременно показывает лицо, совершающее действие, и лицо, на которое косвенно это действие переходит (*Хъадаркурзавухъан*).

В двусоставном личном предложении с непереходным глаголом-сказуемым последний вступает в своеобразные отношения также с дополнениями и обстоятельствами места, выраженными местными падежами имен существительных.

В приведенном выше предложении сказуемое *хъадаркурзавухъан* выражено реверсивным глаголом с превербом *хъ-*, употребляемым с исходным падежом местоимения *увхъан* с тем же показателем *-хъ* (IVсерия). С учетом сказанного, приведенная выше схема координации глагола-сказуемого с остальными членами выглядит еще сложнее, т. е. глагол-сказуемое (*хъадаркурзавухъан*) окажется скоординированным посредством преверба *хъ-* с дополнением (*увхъан*) и в отношении серии местного падежа, а также своей формой исходного значения с группой этого падежа (IV серия исходного падежа).

Таким образом, в двусоставном личном предложении с непереходным глаголом сказуемое вступает в очень сложные взаимоотношения с подлежащим и второстепенными членами предложения, особенно если они выражены личными (а также образованными от них притяжательными) местоимениями: оно стремится выразить в себе еще раз все то, что выражается подлежащим, а также второстепенными членами предложения в отношении класса, лица, и пространственных взаимоотношений между предметами.

Одним из разновидностей двусоставного личного предложения с непереходным глаголом-сказуемым следует считать и такие предложения, в которых в качестве сказуемого выступают глаголы-связки и вспомогательные глаголы непереходного значения *хьуб//шуб* 'быть', *хъюгъюб* 'начать' и др. Например: *Ич дада духтир вуйич* 'Наша мать доктор (есть)'; *Муса лап бицIир вуйи* 'Муса очень маленький был'; *Хюни хянаъ а* 'Корова в хлеву (находится)'; *Сусуг гъваин алийи* 'Каток на крыше находился'; *Хьадукра микIар шулу* 'Весной ветры бывают'; *Сяаьт либхуз хъюбгъну* 'Часы начали работать' и т. д.

Глагол-связка *ву* в подобных случаях не имеет своего лексического значения и выступает в составе составного сказуемого.

Координация составного сказуемого в таких предложениях с подлежащим, а также с дополнениями, обстоятельствами и определениями, выраженными личными местоимениями 1 и 2 лица, та же, что в обычном двусоставном личном предложении с непереходным глаголом. Разница здесь только в том, что эта координация осуществляется частично связкой (в лице, числе, падеже) и частично присвязочным членом в составном сказуемом (в классе, числе и т. д. в зависимости от того, какой частью речи он выражен). Например, в предложении *Узу начир вуза* 'Я стыдливый (есть)' с подлежащим связка координируется в лице и числе, а присвязочный член – в классе и числе.

Эргативная конструкция

При эргативной конструкции предложение является трехсоставным, так как оно состоит из трех главных членов предложения: подлежащего (эргативный падеж имени), объекта (именительный падеж имени) и сказуемого, выраженного глаголом переходного значения: *Адашди укI убшвура* 'Отец траву косит'; *Бабу ккурттар урччура* 'Бабушка рубашки стирает' и др.

Как видно из примеров, порядок слов в подобных предложениях несколько отличается от порядка слов в соответствующих русских предложениях: подлежащее стоит на первом месте, на втором – объект, на третьем – сказуемое. Указанный порядок слов в трехсоставном личном предложении с переходным глаголом является обычным для устной и письменной речи.

Подлежащее ставится перед сказуемым только в тех случаях, когда на него падает логическое ударение, например: *Зав дифари ккебкну* 'Небо тучами заволокло' (букв. 'Небо тучи заволокли'); *Нир мирккли гъибисну* 'Речку льдом сковало' (букв. 'Речку лед сковал') и т. д.

Тот факт, что объект в табасаранском предложении обычно стоит перед сказуемым, является весьма примечательным, если

www.alfons-servis.narod.ru

учесть то обстоятельство, что перед сказуемым всегда ставится то самое слово, которое в данном случае особенно подчеркивается.

Следовательно, в трехсоставном личном предложении с переходным глаголом-сказуемым в отношении логического ударения наиболее подчеркиваемым членом является объект.

Объект играет особую роль и в грамматическом оформлении предложения.

Глагол, сказуемое в трехсоставном личном предложении главным образом координируется с объектом. Координация эта выражается в классе и числе. Например: *Адашди хамхар дя-б-хюра* 'Отец балку пилит'; *Адашди хамхрар дя-р-хюра* 'Отец балки пилит'; *Бабу ккуртт б-ирхура* 'Бабушка платье шьет'; *Бабу ккурттар д-ирхура* 'Бабушка платья шьет'; *Хюрчабни люкь гъи-б-исну* 'Охотник орла поймал'; *Разведчикди душман гъи-д-исну* 'Разведчик врага задержал' и т. д.

Сказуемое в трехсоставном личном предложении координируется с подлежащим в лице, и числе, и то фактически в тех случаях, когда подлежащее выражено личными местоимениями 1 и 2 лица, например: Узу *гакIвлар гьадатIура-за* 'Я дрова колю'; *Уву гакIвлар гьадатIура-ва* 'Ты дрова колешь'; *Ухьу гакIвлар гьадатIура-хьа* 'Мы дрова колем' и т. д.

При анализе номинативной конструкции отмечалось тяготение непереходного глагола в табасаранском языке вступать помимо субъекта в своеобразные взаимоотношения и с второстепенными членами, выраженными личными местоимениями. В трехсоставном личном предложении с переходным глаголом сказуемое также может вступать в координацию с второстепенными членами предложения. Например: *Йиз адашди гакIвлар гьадатIура-йиз* 'Мой отец дрова колет (мой)'; *Адашди хьадну Аслан узугьна гьаун-зугьна* 'Отец летом Аслана ко мне послал (ко мне)' и т. д.

В трехсоставном личном предложении с переходным глаголом-сказуемым в тех случаях, когда объект выражен личными местоимениями 1 и 2 лица, сказуемое согласуется с ним также в лице и числе (помимо согласования в классе и числе посредством классных показателей). Ср.: *Ригъди жил абгура* 'Солнце землю греет'; *Ригъди узу аргура-зу* 'Солнце меня греет (меня)'; *Ригъди уву аргура-ву* 'Солнце тебя греет (тебя)'; *Ригъди ухьу аргурахьу* 'Солнце нас греет (нас)'.

Если в подобных случаях подлежащее также выражено личными местоимениями 1-го и 2-го лица, то сказуемое согласуется в лице и числе одновременно с подлежащим и объектом.

Уву узу агура-ва-зу 'Ты меня ищешь (меня)'; *Уву учу агура-ва-чу* 'Ты нас ищешь (нас)'; *Узу уву агура-за-ву* 'Я тебя ищу (тебя)'; *Узу учву агура-за-чву* 'Я вас ищу (вас)'; *Учу учву агура-ча-чву* 'Мы вас ищем (вас)'.

Таким образом, переходные глаголы в табасаранском языке получают своеобразное субъектно-объектное спряжение. Здесь следует отметить, что процесс перехода личных местоимений в личные окончания глагола объектного характера окончательно не завершен в табасаранском языке. Хотя формы *агуразаву, агурачачву* и др. наиболее употребительны, в языке встречаются и формы без вторых местоименных аффиксов, т. е. можно сказать *Узу уву агуразаву* 'Я тебя ищу (тебя)' и *Узу уву агураза* 'Я тебя ищу' и т. д.

Из всего сказанного явствует, что в трехсоставном личном предложении с переходным глаголом, сказуемым принципиальной разницы в координации сказуемого с подлежащим, с одной стороны, и с остальными членами предложения, с другой, нет. Как с одним, так и с другими координация глагола, сказуемого имеет место фактически в тех случаях, когда они выражаются личными местоимениями 1 и 2 лица, причем характер координации также идентичен в обоих случаях, и отличается от исконного классного согласования сказуемого с объектом (при переходных глаголах) или субъектом (при непереходных глаголах).

Как было отмечено, сказуемое в трехсоставном личном предложении с переходным глаголом, сказуемым согласуется с объектом так же, как оно согласуется с подлежащим в двусоставном личном предложении. Здесь, однако, следует сделать несколько замечаний.

Непереходные глаголы, сказуемые согласуются с подлежащим в классе и числе посредством классных показателей *б, р*, которые всегда вклиниваются в основу глагола инфиксально. То же самое имеет место и при согласовании с объектом

www.alfons-servis.narod.ru

сказуемого, выраженного переходным глаголом (см. приведенные выше примеры). Однако в ряде переходных глаголов классные показатели выступают префиксально, причем классному показателю *р* при этом соответствует *д* (*бикIуб – дикIуб* 'писать', *бисуб – дисуб* 'ловить', *биржуб – диржуб* 'гнуть', *бюхюб – дюхюб* 'собирать' и т. д.). Например: *Аьлди жакьв бисура* 'Али птицу ловит'; *Аьлди Жалил дисура* 'Али Джалил ловит'; *Байрамди кагъаз бикIура* 'Байрам письмо пишет'; *Байрамди нагъзар дикIура* 'Байрам письма пишет' и т. д.

Ряд переходных глаголов изменяется по классам и числам архаическими способами: *инIуб – инIуб* 'кушать', *анIуб – ауб* 'вогнать' и т. д.

Как было отмечено, непереходные глаголы имеют личные формы с исходом на *а* и *у* (*ахураза – ахуразу* 'засыпаю', *ахурава – ахураву* 'засыпаешь' и т. п.), из которых в настоящее время в литературном языке наиболее употребительны первые, хотя логически должны были закрепиться вторые (первые связаны с еще неоформившейся формой эргативного падежа личных местоимений, вторые – с формой именительного падежа).

Переходные глаголы также имеют обе эти формы, однако здесь их употребление не факультативно. Употребление той или иной формы здесь уже зависит от содержания высказывания, так как рассматриваемые формы с точки зрения выражения субъектно-объектных отношений противоположны друг другу по своему значению. Ср.: *Узу урччвураза* 'Я избиваю (кого, то)'; *Узу урччвуразу* 'Меня избивает (кто-то)'; *Уву йикIурава* 'Ты убиваешь (кого, то)'; *Уву йикIураву* 'Тебя убивает (кто, то)' и т. д.

Как видно из примеров, личные глагольные формы с а показывают действие, совершаемое субъектом и переходящее на какой, нибудь объект (*Узу думу урччвураза* 'Я избиваю его'; *Уву думу урччвурава* 'Ты избиваешь его' и т. д.). При этом в предложении субъект должен выражаться личным местоимением в 1 или 2 лице. Формы с *у* обозначают те же взаимоотношения между субъектом и объектом с той разницей, что теперь объект должен быть выражен местоимением в или 2 лице (*Дадайи узу урччвуразу* 'Мать меня избивает'; *Дадайи уву урччвураву* 'Мать тебя избивает').

Здесь мы имеем случай, когда глагол, сказуемое согласуется только с одним из главных членов (подлежащим или объектом),

стоящим в 1 или 2 лице, в то время как другой из них стоит в 3 лице. Стоит поставить их обоих в 1 или 2 лице, как мы придем к формам субъектно-объектных взаимоотношений, о чем было сказано выше (*Узу уву урччвуразаву* 'Я тебя избиваю (тебя)'; *Уву узу урччвуравазу* 'Ты меня избиваешь (меня)' и т. д.). Непереходные глаголы не могут иметь такого противопоставления в силу отсутствия в предложении объекта.

Характерно, что в связи с образованием указанных выше форм глагола с личными окончаниями *а* и *у*, некоторые глаголы переходно-непереходного значения в контексте, начинают дифференцироваться по значению. Ср.: *йикIуб* 'убивать' — 'умирать' – *йикIураза* 'убиваю', *йикIуразу* 'умираю'; *ургуб* 'сжигать' – 'гореть' – *ургураза* 'сжигаю', *ургуразу* 'горю' и т. д. По аналогии с этим имеется тенденция и к трансформации некоторых непереходных глаголов в непереходно, переходные.

Ср.: *Узу жаргъураза — жаргъуразу* 'Я бегаю' – *Узу дай жабгъураза* 'Я жеребенка гоняю' и др.

Наряду с описанными выше двумя основными конструкциями предложения, в табасаранском языке имеются следующие сравнительно редкие употребительные конструкции:

1) дативная (субъект при глаголах чувствования и восприятия ставится в дательном падеже): *Жанавриз гъюр гъябкъну* 'Лиса увидела зайца'; *Бализ урхуз ккунди айи* 'Парень хотел учиться' и др. ;

2) генитивная (субъект при некоторых глаголах ставится в родительном падеже): *Балин шур'ин юкIв улубкьну* 'Парень влюбился в девушку'; *Сунайин хьур бай а* 'Суна имеет пятерых сыновей' и др. ;

3) локативная (субъект при отдельных глаголах ставится в местном падеже): *Сулгьан гъюр бисуз гъахьундар* 'Лиса не смогла поймать зайца'; *Ув'ан му ляхин удубкьидар* 'Ты не справишься с этой работой' и т. д.

4) безличная конструкция (в предложении наличествует только один главный член – сказуемое). В них нет выделения субъекта и объекта действия, а имеет место только выражение определенного явления и состояния, например: *Хулаъ маниди ву* 'В комнате жарко'; *ЧIат амсиди ву* 'На дворе пасмурно'; *Сивариъ сирин шулу* 'В горах прохладно бывает' и т. д.

www.alfons-servis.narod.ru

ОСЛОЖНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В табасаранском языке, как и в других дагестанских языках, имеются предложения с причастными и масдарными оборотами, в составе которых выступает логический субъект. Одни исследователи, приравнивая их к придаточным предложениям, считают предложения с этими оборотами сложными предложениями, другие же относят данные обороты к распространенным членам простого предложения.

В табасаранском языке причастные и масдарные обороты с логическим субъектом принято считать развернутыми членами предложения (в отличие от распространенных членов предложения без логического субъекта в их составе), а предложения с ними – осложненными предложениями, представляющими собой переходный этап от простого предложения к сложному.

Указанные обороты не считаются придаточными предложениями потому, что они не обладают достаточной для этого смысловой и интонационной самостоятельностью, а наличие или же отсутствие логического субъекта не влияет на характер координации их с другими членами предложения. Кроме того, в них нет тех союзов и других средств союзного значения, посредством которых в табасаранском языке придаточные предложения присоединяются к главному предложению.

Развернутыми могут быть различные члены предложения.

Развернутое подлежащее выражается масдарными оборотами: *Чве эскервалиан гъюбу чи гизаф шад гъапIну* 'Возвращение брата из армии сестру очень обрадовало'; *Хьадукра булди мархьар ургъбу тумар урзбан ляхниз энгелвал гъапIну* 'Обильное выпадение дождей задержало посевную кампанию' и т. д.

В подобных предложениях подлежащими принято считать не только сами масдарные формы (*гъюбу* 'возвращение', *ургъбу* 'выпадение'), а образуемые им обороты в целом, включая и находящиеся в их составе логические субъекты (*чве* 'брат', *мархьар* 'дожди').

Аналогичные масдарные обороты в других случаях выступают также в роли развернутых дополнений, объектов и именных частей составного сказуемого, например: *Чве эскервалиан гъюб'ин чи гизаф шад гъахьну* 'Возвращению (букв. 'над возвращением') брата из армии сестра очень обрадовалась' (развернутое дополнение), *Чуччуз чве эскервалиан гьюб гизаф хуш гъабхьну* 'Сестре возвращение брата из армии очень приятным стало' (развернутый объект). *Бабан вартIан тамарзу мурад бай эскервалиан гъюб вуйи* 'Самое сокровенное желание матери возвращение из армии сына было' (развернутое сказуемое) и т. д.

Развернутое определение выражается причастным оборотом с логическим субъектом, например: *Абайи гъабхи хумурзаг бали гьадабтIну* 'Отцом принесенный арбуз сын разрезал', *Бабу гъубху халачи халуйиз багъиш гъапIунча* 'Матерью сотканный ковер мы подарили дяде' и т. д.

Для масдарных и причастных оборотов, образующих развернутые члены предложения, характерно то, что от наличия или отсутствия в них логического субъекта в структуре этих оборотов и характере синтаксических связей никаких изменений не происходит: ср. *Накь гъубкку пеъ чагъиб вуйи* 'Вчера зарезанная курица жирная была' (распространенное определение) – *Абайи накь гъубкку пеъ чагъиб вуйи* 'Вчера отцом зарезанная курица жирная была' (развернутое определение).

Здесь в обоих оборотах причастие согласуется в классе и числе с определяемым словом – подлежащим *пеъ* 'курица' и вообще никаких структурных изменений в обороте от включения в него логического субъекта не произошло.

Совсем иначе обстоит дело, когда в предложении имеется деепричастный оборот с логическим субъектом. В предложении *Хюни, хян'ан удубчIвну, ниризди гъубшну* 'Корова, выйдя со двора, направилась к реке' действия, выражаемые глаголам-сказуемым *гъубшну* 'направилась' и деепричастия *удубчIвну* 'выйдя', относятся к одному и тому же подлежащему *хюни* 'корова' и поэтому оба согласуются с ним. А если мы возьмем предложение с деепричастным оборотом, в составе которого имеется собственный логический субъект, то характер согласования будет другой, например: *Хьадукар улубкьну, йигъар мани гъахьну* 'Наступила весна, и дни стали теплее' (букв. 'Весна наступивши, дни стали теплее'). Здесь деепричастие *улубкьну* 'наступивши' относится к субъекту *хьадукар* 'весна', а сказуемое *мани гъахьну* 'стали теплее' к подлежащему *йигъар* 'дни'. Подобные деепричастные обороты в отличие от масдарных и причастных оборотов в смысловом и интонационном отношении

www.alfons-servis.narod.ru

более самостоятельны и поэтому они рассматриваются как один из видов придаточных предложений.

К осложненным предложениям, хотя и несколько иного рода, можно отнести также предложения, отягощенные обращениями, вводными словами и предложениями, однородными членами предложения, обособляемыми членами предложения.

Сложное предложение

В табасаранском языке в зависимости от того, в каких связях находятся части, входящие в состав сложного предложения, последние делятся на две основные группы: сложносочиненные и сложноподчиненные. В сложносочиненных предложениях составляющие их части соединяются между собой сочинительной связью (сочинительными союзами), а в сложноподчиненных – подчинительной связью (подчинительные союзы, а тавже союзные слова и отдельные глагольные формы с аффиксами подчинительного значения).

Сложносочиненное предложение

В зависимости от характера смысловых отношений между частями сложного предложения, а также в соответствии с семантическими группами союзов сложносочиненные предложения делятся на предложения с соединительным, противительным и разделительным значением.

В сложносочиненных предложениях, с соединительным значением их части соединяются между собой союзами *ва* 'и', *-ра... -ра, гьам... гьам* (*гьамсана*) 'и... и' (ни... ни), например: *Нирин гъирагьдихъ хъайи гъарзукк аьхю хьар ккайи, ва баяри душваъ чпиз мархьлихьан далда даплнайи* 'На берегу реки под скалой находилась большая пещера, и дети там устроили для себя укрытие от дождя'; *Абара кетlерццна, бабанра кефйир адар* 'И отец заболел, и бабушке нездоровится'; *Гьам уста учв гъафундар, гьам дугъу чан шагурд гъаундар* 'Ни мастер сам не пришел, ни он своего подмастерья не послал' и др.

Характерно, что союз *ва* может встречаться и одновременно с союзами *-ра* и *гьам*. При этом союз *ва* выступает в роли соединительного союза, а союзы *-ра* и *гьам* в качестве

усилительных, например: *Завар гъарахну, ва мархьра убгъуз хъюбгъну* 'Загремел гром, и дождь пошел'; *Мучlу гъабхьну, ва гьам гьавйирра аькъю гъахьну* 'Стемнело, и погода прохладнее стала' и т. д.

Что же касается степени употребительности соединительных союзов, то здесь можно отметить следующую тенденцию: 1) в сложносочиненных предложениях, состоящих из двух частей, преимущественно употребителен союз *ва*; 2) в сложносочиненных предложениях открытой структуры, особенно с усилительным значением, употребителен союз *-ра*; 3) сфера употребления союза *гьам* гораздо уже, чем сфера употребления союзов *ва* и *-ра* (в сложносочиненном предложении он встречается очень редко).

Необходимо отметить, что в табасаранском языке (не без влияния русского языка) в сложносочиненном предложении в качестве соединительных союзов выступают и такие сложные союзы, как *ялгъуз... хъа гьаци... ра* 'не только... но и', *... си ... ра* 'как..., так' и др. , например: *Ялгъуз думу гъилихундар, хъа гьаци узура душваъ шубуд йигъди зегьмет гъизигунза* 'Не только он поработал, но и я там три дня трудился'; *Дугъу узуз уж'вал гъаплси, узура дугъаз узхьан шлу кюмекар гъаплунза* 'Как он мне добро сделал, так и я ему посильную помощь оказал' и т. д. Однако такие сложные союзы обычно встречаются и в переводной литературе и особой роли в сложносочиненном предложении не играют.

В сложносочиненных предложениях с противительным значением их части соединяются союзами *хъа (кlуруш)* 'а', *амма (анжагъ)* 'но', например: *Узу хулаз гъушунза, хъа учву гъаплунчва?* 'Я домой пошел, а вы что сделали?'; *Учу дугъаз гизаф ккарагнийча, амма думу учухъ хъпехъундар* 'Мы его долго умоляли, но он нас не послушался'.

В сложносочиненном предложении с противительным значением в роли союза *хъа* иногда выступает форма условного наклонения от глагола *кlуб//пуб* 'говорить' – *кlуруш* 'если говорить'. В таких случаях эта форма теряет свое лексическое значение и переводится на русский язык как 'что касается', 'же'. Например, ср. *Жюлгар чуччухъ хьайи, хъа чи мегьел ачlлиан хулаз дуфнадайи* 'Ключи у сестры находились, а сестра пока что с прополки домой не вернулась' – *Жюлгар чуччухъ хьайи, чи*

www.alfons-servis.narod.ru

кIуруш мегьел ачIлиан хулаз дуфнадайи 'Ключи у сестры находились, сестра же пока что с прополки домой не вернулась' и др.

Как видно из примеров, *кIуруш*, подобно соединительному союзу *-ра*, стоит не между частями сложносочиненного предложения, а находится внутри второй части, после одного из его членов. Разница здесь в том, что *-ра* пишется слитно с тем словом, после которого он идет, а *кIуруш*, хотя и утрачивает свое лексическое значение, сохраняет свою самостоятельность как слово. По своему значению *кIуруш* в сложном предложении занимает как бы промежуточное положение между противительным союзом и усилительной частицей «же».

Здесь необходимо отметить, что в значении противительного союза в табасаранском языке выступает форма условного наклонения еще от одного глагола – от глагола *дархьуб//даршуб* 'не быть'. Форма условного наклонения от этого глагола – *даршиш*, которая выступает в несколько видоизмененном виде – *дарш*, имеет в сложносочиненном предложении значение русского союза 'а то' или же 'в противном случае', например: *Раккин хъебхь, дарш хулаз къай гъюра* 'Прикрой дверь, а то в комнату холод идет'; *Сикинди гъуз, дарш хул'ан утIурккидизаву* 'Веди себя смирно, а то я тебя из дома выведу' и т. д.

Как видно из примеров, предложения с *дарш* имеют значение противопоставления с оттенком условности. Здесь мы имеем дело с одним из этапов развития сложного предложения в табасаранском языке, в котором отдельные формы слов, теряя свое лексическое значение, превращаются в союзы и начинают функционировать в сложном предложении для соединения его частей.

Части сложносочиненных предложений с разделительным значением соединяются союзами *гагь... гагь* 'то... то', *я... я* 'или... или', например: *Гагь амси шуйи, гагь хъанара ригъ апIуйи* 'То становилось пасмурно, то снова выглядывало солнце'; *Дина я уву гъарах, я узу гъягъюрза* 'Туда или ты поезжай, или я поеду' и др.

Союз я, как и некоторые другие рассмотренные нами союзы, при повторении часто выступает с усилительной частицей *-сана* 'же' (*я... ясана*). Кроме того, в сложносочиненных предложениях с союзом *я... я* одновременно может выступать и

соединительный союз ва 'и', который как в произношении, так и на письме сливается со второй частью повторяющегося союза *я... я* (*я... вая*), например: *Уву я хулаъ деъ, вая же уву гьяятдиъ баярихъди тамшир апIин* 'Ты или посиди дома, или же сам играй во дворе с ребятами' и др.

Противительные союзы *гагь... гагь* и *я... я* образуют сложносочиненные предложения открытой структуры, которые могут состоять не только из двух, но и из нескольких частей. Однако практически они, как правило, состоят из двух частей. Другой структурной особенностью этих предложений является то, что повторяющиеся в их частях отдельные слова в одной из них опускаются, например: *Гагь аьхъю шула, гагь – мани* 'То холодно становится, то жарко'; *Я Агьмад хулаъ гъузри, я – уву* 'Или Ахмед пусть дома останется, или ты' и др. Впрочем это имеет место в сложносочиненных предложениях и с другими сочинительными союзами.

В связи с этим возникает вопрос о степени предикативности отдельных единиц, составляющих части сложносочиненного предложения. Возьмем, например, предложение *Гъулаз Аьлира кьанди хъуркьну, Мирзара* 'В аул и Али поздно доехал, и Мирза'. В этом предложении ввиду того, что все члены в обеих частях, кроме подлежащих, являются общими, во второй части осталось только подлежащее с союзом *-ра*. В данном случае это предложение очень близко к простому предложению с однородными подлежащими, соединенному между собой повторяющимся усилительным союзом *-ра*: *Гъулаз Аьлира, Мирзара кьанди хъуркьну* 'В аул и Али, и Мирза (как Али, так и Мирза) поздно доехали'. Правда, они отличаются друг от друга в отношении порядка расположения слов и интонации предложения. Тем не менее на практике их очень трудно противопоставлять друг другу как простое и как сложное предложения, тем более что пропуск остальных членов на письме не отражается в виде тире, как в других случаях. Поэтому, когда неполная вторая часть сложного предложения состоит из одного подлежащего, целесообразно рассматривать это предложение как простое предложение с однородными подлежащими при одном и том же сказуемом. При этом мы имеем в виду практическую, а не научную сторону данного вопроса. В чисто теоретическом плане такая степень неполноты, как и другие ее виды, должна рассматриваться как

www.alfons-servis.narod.ru

характерная особенность сложного предложения определенной структуры.

Другой вопрос, на котором следует остановиться, также связан с неполнотой предикативных единиц, образующих сложносочиненное предложение. В сложносочиненном предложении во второй части в качестве подлежащего часто выступают личные местоимения третьего лица, которые замещают собою подлежащее первой части. Обычно это имеет место в тех случаях, когда глаголы-сказуемые этих частей различаются по признаку переходности/непереходности, например: *Чархачи жаргъури гъулаз гъафи, ва дугъу гъуландариз саб цIийи хабар мялум гъапIу* 'Гонец прибежал в аул, и он аульчанам сообщил одну весть'. В таких случаях падежи существительного и местоимения не совпадают друг с другом: при непереходном глаголе-сказуемом подлежащее стоит в именительном падеже (*чархачи гъафи* 'гонец прибежал'), а при переходном – в эргативном (*дугъу мялум гъапIну* 'он сообщил').

Однако как в устной, так и в письменной речи очень часто местоимение во второй части опускается и появляются предложения типа *Чархачи жаргъури гъулаз гъафи ва гъуландариз саб цIийи хабар мялум гъапIну* 'Гонец прибежал в аул и сообщил аульчанам одну весть'. В русском языке такие предложения рассматриваются как простые предложения с однородными сказуемыми. В табасаранском языке пропуск подлежащего, выраженного местоимением в другом падеже, во второй части является отступлением от нормы языка.

Сложноподчиненное предложение

Разграничение сложноподчиненных предложений в табасаранском языке строится на структурно-семантической классификации, в основе которой лежит деление всех сложноподчиненных предложений на два типа – на расчлененный и нерасчлененный. В предложениях первого типа придаточная часть соотносится со всей главной частью в целом, а в предложениях второго типа – к одному слову в ней, дополняя, развивая и конкретизируя его. При этом особое значение придается тому различию в средствах связи, которое обнаруживается между предложениями расчлененного и

нерасчлененного типов (в первых главная и придаточная части связываются посредством семантических союзов, во вторых – посредством синтаксических союзов и анафорических местоимений), так как это различие в средствах связи обуславливает и структурные различия между ними (в первом случае оформление придаточных частей посредством семантических союзов делает возможным их функционирование в качестве отдельных коммуникативных единиц, а во втором – оформление их посредством синтаксических союзов делает такое функционирование невозможным).

Сложноподчиненные предложения нерасчлененного типа

Среди сложноподчиненных предложений нерасчлененного типа, в которых придаточная часть относится не ко всей главной части в целом, а к отдельному слову, в табасаранском языке следует выделить два основных их вида: соотносительные и изъяснительные предложения.

Соотносительное сложноподчиненное предложение в табасаранском языке имеет свою специфическую структуру, а именно: придаточная часть посредством относительных местоимений или вопросительных наречий соотносится непосредственно с одним из членов в главной части предложения, который выражается указательным местоимением или наречием. Например: *Шли чан ляхин ухди ккудубкIиш, гьадгъу юлдшариз кюмек дапIну ккунду* 'Кто быстрее завершит свою работу, тот должен помочь товарищам'; *Фуж ватандиз вафалу вуш, дугъаз халкьди гьарган гьюрмат апIур* 'Кто предан родине, того народ всегда будет уважать'; *Аслан чан хюрч'ина фици алабхьуруш, игит аждагьайиина гьаци тепелмиш гъахьи* 'Герой так набросился на чудовище, как лев кидается на свою добычу' и др.

Относительные местоимения и вопросительные наречия в придаточной части и указательные местоимения и наречия в главной части соотносительного сложноподчиненного предложения выполняют роль как бы сложных союзов, которые служат для соединения придаточных и главных частей между собою.

Сама форма выражения соотнесенных членов (местоимения, наречия без конкретного значения) в придаточной и главных частях суживает сферу употребления соотносительных сложноподчиненных предложений в табасаранском языке. В главной

www.alfons-servis.narod.ru

части этот член выражен не полноценным, а служебным синсемантическим словом. Он только намечает синтаксическое место для описательного обозначения, которое содержится в придаточной части, и синсемантическое соотносительное слово главной части таким образом наполняется определенным содержанием. Но содержание это опять-таки является обобщенным, так как соотносительное союзное слово в придаточной части выступая в роли того или иного его члена, не является в смысловом отношении самостоятельным словом. Поэтому соотносительные сложноподчиненные предложения носят обобщающий характер и встречаются обычно в определенных сферах книжной речи.

В разговорной речи соотносительные сложноподчиненные предложения обычно заменяются простыми предложениями, которые выражают то же самое значение, например, ср. *Фуж ухди гъудужвиш, гьадгъу унчIв тIапIри* 'Кто раньше встанет, тот пусть окно откроет' - *Ухди гъудужвури унчIв тIапIри* 'Раньше вставший пусть окно и откроет'.

Изъяснительные сложноподчиненные предложения, в отличие от соотносительных, характеризуются тем, что в них придаточная часть всегда относится к сказуемому главной части, которое она разъясняет и дополняет. В структурном отношении они отличаются тем, что их структура не носит такой ярко выраженный характер, как структура соотносительных предложений. В главной и придаточной частях изъяснительного сложноподчиненного предложения нет обязательного взаимодействия соотносительных слов. Придаточная часть в них выражает не определительные, а дополнительные отношения.

В структурном отношении изъяснительные сложноподчиненные предложения не однородны, и способы соединения в них придаточных частей с главными разнообразны. Вот основные из них:

1. Придаточная часть соединяется с главной посредством союза *-ки* 'что', который выступает с глаголом-сказуемым главной части предложения (пишется с ним слитно). Например: *Шофери гъапнийики, чахьан машин гьубкьу йишв'ин дебкку шулдар* 'Шофер сказал, что он не может останавливать машину где попало'; *Вардиз аьгъяки, гъютIрахьим зарар кайи нахшир дар* 'Все знают, что еж не вредное животное' и др.

2. Придаточная часть соединяется с главной посредством союзных слов *кIури, дупну (пну)*. Например: *Гъуландариз, чпигьна артистар дуфна пну, гъеебхьу* 'Аульчане услышали, что к ним артисты приехали'; *Бали, якьин багаригь саб шагьур вая гъул гьашул пну, фикир гъапIу* 'Юноша подумал, что где-то поблизости обязательно город или село должны быть'; *Гъулаз, гал'ан марччар дагъдиз хъаъра дупну, хабар гъафнийи* 'В аул пришла весть, что овцы с плоскости в горы перегоняются' и др.

3. Придаточная часть соединяется с главной посредством сказуемого придаточного предложения, выраженного формой условного наклонения глагола. Например: *Бализ, му риш гьапIрур вуш, аьгъю апIуз ккун гъабши* 'Юноше захотелось знать, что это за девушка'; *Шуру балгьан, думу наана гъягъюрайир вуш, гъерхну* 'Девушка спросила у парня, куда он идет' и др.

Нетрудно догадаться, что придаточная часть изъяснительных предложений с основными словами *кIури, дупну (пну)*, а также частично с союзом *-ки* не что иное как косвенная речь, трансформированная ими в придаточную часть предложения. Впрочем, и без этих слов косвенная речь превращается в придаточную часть предложения, т. е. хотя придаточные части изъяснительных сложноподчиненных предложений обычно и сопровождаются словами *кIури, дупну (пну)*, они иногда могут выступать и без них. Ср. *Радиойиан, гъи йиф убгъиди кIури, хабар гъапIну* 'По радио сообщили, что сегодня выпадет снег'; *Радиойиан хабар гъапIнуки, гъи йиф убгъиди* 'По радио сообщили, что сегодня снег выпадет' – *Радиойиан, гъи йиф убгъиди, гъапну* 'По радио, сегодня выпадет снег, сказали' и др.

Придаточные части изъяснительных сложноподчиненных предложений, соединяемые с главной посредством условной формы глагола-сказуемого придаточного предложения, восходят к случаю, когда прямая речь, выраженная вопросительным предложением, заменяется косвенной, и при этой замене глагол-сказуемое ставится в условном наклонении.

Сложноподчиненные предложения расчлененного типа

Среди сложноподчиненных предложений расчлененного типа, в которых придаточная часть относится не к отдельному слову, а

www.alfons-servis.narod.ru

ко всей главной части в целом, в зависимости от смысловых взаимоотношений между частями предложения, а также в зависимости от средств связи между ними в табасаранском языке следует выделить сложноподчиненные предложения времени, причины, цели, следствия, сравнительные, условные и уступительные.

В сложноподчиненных предложениях времени придаточная часть присоединяется к главной при помощи глагольгых форм с временными аффиксами *-ган, -хъан, -митIла* и др.: *Адаш хулаъ учIвиган, баяр дишлади ликри гъудужву* 'Когда в комнату зашел отец, сыновья тотчас вскочили на ноги'; *Сумчир алдабгъхъан, ялхъвнар дарапIуб* 'После того, как свадьба кончилась, не танцуют' и др.

В сложноподчиненных предложениях причины придаточная часть присоединяется к главной посредством союзов *гьаз гъапиш* 'потому что', *фицики* 'так как' и др.: *Хулар дивну ккудукIнадайи, гьаз гъапиш гъванар гьуркIундайи* 'Дом остался недостроенным, потому что не хватило камня'; *Риш гъи хул'ан удучIвундар, фицики закур дугъу имтигьян тувну ккундийи* 'Девушка сегодня не вышла из дому, так как ей завтра предстоит сдать экзамен' и др.

В сложноподчиненных предложениях цели придаточная часть присоединяется к главной посредством союзных слов *дупну, кIури* 'чтобы' и др.: *Шураз аьхъю дарибшри дупну, бабу дугъ'ин леэф илипу* 'Чтобы девочке не было холодно, бабушка накинула на нее одеяло'; *Йикк пуч дарибшри кIури, Минайи думу гъавурмиш гъапIу* 'Чтобы мясо не попортилось, Мина поджарила его в масле' и т. д.

В сложноподчиненных предложениях следствия придаточная часть соединяется с главной при помощи союза *-ки* 'что' и союзных слов *гъаддиз* 'поэтому', *гьаддиз лигну* 'так что' и др.: *Табшуругъ гьадмукьан гъагъиб вуйики, думу шилгьан вушра тамам апIуз шлуб дайи* 'Задание было такое сложное, что не каждый мог его выполнить'; *ЧIат пис къай айи, гьаддиз игну юлчйир му гъулаъ йишв адапIбакк ккуркьу* 'На дворе было очень морозно, поэтому путники решили остаться в этом селении на ночлег' и др.

В сравнительных сложноподчиненных предложениях придаточная часть присоединяется к главной части глагольными

формами с сравнительным аффиксом -си 'как' и созных слов *хиял апIин* 'словно', *кIарва* 'будто' и др.: *Гьамци хъана, нириъди шид гъябгъруси, саб ваз хъана гъубшу* 'Таким образом опять, как по реке вода идет, прошел еще месяц'; *Булагъдиин сар риш дийигънайи, кIарва му кабхьнайи чирагъ ву* 'Над родником стояла девушка, словно это горящий факел был' и др.

В условных сложноподчиненных предложениях придаточная часть присоединяется к главной посредством условной формы глагола-сказуемого придаточной части обычно в сочетании с союзами эгер, нагагь 'если': *Мархь гъубгъиш, ухьгьан рякъюъ учIвуз хьидар* 'Если пойдет дождь, мы не сможем тронуться в путь'; *Эгер (нагагь) мажал гъабхьиш, хябяхъган учугьна гъач* 'Если будет время, вечером зайди к нам' и др.

В уступительных сложноподчиненных предложениях придаточная часть соединяется с главной посредством уступительной формы глагола (сказуемого придаточной части), которая образуется регулярно от условной формы глагола посредством приставления к ней усилительной частицы *-ра* (*гъафнуш* 'если пришел' – *гъафнушра* 'хотя и пришел' и др.): *Хьадукар улубкьнашра, гьавйир бегьем мани дуIхьнадар* 'Хотя весна и наступила, погода пока прохладная' и др.

Схематически структурно-семантическая классификация сложноподчиненных предложений в табасаранском языке выглядит следующим образом:

Сложноподчиненные предложения:

Нерасчлененные (в которых придаточная часть распространяет слово или словосочетание в главной части)

- соотносительные
- изъяснительные

Расчлененные (в которых придаточная часть распространяет главную часть в целом)

- времени
- причины
- цели
- следствия
- сравнительные
- условные
- уступительные

www.alfons-servis.narod.ru

Бессоюзное предложение

В табасаранском языке бессоюзное сложное предложение не получило особого развития, и его значение в языке не очень велико.

Проследить в устной разговорной речи бессоюзные сложные предложения невозможно, так как в ней границы между предложениями не поддаются определению. В записанных материалах бессоюзные сложные предложения встречаются в малых фольклорных жанрах (обычно в пословицах, поговорках, загадках). Например: *Аьхю гафар кIулиз бала, чIилли лаваш фуниз бала* 'Громкие слова – для головы беда, тонкая лепешка – для живота беда'; *Жвуву гъапIуб кIваз рягьят, жарари гъапIуб хилариз рягьят* 'Самим сделанное – для сердца облегчение, чужим сделанное – для рук облегчение'; *Гашунвали хул'ан утIуккуру, гъяцIлишну – хулаз* 'Голод из дома гонит, нагота – домой' и т. д.

Как видно из примеров, такие бессоюзные предложения заключают в себе сопоставление двух явлений, причем оба простых предложения, входящие в состав сложного предложения, строятся по принципу синтаксического параллелизма. Кроме того, в них имеются элементы поэтической речи: рифмовка, аллитерация, повторы. В тех случаях, когда в качестве сказуемого в обоих предложениях выступает одно и то же слово, иногда во втором предложении оно опускается (вместо него ставится тире). Кстати, заметим, что в подобных предложениях в составах сказуемых обоих предложений связки опускаются, что является очень редким явлением в табасаранском языке, например: *Аьхю гафар кIулиз бала, чIилли лаваш фуниз бала // Аьхю гафар кIулиз бала ву, чIилли лаваш фуниз бала ву* 'Громкие слова для головы беда (суть), тонкая лепешка для живота беда (есть)' и т. д.

В литературном языке бессоюзные сложные предложения преимущественно встречаются в поэтической речи. В размеренной прозаической речи бессоюзные сложные предложения встречаются сравнительно реже. Наиболее часто встречающийся тип бессоюзного сложного предложения в художественной литературе – сложные предложения, которые равняются простой сумме простых предложений, объединенных в сложное

как бы по субъективному восприятию явлений тем или иным автором. При этом следует заметить, что связь между простыми предложениями внутри подобных бессоюзных сложных предложений довольно непрочная, так как очень часто без ущерба содержанию высказывания такие бессоюзные сложные предложения можно разбить на два или несколько составляющих их простых предложений, например: *Хьадукар ву, ламвал адар, набататар, лиг, ургура* 'Весна уже, влаги нет, растения, гляди, сохнут' – *Хьадукар ву. Ламвал адар. Набататар, лиг, ургура* 'Весна уже. Влаги нет. Растения, гляди, сохнут' и т. д.

Тем не менее, становление бессоюзного сложного предложения, как самостоятельного вида предложения, является очевидным и в литературном языке, так как в нем под влиянием переводной с русского языка литературы можно встретить и некоторые другие виды бессоюзных предложений, остановиться на которых (так же, как и на сложных предложениях смешанного типа, предложениях с прямой и косвенной речью и др.) нам не позволяет ограниченный объем очерка.

Основные правила пунктуации

В табасаранском языке употребляются те же знаки препинания, что и в русском языке: точка, вопросительный знак, восклицательный знак, запятая, точка с запятой, двоеточие, тире, скобки, кавычки, и многоточие.

Точка ставится:

1) в конце повествовательного предложения, 2) в конце высказанного с умеренной интонацией повелительного предложения.

Вопросительный знак ставится:

1) в конце вопросительного предложения, 2) при обращении с вопросом.

Восклицательный знак ставится:

1) в конце восклицательного предложения, 2) в конце повелительного предложения, 3) при обращениях с восклицанием, 4) при междометиях.

Запятая ставится:

1) при однородных членах предложения, 2) при обособленных членах предложения, 3) при обращениях, 4) при вводных словах

www.alfons-servis.narod.ru

и предложениях, 5) при междометиях, 6) для выделения простых предложений в составе сложного предложения.

Точка с запятой ставится:

1) в сложных предложениях с несколькими придаточными предложениями.

Двоеточие ставится:

1) после обобщающего слова при однородных членах предложения, 2) в бессоюзном сложном предложении перед предложением, содержащим обобщающее слово, 3) при прямой речи и цитатах.

Тире ставится:

1) между подлежащим и сказуемым при отсутствии связки, 2) перед обобщающим словом, стоящим после однородных членов предложения, 3) при приложениях, 4) в бессоюзном сложном предложении, 5) при прямой речи и диалоге.

Скобки ставятся:

для выделения вводных предложений.

Кавычки ставятся:

1) при прямой речи, 2) при цитатах.

Многоточие ставится при разрыве и недосказанности мысли.

ЛЕКСИКА

ОДНИМ из важнейших путей развития словарного состава табасаранского языка, как и других языков, является изменение значения слова, которое возникает с развитием общества и наряду со словообразованием и заимствованием удовлетворяет его потребность в новых словах.

Основные слои лексики табасаранского языка

Исконная лексика

Основной лексический фонд табасаранского языка образуют исконно табасаранские слова, значительная часть которых генетически восходит к общедагестанской или общелезгинской лексике. Это демонстрируется достаточно большим количеством словарных сопоставлений, относящихся прежде всего к общелезгинскому хронологическому уровню:

КОЗЕЛ: таб. *кьун*, лезг. *кьун*, агул. *кьун*, рут. *кьын*, цах. *кьына*, арч. *кьон*.

КУНИЦА: таб. *цIурцIул*, лезг. *цIуцIул*, агул. *цIуцIул*, арч. *цIуцIул*, цах. *сюлецIма*, рут. *сырыцIал*.

ОЛЕНЬ: *таб. мирш*, лезг. *мирг*, агул. *мурхь*, крыз. *миреъ*, рут. *михь*, удин. *мукъ*.

КОРОВА: таб. *хюни*, агул. *хуни*, арч. *хоIн*, крыз. *хIаьни* 'бык, вол', буд. *хIани* 'бык, вол'.

ОРЕЛ: лезг. *лекь*, таб. *люкь*, агул. *лаьъ*, рут. *лиIкь*, арч. *ликь*.

ЛЯГУШКА: таб. *гъюб*, лезг. *къиб*, агул. *къарка-г'Iуб*, рут. *гъIыб*, крыз. *къуб*.

КУРОПАТКА: лезг. *къвед*, таб. *гъюд*, агул. (тпиг.) *гIуд*, рут. *гъуIд*, цах. *къоIн*, арч. *хъоIн*.

www.alfons-servis.narod.ru

РОГ: лезг. *карч*, таб. *кIарч*, агул. *кIарч*, рут. *кач*, цах. *гач*, крыз. *каьч*, *карч* (алык.), буд. *кэрч*.

ЛОПАТКА: таб. *ккуьл* 'передняя нога животного', лезг. *кIул* 'лопатка', рут. *ккул* 'передняя нога животного', рут. *гыл* то же, цах. *гывы* то же, арч. *кьIол* 'лопата', крыз. *кыл* 'рука', буд. *кыл* 'рука', уд. *къул* 'бедро', 'ляжка'.

ПЛЕЧО: *таб. гъуIн*, лезг. *къуьн*, агул. *гуIн*, рут. *гъуIн*, арч. *хъуIн*, крыз. *хъуныв*.

КУЛАК: таб. *гъурд*, лезг. *гъуд*, агул. *курд*, рут. *худ*, цах. *худ*, крыз. *хид*.

ЖИВОТ: таб. *фун*, лезг *руфун*, агул. *фун*, рут. *ухьун*, цах. *вухьун*, крыз. *фаьн*.

ЗЕМЛЯ: таб. *жил*, лезг. *ччил*, агул. *жил*, рут. *джил*, цах. *джил*.

ПАСТБИЩЕ, ЛУГ, ВЫГОН: таб. *чIур*, лезг. *чIур*, агул. *чIир*, рут. *чIир* 'земля', цах. *чIийе*, крыз. *чIерав* 'пещера'.

ВЕРШИНА: *таб. кIакI* (и кончик), лезг. *кIукI*, агул. *кIекIв*, *кIукI* (бурш.), рут. *кIаь'*, *кIекI* (шин.), буд. *кIекI* 'кончик!'.

СЕГОДНЯ: таб. *гъи*, лезг. *къе*, рут. *гъи-гъа*, цах. *гъи-на*, цах. *къы-на*, крыз. *къе*, буд. *къе*, удин, гъе, арч. *гъи* 'днем'.

ЗИМА: *таб. кьуIрд*, лезг. *кьуьд*, агул. *кьуIрд*, *ъард* (бурк.), рут. *кьыIд*, цах. *кьыIд*, арч. *кьоIттаIхъ* (*кьоIт* 'зимой'), крыз. *кьуд*, буд. *кьаджрэдок*.

ВЕСНА: таб. *хьад*, лезг. *гад* 'лето', агул. *хьид*, *хьхьид* (хпюк.), рут. *хьад*, цах. *йухьхьан*, арч. *лълъаннаIхъ*, буд. *хьаджрэдж* 'весна и лето'.

ВЧЕРА: таб. *накь*, лезг. *накь*, агул. *накьв*, рут. *накьа*, крыз. *наькь*, буд. *накьа*, удин, *на/мне*.

БАШНЯ: таб. *чIвурд*, агул. *цIуд*, рут. *цIуд*, арч. *цIут*.

МАСЛО: таб. *ччим*, лезг. *чIем*, агул. *ччаIм*, рут. *чам*, крыз. *чэм*, удин, *ччаьин*.

ТОЛОКНО: таб. *су*, лезг. *сав*, агул. *мусу*, рут. *су*, цах. *су*, крыз. *сув*.

ГРЕБЕНЬ, РАСЧЕСКА: таб. *раIгъ*, лезг. *регъ*, агул. *рог*, рут. *раIеъ*, цах. *аIгъаа*, арч. *даIхъ*, крыз. *рагъ*, удин. *ох* < **рох*.

ЛОЖКА: таб. *муччвур*, лезг. *тIур*, агул. *ттур*, рут. *дур*, крыз. *тыр*, будух. *тур*.

ЗВЕЗДА: таб. *хаä*, лезг. *гъед*, агул. *хад*, *хед* (фит.), рут. *хfadеи*, цах. *хIане*, арч. *хIолош-хъан*, крыз. *х'аьчI*, буд. *х'аьчI*.

ГОРСТЬ, ПРИГОРШНЯ: *таб. миг*, лезг *мекьв*, агул., цах. *мехь*, рут. *маьхь*, крыз. *мэк*, буд. *мек*, удин. *махIа*.

ПЕРЕД, ВПЕРЕДИ: лезг. *вилик*, *таб. улихь*, агул. *удигь*, рут. *улихьта* 'передняя сторона', крыз. *гIуьруьк*, буд. *гIура*, арч. *гьарак*.

ПЛЕСЕНЬ: таб. *миршв*, агул. *мурс*, удин, *мурс*, будух. *мырс*.

БЕЛЫЙ: *таб. лизи*, лезг. *лаццу*, крыз. *лаьзи*, будух. *лэзу*, арчин. *лацут* 'железо'.

СЛЕПОЙ: таб. *буьркьуь* (*буьркь* 'глазной гной'), лезг. *буьркьу*, рут. *быркьы*, цах. *быркьыIн*.

МЯГКИЙ: лезг. *хъуьттуьл*, *таб. гъюдли*, агул. *гадулф*, рут. *гъыIдылды*, цах. *къыIмнан*, арч. *хъаIнна*, крыз. *къаьдил*.

ЧЕРНЫЙ: таб. *кIару*, агул. *кIареф*, цах. *кIарын*.

СВЯЗЫВАТЬ, ЗАВЯЗЫВАТЬ: таб. *йитIуз*, лезг. *кутIуниз*, агул. *итIас*, рут. *сибтIас*, цах. *йитIалас*, крыз. *йубтIулидж*, буд. *волтIу*, арч. *ебтIмус*.

ТЯНУТЬ: таб. *зигуз*, лезг. *чIугваз*, агул. *дивас*, цах. *хъадивас*, арч. *луIммус*, крыз. *йигнидж*, будух. *йуну*.

БОЛТАТЬ, КАЧАТЬ: таб. *дакьуз*, агул. *дакьас*, рут. *ва-кьалкьас* 'дрожать', буд. *селкьи*, *селкьуджи* 'сбивать (масло)'.

ГНИТЬ: *таб. утIуз*, лезг. *китIиз*, *ктIана*, агул. (бурш.) *утIас*, рут. *хабтIвас* 'преть' и др.

Лексическая близость табасаранского языка к другим лезгинским может быть продемонстрирована таблицей, составленной на материале известного стословного списка М.Свадеша:

	таб.	агул.	рут.	цах.	арч.	кр..	буд.	уд.	хин.	ав.	лак.
Л	**50**	53	46	38	38	47	40	33	22	27	25
Т		**69**	**43**	**41**	**40**	**47**	**45**	**38**	**28**	**32**	**30**
А			47	45	44	47	42	40	28	31	35
Р				50	38	41	42	36	24	28	29
Ц					34	38	36	33	24	26	28
Ар						36	37	34	24	31	31
К							63	32	25	28	28
Б								32	28	27	27
У									28	32	24
Х										27	24
Ав										-	30

www.alfons-servis.narod.ru

Заимствованная лексика

Довольно значительный пласт в табасаранском языке составляют иноязычные заимствования, что объясняется тесными контактами табасаранцев с другими народами и языками на протяжении всей своей истории.

Иранизмы

Наиболее древними в табасаранском являются заимствования из персидского языка. По мнению исследователей, общее их число не превышает 350 единиц. В основном они относятся к таким сферам лексики, как военная, ремесленническая и бытовая терминология:

абугердан 'металлический половник'; *бейбут* 'финка, специальный большой кинжал'; *кепкир* 'шумовка'; *кирбит* 'спичка'; *дегъре* 'секач'; *леген* 'таз'; *ленгери* 'широкая чаша, похожая на поднос'; *пияла* 'пиала, чашка'; *ранда* 'фуганок, рубанок'; *тавра* 'переметный мешочек'; *хаканаз* 'совок для собирания, сора'; *чайдан* 'чайник'; *чирагъ* 'лампа, светильник', *дасмал* 'полотенце'; *зарбаф* 'вид ткани'; *кисе* 'кошелек', *чадра* 'покрывало, полотно'; *чятур* 'шатер' ; *шарвар* 'брюки', *базар* 'рынок'; *дезгегь* 'верстак'; *кюче* 'улица'; *пенжер* 'окно'; *тавхана* 'гостиная'; *шагьур* 'город'; *шюшебенд* 'застекленная терраса', *аьбаси* 'монета в двадцать копеек'; *шигъи* 'пятак', *дарман* 'лекарство'; *кабаб* 'шашлык'; *чара* 'средство'; *люле* 'ствол пушки, ружья'; *ранг* 'краситель, краска'; *сенгер* 'баррикада, укрепление, вал'; *синабенд* 'нагрудник лошади'; *тахт* 'престол, кровать'; *терезар* 'весы'; *уьзунг* 'стремя';

2. Прилагательные: *азад* 'свободный'; *абад* 'благоустроенный, рогатый'; *ашкара* 'открытый'; *асант* 'легкий, доступный, удобный'; *азгар* 'ясный'; *бейкар* 'безработный'; *багъа* 'дорогой'; *бейчара* 'безвыходный'; *бедрягъ* 'разнузданный; непослушный'; *бейхабар* 'неожиданный'; *бейгьял* 'в бессильном, слабом состоянии'; *бешбетер* 'худший'; *бизар (хъуб)* 'уставать'; *гумрагь* 'бодрый, жизнерадостный'; *зирек* 'проворный, ловкий', *кюгьне* 'ветхий, старый'; *назук* 'хрупкий, нежный'; *нахуш* 'нездоровый, болезненный'; *надинж* 'озорной'; *нарази* 'недовольный'; *начагъ* 'больной'; *нягъякь* 'впустую, напрасно'; *пашман* 'грустный, унылый'; *пияда* 'пешком'; *перишан* 'скучный, унылый'; *сархуш* 'восторженный, опьяненный'; *ширин* 'сладкий, приятный' и др.

В табасаранский язык из персидского языка вошли также некоторые собственные имена: *Зугьраб, Навруз, Гюлизар, Тевриз, Мегьрихан, Пери, Пир, Назир, Нияз, Панагь, Наз, Нуржагьан, Перизада* и др.

Арабизмы

Тематически арабизмы, начало проникновения которых в лексику табасаранского языка относится к в., разнообразны, подразделяясь на следующие лексико-семантические группы:

I. Религиозные термины: *аллагь* 'бог'; *амин* 'аминь'; *аьзраил* 'ангел смерти'; *берекет* 'благословение'; *васият* 'завещание'; *вяз* 'проповедь'; *гуннагъ* 'грех'; *гьяж* 'паломничество'; *гьяжи* 'паломник'; *гьялал* 'дозволенное'; *гьярам* 'недозволенное'; *гьякал* 'амулет'; *гъурбан* 'праздник жертвоприношения'; *дин* 'религия'; *дюаъ* 'молитва'; *езид* 'предатель веры (вероотступник)'; *жин* 'злой дух'; *женнет* 'рай'; *жегъеннем* 'ад'; *закат* 'натуральная духовная повинность с урожая'; *зикир* 'продолжительный религиозный хор'; *зиярат* 'почитание'; *имам* 'имам, высший духовный сан'; *икрам* 'поклон'; *ислам* 'ислам, магометанская вера'; *иман* 'верность вере'; *къуръан* 'коран'; *кьисмат* 'доля, участь'; *кьази* 'кадий, кади (судящий по шариату)'; *мевлюд* 'особое коллективное молебствование'; *мюрюд* 'мюрид, последователь мусульманском религии'; *малаик* 'ангел'; *малла* 'мулла'; *муъмин* 'ведущий, богоугодный, умеренный образ жизни'; *мусурман* 'мусульманин'; *рягьмат* 'милосердие'; *рамазан* 'месяц поста'; *рягъим* 'пощада'; *рюг* 'душа'; *сиратI* 'путь в рай'; *сухта* 'ученик, приверженец' *сужда* 'длительный намаз'; *садакьа* 'приношение'; *сабаб* 'божье вознаграждение'; *сюгьюр* 'колдовство, волшебство'; *суннат* 'обрезание (обряд)'; *тялим* 'ученик духовной школы'; *тяспигь* 'четки'; *шариаьт* 'шариат, свод мусульманских законов'; *шюкюр* 'благодарность, слава (употребляется только по отношению к богу)'; *шейтIан* 'шайтан, черт'; *эмин* 'надежный, верный' и др.

2. Слова, выражающие абстрактные понятия (как правило, из области науки, культуры и искусства): *асул* 'происхождение'; *алиф* 'название буквы'; *аьдат* 'обычай'; *аьлава* 'приложение, дополнение'; *аъламат* 'чудо'; *аьхир* 'конец'; *аьнтIикьа* 'изящный, красивый'; *аъмал* 'хитрость'; *гъядиса* 'происшествие, история';

www.alfons-servis.narod.ru

гьисаб 'математика, арифметика'; *гьярф* 'буква'; *гъава* 'воздух'; *гъалатI* 'ошибка'; *дяви* 'война'; *дарс* 'урок'; *дафтар* 'китаб'; *далил* 'доказательство'; *жигьат* 'аспект'; *жинс* 'вид, сорт, род'; *ишара* 'знак, намек'; *илим* 'наука'; *имтигьян* 'экзамен'; *ихтияр* 'право, воля'; *къайд* 'примечание, замечание'; *кереме* 'диво' *кеф* 'удовольствие'; *къайда* 'правило, положение'; *лишан* 'признак'; *машгъулат* 'развлечение, занятие'; *мукьам* 'мотив, напев'; *мялумат* 'объявление'; *мектеб* 'школа'; *месэла* 'вопрос, проблема, арифметическая задача'; *мисал* 'пример, иллюстрация'; *меш'вера* 'взаимоотношение, контакт'; *медениям* 'просвещение'; *нукъсан* 'недостаток, дефект'; *накьиш* 'узор'; *нур* 'луч'; *рягьят* 'отдых, покой'; *субут* 'доказательство'; *салам* 'привет'; *сейир* 'хождение, прогулка'; *сюгьбат* 'беседа'; *сиясат* 'политика'; *себеб* 'причина'; *тарих* 'история, дата, цифра'; *таржума* 'перевод'; *тамам* 'конец'; *текрар* 'повторение'; *тембигъ* 'образ, аналогия, подобие'; *тербия* 'воспитание'; *тафавут* 'разница'; *успат* 'доказательство, подтверждение, вынужденное признание'; *уьмарат* 'ценное сооружение, красивое изделие'; *файда* 'польза, эффект'; *хатир* 'уважение'; *хатIа* 'несчастный случай'; *фаркь* 'разница'; *хатI* 'почерк' *шартI* 'условие'; *эдеб* 'этика'; *эдебиям* 'литература' и др.

3. Общественно-политическая терминология: *амур* 'повеление, приказ'; *ахлакъ* 'поведение' *аьгьвал* 'материальное положение, экономическое состояние'; *бягьс* 'соревнование'; *ватан* 'родина'; *вазифа* 'обязанность, дело'; *гьюриям* 'свобода'; *гьюкумат* 'правительство, власть'; *гьюрмат* 'уважение'; *гьюжум* 'нападение'; *гъюкум* 'приказание, повеление'; *сяняаьт* 'ремесло'; *гьякъи* 'оплата, стоимость'; *мессеб* 'происхождение, род'; *гьякьикьат* 'реальная действительность'; *гьясил* 'доход'; *гьял* 'состояние'; *гьякь-гъисаб* 'расчет, итоги'; *гьякь* 'оплата, плата за труд'; *гьяжат* 'нужда'; *гъалиб* 'победа'; *девлет* 'богатство'; *дережа* 'степень'; *жаза* 'на казание'; *зиллет* 'бедность, нищета'; *зулумат* 'угнетение, гнет'; *зарар* 'ущерб, вред, убыток'; *залум* 'тиран, деспот'; *замин* 'порука'; *зулум* 'гнет, насилие, жестокость'; *ислягъвал* 'мир'; *игьтияж* 'нужда, экономическая необеспеченность'; *инкар* 'отрицание, возражение'; *ихтибар* 'доверие', *истисмар* 'эксплуатация'; *ихтиям* 'бдительность'; *инкьилаб* 'революция'; *инсаниям* 'человечество'; *инсаф* 'пожалеть'; *игьтияж* 'нужда, необеспеченность'; *идара* 'учреждение, орган управления'; *кьадар* 'судьба, участь'; *къанун* 'закон'; *мулк* 'имение'; *мяишат* 'средство, источник существования' *манигъ* 'возражение, препятствие'; *мянфяаьт* 'польза'; *миллет* 'национальность'; *низам* 'установленный порядок, цена'; *рухсат* 'разрешение'; *тIалаб* 'требование'; *хайир* 'польза', *аьрза* 'заявление, жалоба'; *жаваб* 'ответ'; *ихтилат* 'разговор, беседа, рассказ'; *калам* 'речь'; *келима* 'реплика, высказывание'; *кьиса* 'рассказ'; *мисал* 'притча'; *макьала* 'статья, заметка'; *месела* 'например, к примеру'; *суал* 'вопрос'; *хабар* 'известие, весть, рассказ'; *шикаят* 'жалоба'; *шиир* 'стихотворение, поэзия' и др.

4. Слова, выражающие физическое и душевное состояние, морально-этические понятия: *аьшкь* 'желание, охота, любовь' *аьзаб* 'страдание, мука'; *аьйиб* 'порок, недостаток'; *аьдалат* 'справедливость'; *аьзиям* 'тягость'; *аьзар* 'болезнь, недуг'; *бахил* 'скупой'; *бала* 'беда'; *гьисс* 'чувство, ощущение'; *гьяя* 'стыд'; *тахсир* 'вина'; *гьяйбат* 'пышность, великолепие'; *гьялак* 'торопливый'; *гьяракат* 'торопливость, спешка'; *гьялал* 'честный, законный'; *гьярам* 'запрещенный, противозаконный'; *гъараз* 'зависть'; *гъазаб* 'состояние мучения, беспокойства' *гъам* 'горесть'; *гъалаб* 'тревожное состояние'; *жюр'эт* 'смелость'; *зигьим* 'ум, талант, дар'; *зяиф* 'слабость'; *иштагъ* 'желание, аппетит'; *кефиям* 'настроение, тонус, душевное и физическое состояние'; *кин* 'сомнение, нерешительность'; *кьаст* 'намерение, цель'; *къара* 'терпение, спокойствие'; *майит* 'труп'; *мюгьюббат* 'любовь'; *мушакьат* 'жадный'; *мурад-метлеб* 'желание, цель'; *мягърум* 'лишенный, обездоленный'; *неззет* 'наслаждение'; *нефс* 'страсть'; *нефес* 'дыхание'; *нянат* 'проклятие'; *ниям* 'намерение'; *насигьям* 'наставление, совет'; *саламат* 'уравновешенный, спокойный'; *сабур* 'терпение, выдержка'; *сафра* 'разлитие желчи'; *суза* 'стон'; *тямягь* 'желание'; *табдил* 'лишение дара речи, онемение'; *тясир* 'воздействие'; *тIакьат* 'возможность, энергия'; *умуд* 'спокойный, уравновешенный'; *фикир* 'мысль'; *футна* 'клевета'; *хажалат* 'печаль, горе'; *хасиям* 'характер, привычка, нрав' и др.

5. Слова, обозначающие признаки предметов и действий (прилагательные и наречия): *аьзиз* 'дорогой'; *аьжуз* 'слабый'; *аьжайиб* 'удивительный, странный, интересный'; *гъариба* 'недобрый, плохой'; *гъариб* 'худой, обездоленный'; *гьязур* 'готовый'; *гъайри* 'другой, кроме'; *даим* 'постоянно'; *ислягъ* 'мирный'; *кьастIан* 'умышленно, с целью'; *лайикь* 'достойный'; *лазим* 'нужный'; *мажбур* 'обязательный'; *мумкин* 'возможный'; *мялум* 'известный'; *мютIюгъ* 'находящийся в подчинении, в повиновении'; *машгьур* 'прославленный, популярный'; *мюгъкам*

www.alfons-servis.narod.ru

'прочный, крепкий'; *мугъаят* 'осторожный, предусмотрительно'; *магъир* 'искусный'; *машгьул* 'занятый'; *мюгьтал* 'удивленный'; *мудиям* 'всегда, постоянно'; *мублагъ* 'благодатный, обильный'; *рягъят* 'легкий'; *тялукь* 'относящийся'; *тамам* 'исполнить, закончить'; *такабур* 'гордый, горделивый'; *тахминан* 'приблизительно, примерно'; *табигъ* 'подчиненный'; *фаракьат* 'спокойный, неподвижный'; *хусуси* 'личный'; *хас* 'собственный, свойственный'; *халис* 'настоящий, схожий' и др.

6. Слова-названия, людей: *адми* 'мужчина'; *авам* 'темный, отсталый'; *ашукь* 'ашуг, бродячий певец'; *агьли* 'пожилой, взрослый'; *аманат* 'заложник'; *аьлим* 'ученый'; *аълам* 'множество народа'; *вакил* 'представитель'; *варис* 'наследник'; *велед* 'потомок'; *вягьши* 'дикий'; *гьяким* 'высокое должностное лицо'; *гъураба* 'пришелец, изгнанник'; *гъариб* 'худой'; *йисир* 'пленник'; *жигьил* 'молодой человек'; *жаллатI* 'палач'; *жярягь* 'лекарь'; *жугъуд* 'еврей'; *жямяаьт* 'сельская община'; *залум* 'злодей'; *ими* 'дядя по отцовской линии'; *инсан* 'человек'; *мял'ум* 'проклятый'; *мирас* 'сородич'; *мялим* 'учитель'; *ряят* 'крепостной'; *саил* 'нуждающийся, попрошайка, проситель'; *сагъиб* 'хозяин'; *фагъир* 'бедняга'; *фасикь* 'богохул'; *фугъара* 'бедняга'; *фягьла* 'рабочий'; *харат* 'столяр'; *хала* 'тетя'; *халу* 'дядя'; *халкь* 'народ'; *хаин* 'предатель, изменник'; *шерик* 'соучастник'; *шагьид* 'свидетель'; *ших* 'святой'; *шаир* 'поэт'; *эме* 'тетя по отцовской линии'; *эвлед* 'дети, потомство' и др.

7. Служебные слова и речевые формулы: *ва* 'и'; *амма* 'но, однако'; *гьятта* 'даже, вплоть до'; *биллагь* 'ей богу'; *валлагь* 'ей богу, клянусь богом'; *баркаллагъ* 'молодец, слава'; *бисмиллагъи рягьмани рягьим* 'формула, с которой верующие (мусульмане) приступают к еде или к какому-нибудь действию'; *аьлгьямдуриллагь* 'формула, которую произносят, когда начинают есть, работать и т. п.'; *салам аьлейкум* 'здравствуйте, привет'; *аьлейкум салам* 'здравствуйте (ответное приветствие)'; *иншаллагъ* 'если угодно будет аллаху' и др.

Из арабского языка заимствовано также подавляющее большинство собственных мужских и женских имен: *Аьбдуллагь, Рамазан, Селим, Имам, Сайид, Гьябиб, Сейфуллагь, Сейфуддин, Рягьим, Уьмар: Аьли, Аьлимурад, Зейфуллагь, Зейнуддин, Муъмин, Ражаб, Гьяжи, Гьяжирамазан, Мажид, Мюгьюммед, Селимат, Гьябибат, ФатIимат, Муъминат, Гьава, Гьялимат,*

Сакинат, Аминат, Рягьимат, Фазилат, Мислимат, Мафружат, Зарият, Халисат и др.

Тюркизмы

Тюркизмы проникли в табасаранский язык преимущественно через азербайджанский язык (видимо, этот путь проделала и часть фарсизмов и арабизмов), который оказал на него наиболее сильное влияние.

Тюркизмы относятся ко всем сферам повседневной жизни табасаранцев, включая среди прочих и следующие лексико-тематические группы:

1. Названия домашней утвари, посуды, одежды и т.п.: *бушгъаб* 'чайное блюдце'; *гюзгю* 'зеркало'; *гъаб* 'посуда'; *гъазан* 'котел'; *гъапагъ* 'крышка'; *лемче* 'тарелка'; *сюзег* 'цедило'; *ягълачи* 'сковородка с ручкой'; *башмакъ* 'башмаки'; *бушлух* 'башлык'; *бухча* 'одежда умершего'; *дулакъ* 'голенище'; *келегъа* 'шелковый тонкий головной платок'; *санжах* 'булавка'; *чалма* 'чалма'; *элжег* 'перчатка'; *ягълухъ* 'носовой платок'.

2. Обозначения строений и их частей: *арх* 'канава, арык'; *алачух* 'палатка'; *бурж* 'свод, башня'; *булагъ* 'родник'; *гъапу* 'ворота'; *гъазма* 'лачуга, землянка'; *гъуйи* 'колодец'; *тикилиш* 'стройка'; *тахча* 'ниша, широкая полка в стене'; *тевле* 'конюшня, кормушка для лошадей'; *ужагъ* 'дом, хоромы'; *юрд* 'юрта, дом'.

3. Названия растений и плодов: *алича* 'алыча'; *гюл* 'цветок'; *гъавах* 'тополь'; *иставут* 'перец'; *тютюм* 'табак'; *сарубугъда* 'сорт пшеницы'; *чалтук* 'неочищенный рис'; *чинар* 'чинара'; *явшан* 'полынь'.

4. Наименования продуктов питания и напитков: *айран* 'айран, пахтанье'; *бастурма* 'специально изготовленное мясо для шашлыка'; *бузлама* 'лаваш из кислого теста'; *бузбаш* 'жаркое'; *булама* 'молозиво'; *дулма* 'голубцы'; *давгъа* 'суп на кислом молоке с рисом и зеленью'; *жигъиртма* 'вид жаркого'; *дулдурма* 'колбаса'; *дишлама* 'чай в прикуску'; *ички* 'алкогольные напитки'; *къавурма* 'сорт жаркого'; *къарасу* 'родниковая вода'; *мурту* 'яйцо'; *сюзме* 'процеженное кислое молоко'; *ягълу* 'жир'; *ярма* 'крупа'.

5. Названия животных, птиц и т.п.: *аслан* 'лев'; *алабаш* 'кличка собаки'; *балугъ* 'рыба'; *бугъа* 'бугай'; *гюрзе* 'род ядовитых змей';

www.alfons-servis.narod.ru

гъашкъа 'белое пятно (отметина) на лбу животного'; *гъудугъ* 'осленок'; *гъуш* 'птица'; *гъаз* 'гусь'; *гъундуз* 'бобер'; *дайча* 'жеребенок'; *дурна* 'журавль'; *илхи* 'табун (лошадей)'; *келче* 'молодой буйвол'; *уьрдег* 'утка'; *чалагъан* 'крупная птица из семейства орлиных'; *юргъа* 'иноходец'.

6. Термины родства: *арха* 'родственники'; *бажанах* 'свояк'; *гелин* 'невеста'; *гъари* 'старуха, жена'; *гъужа* 'старик, муж'; *гъунши* 'сосед'; *енге* 'сестра жениха в период свадьбы'; *севдюгюм* 'возлюбленный'.

7. Глагольные основы, характеризующиеся аффиксом *-миш*: *азмиш* 'давить, нажать'; *алдатмиш* 'перехитрить'; *артмиш* 'увеличиться, размножиться'; *асмиш* 'подавить, вешать'; *айрутмиш* 'разлучаться'; *ахмиш* 'течь, литься'; *ахтармиш* 'исследовать, проверить'; *басмиш* 'давить, напирать'; *багъишламиш* 'прощать, извинять'; *бажармиш* 'справить, суметь'; *батмиш* 'утопиться, пропадать'; *башламиш* 'начинать, приступать'; *безетмиш* 'наряжаться, укрощаться'; *бугъламиш* 'тушить, парить'; *буюрмиш* 'поручать, предлагать'; *вердиш* 'привыкать'; *гюзетмиш* 'ожидать'; *гюллеламиш* 'расстреливать'; *гюрюшмиш* 'знакомиться, встретиться'; *гъавурмиш* 'тушить (мясо)'; *гъазанмиш* 'зарабатывать'; *гъунагъламиш* 'угощать'; *гъурмиш* 'заводить, устроить'; *гъаришмиш* 'смешать'; *гъаралмиш* 'сделаться мрачным'; *гъирмиш* 'уничтожиться, гибнуть'; *гъазанмиш* 'завоевать, приобретать, накоплять'; *гъабарламь* 'мозолить; покрыться волдырями'; *гъатламиш* 'терпеть, переносить, переживать'; *дигмиш* 'созревать'; *дуланмиш* 'жить'; *зуралмиш* 'насиловать'; *ишлемиш* 'использовать'; *къаршуламиш* 'встречать'; *къужахламиш* 'обнимать'; *къутармиш* 'избавлять'; *саймиш* 'обращать внимание'; *суратламиш* 'отображать'; *тепелмиш* 'нападать, набрасываться'; *тюкюлмиш* 'валить, стекаться, идти массой'; *уьтмиш* 'идти, направляться'; *ухшармиш* 'походить, становиться, направляться'; *уьлчмиш* 'измерять', *утанмиш* 'стыдиться, смущаться'; *уьлкемиш* 'грузить'; *чалишмиш* 'стремиться, стараться'; *эвлемиш* 'жениться'; *ягъалмиш* 'ошибаться'; *яратмиш* 'создавать'.

Из азербайджанского языка заимствованы и некоторые собственные имена: *Баба, Байрам, Багьа, Къилич, Демир, Бейбала, Темирхан, Дашдемир, Суна, Сунахалум, Бажи, Назлуханум, Гюлназ, Ана, Анахалум* и др.

Русизмы

Первые заимствования из русского языка или через русский язык относятся еще к эпохе кавказской войны и представляют собой бытовые слова, адаптированные к особенностям фонетики табасаранского языка: *пич* 'печка, *урус* 'русский', *паласа* 'полоса', *самавар* 'самовар', *пенжек* 'пиджак', *палту* 'пальто', *калуш* 'калоша', *картуф* 'картошка', *ружа* 'ружье', *салдат* 'солдат', *турба* 'труба', *чайник* 'чайник', *духтир* 'врач', *булушка* 'булузка', *матишка* 'русская (матушка)', *гъяфат* 'конфета', *уьти* 'утюг', *бакка* 'шапка' и др.

После установления советской власти и особенно создания письменности табасаранский язык захлестнул поток русизмов и интернациональной лексики, охвативший все сферы общественно-политической жизни табасранцев. Этот процесс, хотя в несколько ослабленной форме, продолжается и по сей день. В отличие от старых заимствований новые заимствования принято писать так, как они пишутся в руссом языке: *завод, совхоз, колхоз, социализм, коммунизм, секретарь, большевик, партия, район, конституция, трактор, бригада, физика, география, фонетика* и др.

В свое время многие арабские термины были заменены, хотя и не всегда оправданно, русскими: *предложение* вместо *жумла*, *школа* вместо *мектеб*, *азбука* вместо *алифба*, *учитель* вместо *мялим*, *закон* вместо *къанун*, *рабочий* вместо *фягьла*, *революция* вместо *инкъилаб*, *суд* вместо *диванхана*, *литература* вместо *эдебият* и др.

В целом заимствование через русский язык интернациональной общественно-политической и научно-технической терминологии обогатило табасаранский литературный язык и обеспечило осуществление на нём перевода с русского языка не только художественной, но и современной научно-популярной литературы (по языковедению, литературоведению, истории, обществоведению, географии, естествознанию и др.). Отметим здесь русизмы, принадлежащие следующим лексико-тематическим группам:

1. Названия профессий, рода занятий и т.п.: *автор, агент, агитатор, адвокат, академик, актер, альпинист, артист, археолог, аспирант, ассистент, атеист, бугъалтир, врач,*

www.alfons-servis.narod.ru

герой, гимнаст, дижурний, декан, делегат, десятник, диверсант, диктатор, дирижер, директор, драматург, дружинник, жандарма, завхоз, инвалид, инспектор, историк, интервент, кандидат, кассир, кладовщик, комиссар, командир, коммунист, контролер, космонавт, консультант, лаборант методист, партизан, пионер, почтальон, присидатил, пиркурур, революционер, ректор, санитар, студент, турист, учитил, физик, чилен, шахтур, шуфир, ишпиун, экономист, эксперт, электрик и др.

2. Общественно-политическая лексика: *армия, аристократия, артель, ассамблея, буржуазия, делегация, демонстрация, заседание, интеллигенция, коллектив, конгресс, конференция, коллегия, митинг, общество, отряд, орган, олимпиада, парад, парламент, партия, пленум, профсоюз, правление, президиум, семинар, сессия, совет, совхоз, слет, собрание, совещание, союз, съезд, автономия, агитация, администрация, анархизм, восстание, государство, декларация, диктатура, запас, идея империализм, интерес, капитализм, класс, колония, конституция, контрреволюция, марксизм, милитаризм, миллионер, мобилизация, налог, организация, плантация, принцип, политика, политэкономия, производство, пропаганда, расход, реакция, революция, резерв, рекорд, ресурс, социализм, социал-демократия, товар, террор федерация, фракция, шовинизм, юридический, экономика, эксплуатация* и другие.

3. Научно-техническая терминология: *автомобиль, борт, бульдозер, вагон, велосипед, вентилятор, винт, вертолет, дизель, депо, комбайн, купе, магнитофон, маятник, метре, машин, микроскоп, молотилка, мотор, мотороллер, мотоцикл, муфта, паровоз, пароход, планер, платформа, поезд, приемник, прожектор, пулемет, радио, ракет, рельс, репродуктор, руль, самолет, самосвал, семафор, спутник, стабилизатор, станция, стрелка, такси, телевизор, телескоп, теплоход, трамвай, трактор, троллейбус, циферблат, электровоз, экспресс, электричка; абзац, алгебра, архитектура, анатомия, апостроф, арифметика, астрономия, ботаника, библиотека, биология, выставка, вариант, география, геометрия, грамматика, глобус, деепричастие, декада, дополнение, директива, диалектика, диссертация, естествознание, запад, история, институт, культура, лексика, лекция,*

математика, материализм, материя, методика, мода, морфология, неологизм, наречие, образ, орфография, определение, омоним, обращение, педагогика, причастие, подлежащее, предлог, поэзия, проблема, произведение, прилагательное, процент, реферат, рифма, роман, резенция, север, сказуемое, синоним, сочинение, синтаксис, словарь, союз, университет, упражнение, физиология, физкультура, фотография, филолог, числительное, частица, цифра, школа, экран, этнография, юг, юстиция, языкознание и другие.

4. Бытовая лексика: *аьдиял, булушка, бантик, босоножка, бафайка, галифе, галстук, жикет, запонкйир, диван, калушар, кастум, комбизон, кофта, карават, куртка, капрон, кепка, лавсан, лент, майка, маска, нейлон, палту, пенжек, погон, приколка, румка, сандали, свитер, термос, туфли, фартук, ути, холодильник, халат, шарф, шиблитlар, шинил, шляпа, юпка; бифштекс, борщ, варени, вафли, вермишель, горчица, гуляш, гъяфат, гъялва, джем, жаркой, икра, компот, консерв, коньяк, кофта, кофе, лимонад, макарон, махорка, мармарат, манпаси, печени, пряник, пиве, папрус, рагу, ром, сигарет, селедка, соус, тамат, фарш, хархо, чай, шоколад, автостанция, аптека, ателье, больница, буфет, вокзал, гараж, дача, касса, кафе, лифт, магазин, мастерская, метро, парк, подвал, почт, ресторан, туалет, участок, чардах, картуф, килька, кинза, лимон, мандарин, петрушка, памадур, редиска, чай, шпинат, домино, коньки, лыжйир, футбол, шахматар,. баян, нотйир, скрипка* и мн. др.

ПОЛИСЕМИЯ

Как и в любом другом языке, в табасаранском широко представлена полисемия, т.е. наличие у слова нескольких значений. В ряде случаев одно из значений отрывается от остальных и на месте одного слова появляется два или более омонимов. Адекватная квалификация некоторых пограничных случаев оказывается весьма затруднительной. Ср.: *ваз* 'луна' — *ваз* 'месяц'; *вич* 'яблоко' — *вич* 'черви' (в картах); *гаргар* 'колокольчик' — *гаргар* 'железная пуговица'; *тум* 'семя, семена' — *тум* 'закваска'; *хар* 'фасоль, горох' — *хар* 'град'; *удар* 'зернышко'

www.alfons-servis.narod.ru

— *удар* 'маленькая часть (чего-нибудь)'; *ушв* 'рот' — *ушв* 'пост'; *швум* 'соломинка' — *швум* 'поле после уборки урожая' и т.п.

ОМОНИМИЯ

Омонимы не являются редким явлением в табасаранском языке, ср.: *хяв* 'воротник' — *хяв* 'вымя'; *гуг* 'затылок' — *гуг* 'узелок в ковре', *гад* 'порода овец' — *гад* 'молотьба'; *шил* 'стог' — *шил* 'след'; *урсуб* 'прыгнуть' — *урсуб* 'опускать, забивать'; *швур* 'растение типа черемши' — *швур* 'часть, половина'.

СИНОНИМИЯ

Синонимы также не чужды табасаранскому языку, обнаруживая в различных частях речи синонимические ряды, насчитывающие до шести членов, ср.:

кIубан 'смелый' — *зирек* 'бойкий, энергичный, смелый' — *дирбаш* 'смелый, храбрый' — *гъуччагъ* 'удалой, храбрый, смелый' —*игит* 'храбрый';

ляхин 'работа' — *кар* 'дело' — *кеспи* 'профессия, ремесло' — *гъуллугъ* 'служба, работа' — *пише* 'ремесло, специальность';

аьзарлу 'больной' — *кетIерцнайир* 'нездоровый, болезненный' — *уьзурлу* 'больной, страдающий болезнью, нездоровый' – *сагъсуз* 'больной, болезненный, нездоровый';

уткан 'красивый' — *уччвур* 'красивый, привлекательный' — *успагьи* 'прелестный, красивый' — *гюрчег* 'красивый' — *гюзел* 'красивый, прелестный изящный' — *тIарам* 'красивый, стройный' и др.

АНТОНИМИЯ

Антонимы, т.е. слова, выражающие противоположные понятия, представлены в табасаранском языке, достаточно хорошо, охватывая практически все части речи, ср. существительные: *дуст* 'друг' — *душман* 'враг'; *хьад* 'лето' — *кьюрд* 'зима'; прилагательные: *гъагъи* 'тяжелый' — *пчIу* 'легкий'; *ужуз*

'дешевый' — *багьа* 'дорогой'; *гъулай* 'удобный' — *гъулайсуз* 'неудобный'; наречия: *ухди* 'рано' — *къанди* 'поздно'; глаголы: *бихъуб* 'находить' — *дубгуб* 'терять'; *дусуб* 'садиться' — *гъудужвуб* 'вставать'; *учIвуб* 'входить' — *удучIвуб* 'выходить' и др.

www.alfons-servis.narod.ru

ОБРАЗЕЦ ТЕКСТА

***

МАЛЛА НАСРЕДДИННА ХПИР

Ургур йигъна йишв гъабхьнийи Насреддиндинна чан хпирин чиб-чпикри гафар дарапІди. Маллайи чан юлдшариз кІур, йишвну чан хулаъ тІафларси учІвай дупну.

Гьаційишвар. УнчІварик кучри, дурар арццри сесер шул, хпир нивкІ'ан уянмиш шул, хъа Насреддинди, ахну аза кІури, хъухар апІур. ТІафлар гъяркъю хпири сарун чара адрури, жилирик кучур, хъа дихар апІур, амма малла ришвурдайи. Гьамци хпири Насреддиндиз дихар апІури шул, хъа маллара гафра дарапІди лампа кабхьну, хулаъ айи чан дустариз кІур:

— Чухсагъул, дустар, хпири гьамус узу агъламиш апІур!

***

МОЛЛА НАСРЕДДИН И ЖЕНА

Уже семь дней, как Молла Насреддин поссорился с женой и перестал разговаривать с ней, а перемирия так и не наступало. Насреддин решил найти выход: уговорил друзей залезть к нему ночью в дом в качестве воров.

В полночь скрип открываемых окон разбудил жену Насреддина, а он, притворяясь спящим, храпел. Жена его испугалась и толкнула в бок мужа. Тот продолжал храпеть. Тогда жена начала звать его и кричать, что в доме воры. Наконец, Насреддин встал, зажег лампу и сказал ворам:

— Спасибо, друзья, вы меня выручили. Теперь моя жена признает своего мужа!

www.alfons-servis.narod.ru

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллаев И.Х. Словообразование табасаранских названий аулов // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976. – С. 33-41.

Абдусаламов А., Колесник Н.Г. Табасаранский язык // Письменные языки мира. Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн.1. М.: Academia, 2000. – С. 418-431.

Алексеев М.Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М.: Наука, 1985. – 158 с.

Алексеев М.Е., Загиров В.М. Особенности употребления субъектно-объектного генитива в табасаранском языке // Глагол и глагольные словосочетания в дагестанских языках. Вузовский сборник научных трудов/ ДГПИ. Махачкала, 1991. – С. 60-67.

Алексеев М. Е., Загиров В. М. Школьный этимологический словарь табасаранского языка. Махачкала, 1992. – 96 с.

Алимова Б. М. Табасаранцы (XIX – начала XXв.). Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1992. – 262 с.

Барамидзе Ц. Фарингальные согласные в табасаранском языке // Изв. АН Грузии, Сер. яз. и лит. 1-4. Тбилиси, 2000. – С. 269-273

Барамидзе Ц. Комплексы согласных в табасаранском языке // Вопросы языкознания. Тбилиси. 2000, № 4. – С. 22-28 (груз.).

Барамидзе Ц. Гармония гласных в табасаранском языке // Лингвистические изыскания.Тбилиси, 2001. – С. 47-52 (груз.. рез. англ.).

Барамидзе Ц. Фонематическая структура и вопросы морфонологии табасаранского языка: Автореф. дис... докт. филол. наук. Тбилиси, 2002. 82 с. (1-42, груз.; 43-82, рус.).

Бергельсон М. Б., Зализняк А. А., Кибрик А. Е. Конструкции с сентенциальным актантом в табасаранском языке // Табасаранские этюды. М., 1982. – С. 44-65.

Бергельсон М. Б., Кибрик А. Е. Сочинительное сокращение в табасаранском языке // Табасаранские этюды. М., 1982. – С. 66-73.

Богатырев К.К., Богуславская О.Ю. Определительные конструкции в двух говорах табасаранского языка // Табасаранские этюды. М., 1982. – С. 74-95.

Бокарев Е. А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961.

Ваджибов М. Д. Русская фонема о в современном табасаранском языке // Наука и молодежь. Сборник статей молодых ученых и аспирантов по гумантиарным проблемам. Вып. 1. Махачкала, 1997. – С. 297-301.

Ваджибов М. Д. Фонетическая адаптация русизмов – имен существительных в табасаранском языке // Языкознание в Дагестане. Лингвистический ежегодник. № 2 / Мин. общ. и проф. обр. РФ / Даг. гос. ун-т. Махачкала, 1998.. – С. 30-34.

Ваджибов М.Д. К вопросу о так называемых простых гласных в системе вокализма табасаранского языка // Языкознание в Дагестане. Лингвистический ежегодник. № 3 / Мин. обр. РФ / Даг. гос. ун-т. Махачкада, 1999. – С. 31-45.

Ваджибов М. Д. К вопросу об односложных словах в русском и табасаранском языках // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Вып. 2. / Мин.обр. РФ / Даг.гос.университет / Отв. ред. М.-С.М.Мусаев. Махачкала, 2000. – С. 35-39.

Ваджибов М. Д. Сколько согласных фонем в табасаранском языке? // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. Вып. 1. Материалы межвузовской научно-практической конференции «Русский язык и кавказские языки: вопросы функционирования и сопоставительного исследования». Махачкала: ДГУ, каф. рус. яз., 2001. – С. 93-95.

Гаджиев Г. Н., Ханмагомедов Б. Г. Табасаран чIалнан орфографияйин словарь. Махачкала, 1979 (III испр. и доп. изд.). – 148 с.

Гаджиев Г. Н. Школьный русско-табасаранский словарь. Махачкала: Даггиз, 1982. – 373 с.

Гаджиев М.М. О залогах в табасаранском языке // Труды 1-й научной сессии. Махачкала, 1948. – С. 297-308.

Гайдаров Р. И. Рецензия на кн. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. VII. Табасаранский язык // ВЯ, 1981, № 6. – С. 144-146.

Гасанов И.Р., Курбанов К.К. Терминологический словарь по языку и литературе. Мх. : Дагучпедгиз, 1977. – 55 с.

www.alfons-servis.narod.ru

Гасанов М.Р. Некоторые вопросы раннесредневековой истории Табасарана // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1975. Т. III.

Гасанов М.Р. Из истории Табасарана, XVIII – XIX вв. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1978. – 98 с.

Дашдемиров Ш.З. Образование деепричастий в табасаранском языке // Тринадцатая региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков (Глагольное словообразование в иберийско-кавказских языках). Тезисы докладов. Майкоп, 1990. – С. 41-43.

Дашдемиров Ш.З. К вопросу об образовании деепричастий в табасаранском языке // Вестник Дагестанского государственного университета. История. Филология. Культурология. Посв. 65-летию Даггосуниверситета. (Вып. III). Махачкала: Изд.-полигр. центр ДГУ, 1996.. – С. 70-4.

Джавадова У. Г. Наречие в табасаранском языке: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 1999. – 20 с.

Дирр А.М. Грамматический очерк табасаранского языка. СМОМПК-35. Отд. III. Тифлис, 1905. XVI + 247 с.

Дирр А.М. Неизданный труд барона Услара о табасаранском языке // ИКОИРГО. Тифлис, 1912, Т. XXI. – С. 41-45.

Жирков Л. И. Табасаранский язык. Грамматика и тексты. М.;Л., 1948. – 164 с.

Загиров В. М. Заимствованная лексика и ее особенности в табасаранском языке // Литературный Табасаран. Махачкала, 1975. – С. 73-80. На таб. яз.

Загиров В. М. Русско-табасаранский школьный фразеологический словарь. Махачкала: Дагучпедгиз, 1977. – 141 с.

Загиров В. М. Некоторые вопросы лексики табасаранского языка. Махачкала, 1977. – 48 с.

Загиров В. М. Лексика табасаранского языка. Махачкала, 1981. – 108 с.

Загиров В.М. К вопросу о путях возникновения синонимов в табасаранском языке // Вопросы русского и дагестанского языкознания. Махачкала, 1981. – С. 21-25.

Загиров В.М. Словарь омонимов табасаранского языка. Махачкала, 1985.

Загиров В. М. Табасаранско-русские языковые связи. Фрагменты // Материалы контактологического словаря "Национально-русские языковые связи". Махачкала, 1991. – С. 42-55.

Загиров Н.В. Фонетические различия в диалектах табасаранского языка // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1990-1991 гг. Махачкала, 1992. – С. 162.

Загиров Н.В. Фонетические особенности суваксского диалекта табасаранского языка // Дагестанский лингвистический сборник. М., 1995. – С. 17-23.

Загиров Н.В. Морфологические особенности говоров этегского диалекта табасаранского языка // Дагестанский лингвистический сборник. Вып. 2. М., 1995. – С. 18-21.

Загиров Н.В. Фономорфологическая характеристика диалектов табасаранского языка: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 1997. – 23 с.

Загурский Л.П. Записка об очерке табасаранского языка, посмертном труде П.К.Услара// ИКОИРГО.VII. Вып. 2, 1882. – С. 329-36.

Ибрагимова Э.Р. Арабизмы в табасаранском языке: АКД. Мх., 2003. – 19 с.

Каручева Ш. У. Типы синтаксической связи слов в табасаранском языке в сопоставлении с русским // Дагестанский лингвистический сборник. Вып. 11 / Институт языкознания РАН. Отв. ред. М.Е.Алексеев М., 2003. – С. 53-59.

Кибрик А.Е. Материалы к типологии эргативности. 4. Табасаранский язык. 5. Агульский язык/ Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Вып. 128. М., 1979. – 51 с.

Кибрик А. Е., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Каузативная конструкция в табасаранском языке // Табасаранские этюды. М., 1982. – С. 34-43.

Кибрик А.Е., Селезнев А.Г. Синтаксис и морфология глагольного согласования в табасаранском языке // Табасаранские этюды. М., 1982. – С. 17-33.

Кодзасов С.В., Муравьева И.А. Фонетика табасаранского языка // Табасаранские этюды. М., 1982. – С. 6-16.

Крисп С. Рецензия на кн. Услар П. К. Табасаранский язык (Этнография Кавказа. Языкознание, VII) // ЕИКЯ. Тбилиси, 1982. Т. IX, – С. 337-341.

Курбанов К.К. О глагольном корне табасаранского языка // Литературный Табасаран, 1976. – С. 74-77 (на таб. яз.).

www.alfons-servis.narod.ru

Курбанов К. К. Структурно-типологическая характеристика глагольной основы в табасаранском языке // Русский язык и литература. Махачкала, 1978. – С. 52-56.

Курбанов К. К. Превербы в глагольной основе табасаранского языка // Глагол в языках Дагестана. (Тематический сборник)/ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1980. – С. 154-159.

Курбанов К.К. Структура глагольной основы в табасаранском языке: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 1981. – 20 с.

Курбанов К. К. Терминологический словарь табасаранского языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1982. – 36 с.

Курбанов К. К. Глагол табасаранского языка и его изучение в школе. Махачкала: Дагучпедгиз, 1983. – 52 с.

Курбанов К. К. Морфология табасаранского языка. Пособие для учителя. Махачкала: Дагучпедгиз, 1986. – 144 с.

Курбанов К. К. К вопросу о диалектной интеграции в табасаранском языке // Проблема лексического состава диалекта и разработка диалектологических словарей иберийско-кавказских языков. Грозный, 1987. – С. 60-63.

Курбанов К. К. Динамика развития категории грамматических классов в табасаранском языке // Категория грамматических классов в иберийско-кавказских языках: Сборник / Ред. Ломтатидзе К.В. АН ГССР, Абх. Ин-т яз., лит. и истории. Тб.: Мецниереба, 1989. – С. 141-152.

Курбанов К. К. Способы выражения пространственных отношений в табасаранском языке // Выражение пространственных отношений в языках Дагестана. Махачкала, 1990. – С. 113-22.

Курбанов К. К. Грамматические классы слов табасаранского языка. Махачкала, 1995.

Курбанов К. К. Морфологический строй табасаранского языка (Проблема литературной нормы). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Махачкала, 1998.

Курбанов К. К. О категории переходности/непереходности глагола табасаранского языка // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Вып. 2. / Мин.обр. РФ / Даг.гос.университет/ Отв. ред. М.-С.М.Мусаев. Махачкала, 2000. – С. 100-104.

Курбанов К. К. Образование косвенной основы и значение именительного и эргативного падежей в табасаранском языке // Семантика языковых единиц разных уровней. Выпуск 5/ отв. ред. Н.Ф.Вердиева: Махачкала: ИПЦ ДГУ. 1999. – С. 76-86.

Курбанов К. К., Гаджикурбанов С.А. Морфемный состав слова табасаранского языка // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Вып. 3. / Мин.обр. РФ / Даг.гос.университет/ Отв. ред. М.-С.М.Мусаев. Махачкала, 2001. – С. 191-196.

Курбанов К. К., Митарова Э. М. Арабская политическая терминология в табасаранском языке // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Вып. 2. / Мин.обр. РФ / Даг.гос.университет/ Отв. ред. М.-С.М.Мусаев. Махачкала, 2000. – С. 104-107.

Магометов А. А. Неизданная монография П. К. Услара о табасаранском языке // ВЯ. 1954, № 3. – С. 68-76.

Магометов А.А. Местоименная аффиксация в глаголах табасаранского языка // ИКЯ. Т.7, 1955. – С. 359-415.

Магометов А.А. Превербы в табасаранском языке (сравнительно с превербами в даргинском и агульском языках) // ИКЯ. Т.8, 1956. – С. 315-340.

Магометов А.А. О категории грамматических классов в табасаранском языке//Сообщ.АНГруз.ССР-22, 1956а, № 6.

Магометов А.А. Краткий обзор фонетики табасаранского языка // Иберийско-кавказское языкознание. Т. 9/10. Тбилиси, 1959. – С. 313-37.

Магометов А. А. К спряжению глагола в табасаранском языке // // ИКЯ. Тбилиси, 1960. Т. XII. – С. 381-403.

Магометов А. А. Вопрос пассивности эргативной конструкции в монографии П. К. Услара "Табасаранский язык" // Вестник Груз. Акад. наук, 1960а, № 3. – С. 195-209.

Магометов А.А. О строе глагола в табасаранском языке // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М., 1961. – С. 227-239.

Магометов А.А. Склонение личных и указательных местоимений в табасаранском языке // Сообщ. АН Груз.ССР. Т. 27, № 5, 1961а. – С. 643-650.

Магометов А.А. Склонение вопросительных и возвратных местоимений в табасаранском языке // Сообщ. АН Груз.ССР. Т. 28, № 5, 1962. – С. 629-636.

Магометов А.А. Табасаранский язык. Тбилиси, 1965. – 398 с.

Магометов А.А. Услар – исследователь кавказских языков. Махачкала, 1979. – 100 с.

www.alfons-servis.narod.ru

Магометов А. А. Влияние языковых контактов на табасаранский язык // Материалы пятой научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977. – С. 40-46.

Магометов А. А. Вопросы нормирования табасаранского литературного языка // ЕИКЯ. Тбилиси, 1979. Т. VI. – С. 270-279.

Русско-табасаранский словарь. Сост. Загиров В.М. Мх., 1988.- 447 с.

Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971. – 295 с.

Табасаран литературайин чIалнан орфографический правилйирин свод, РСФСР-ин НКПросди утвердит дапIнайиб ву. – Махачкала, Даггиз, 1938. ("Свод орфографических правил табасаранского литературного языка. Утвержден НКП РСФСР").

Талибов Б.Б. Об одном инфиксальном элементе в структуре табасаранской глагольной основы // Материалы шестой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Майкоп. 1980. – С. 31-49.

Талибов Б. Б. Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1980. – 350 с.

Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. VII. Табасаранский язык. Тбилиси, 1979. – 1070 с.

Хайдаков С.М. Морфологическая структура и семантическая природа аульных названий Табасарана // Всес. конф. по топонимике СССР. Тез. докл. Л., 1965. – С. 170-172.

Хайдаков С. М. Матрицы аффиксов спряжения глагола в табасаранском языке (на материале хивского и хурикского говоров) // Тезисы докладов второй региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков: вопросы исторической фонетики и фонологии горских иберийско-кавказских языков. Тбилиси, 1967. – С. 39-40.

Ханмагомедов Б. Г.-К. Система склонения табасаранского языка в сравнении с системами склонения лезгинского и агульского языков. Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 1958. – 21 с.

Ханмагомедов Б. Г.-К. К истории образования эргатива в языках восточнолезгинской подгруппы // УЗИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1958а. Т. IV. – С. 305-320.

Ханмагомедов Б. Г. -К. Система местных падежей в табасранском языке. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1958б. – 45 с.

Ханмагомедов Б.Г.-К. Образование активного падежа в табасаранском языке // В помощь учителям табасаранского языка. Мх., 1958в. На таб. яз.

Ханмагомедов Б.Г.-К. Табасаран чIал. Махачкала, 1966 (учебник для пед. училищ). – 246 с.

Ханмагомедов Б. Г.-К. Об одном ряде геминированных согласных в табасаранском языке. // Тезисы докладов второй региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков: вопросы исторической фонетики и фонологии горских иберийско-кавказских языков. – Тбилиси, 1967. – С. 22-24.

Ханмагомедов Б. Г.-К. Табасаранский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967. – С. 545-561.

Ханмагомедов Б.Г.-К. Очерки по синтаксису табасаранского языка. Махачкала, 1970. – 220 с.

Ханмагомедов Б. Г.-К. Синтаксис табасаранского языка: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1970а. – 44 с.

Ханмагомедов Б. Г.-К. Некоторые вопросы грамматики табасаранского литературного языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1979. – 139 с. На таб. яз.

Ханмагомедов Б. Г.-К. Табасаранский язык // Государственные языки в Российской Федерации. М., 1995. – С. 231-238.

Ханмагомедов Б.Г.-К. Об одной группе прилагательных в табасаранском языке // Дагестанский лингвистический сборник. Вып. 3. М., 1996. – С. 55-6.

Ханмагомедов Б. Г.-К. Табасаранский язык // Языки мира: Кавказские языки. М., 1999. – С. 395-399.

Ханмагомедов Б.Г.-К. Табасаранский язык // Государственные и титульные языки России. М.: Academia, 2002. – С. 342-354.

Шалбузов К. К вопросу о классификации диалектов табаранского языка // Учен. зап. ИИЯЛ. Т. 18. Махачкала, 1968. – С. 213-219.

Шалбузов К. Некоторые особенности нитрикского диалекта табаранского языка // Молодежь и общественный прогресс. Материалы III респ. Научно-практической конференции молодых ученых Дагестана. Махачкала, 1978. Ч. I. – С. 114.

www.alfons-servis.narod.ru

Шалбузов К.Т. Категория грамматического класса в табасаранском языке // Учен. зап. ИИЯЛ. Т. 12. Махачкала, 1964. – С. 46-60.

Шалбузов К.Т. Морфологические особенности хивского говора табасаранского языка // Морфологическая структура дагестанских языков. Махачкала, 1981. – С. 123-34.

Шалбузов К.Т. К характеристике одного спиранта в табасаранском языке // Одиннадцатая региональная научная сессия по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков. Нальчик, 1986. – С. 105.

Шалбузов К.Т. Термины родства и свойства в табасаранском языке // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Термины родства и свойства. Махачкала, 1985. – С. 191-5.

Шалбузов К.Т. О некоторых лексических особенностях диалектов табасаранского языка, граничащих с другими языками // Десятая региональная научная сессия по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков. Проблема лексического состава диалектов и разработка диалектных словарей. 12-13 сентября 1983 года. Грозный, 1983. – С. 84-85.

Шихалиева С. Х. Категория прошедшего времени в табасаранском языке // Проблемы совершенствования обучения и воспитания в образовательных учреждениях Республики Дагестан: Тез. докл. юбил. науч.-практ. конф., посв. 50-летию Даг. НИИ педагогики им. А. А. Тахо-Годи. Ч. I. Махачкала,1993. – С. 121-123.

Шихалиева С.Х. Аспект как морфонологическая закономерность табасаранского языка // Языкознание в Дагестане. Лингвистический ежегодник / Мин. общ. и проф. обр. РФ / Даг. гос. ун-т. Махачкала, 1997. – С. 161-5.

Шихалиева С. Х. Категория настоящего времени в табасаранском языке// Тезисы докладов республиканской научной конференции молодых ученых Дагестана по проблемам гуманитарных наук. (24-25 июня 1993). Махачкала, 1993. – С. 112-113.

Шихалиева С.Х. Некоторые вопросы глагола в табасаранском языке / ДГПУ. Махачкала, 1995.

Шихалиева С. Х. Категория вида и времени в табасаранском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. Махачкала,1996. – 13 с.

Шихалиева С. Х. К вопросу о залоговой дифференциации в табасаранском языке // Дагестанский лингвистический сборник. Вып. 9. М., 2001. – С. 110-113.

Эфендиев Т. Н. К вопросу о заимствованных наречиях и служебных частях речи в табасаранском языке // Сборник статей по вопросам дагестанского и вейнахского языкознания. Махачкала, 1972. – С. 261-266.

Эфендиев Т. Н. К вопросу о влиянии азербайджанского языка на фонетический строй табасаранского языка // Ученые записки азербайджанского университета. Серия языка и литературы. Баку, 1972, № 6. – С. 69-73.

Эфендиев Т. Н. Взаимоотношения азербайджанского и табасаранского языков: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Баку, 1973. – 27 с.

Эфендиев Т. Н. О некоторых табасаранских сложных конструкциях, возникших под влиянием азербайджанского языка // Тюркско-дагестанские языковые контакты. Махачкала, 1985. – С. 100-110.

Эфендиев Т. Н. Азербайджанские словообразовательные элементы в табасаранском языке // Вопросы тюркских языков и взаимоотношения их с другими языками. Баку, 1972.

Bouda K. Beiträge zur kaukasischen und sibirischen Sprachwissenschaft. 3. Das Tabassaranische. – Leipzig, 1939.

Erckert R. Die Sprachen des kaukasischen Stammes. Wien, 1895.

Hjelmslev L. La catégorie des cas // Acta Jutlandica. V. VII. Premere partie. Aarhus, 1935; V. IX. Deuxieme partie, Aarhus, 1937.

Nikilayev S.L., Starostin S.A. A North Caucasian etymological dictionary. M.: Asterisk, 1994. – 1406 p.

Trubetzkoy N.S. Les consonnes latérales des langues Caucasiques-Septentrionales. Bulletin de la Sociiütü de Linguistique. T. 23 (№ 72). Paris, 1922, pp. 184-204. рус. пер.: Латеральные согласные в севернокавказских языках, в сб.: Н. С. Трубецкой, Избранные труды по филологии, Москва 1987, стр. 233-247.

Trubetzkoy N.S. Studien auf dem Gebiete der vergleichenden Lautlehre der Nordkaukasischen Sprachen. I. Caucasica, fasc. 3, Leipzig 1926, S. 7-36.; рус. пер.: Исследования в области сравнительной фонетики севернокавказских языков// Н.С.Трубецкой, Избранные труды по филологии, Москва 1987. – С. 247-270.

Schmidt K.H. Aspekt und Tempus im Tabassaranischen // Bedi Kartlisa. XXV. 1968. – S. 203-8.

www.alfons-servis.narod.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 11
ФОНЕТИКА 28
МОРФОЛОГИЯ 34
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ 79
СИНТАКСИС 85
ЛЕКСИКА 113
Образец текста 128
Литература 130

Научное издание

Михаил Егорович Алексеев
Сабрина Ханалиевна Шехалиева

ТАБАСАРАНСКИЙ ЯЗЫК

Издательство «Academia»
при участи редакции журнала «Вестник РАН»
119991, Москва, Мароновский пер., 26
Тел. 238-21-44, 238-21-23, факс 238-25-10
Эл. почта: herald@orc.ru

Главный редактор издательства *В.А. Попов*
Редактор *К.К. Курбанов*
Художественный редактор *Е.Ю. Салтыкова*
Технический редактор *Н.Н. Ковылова*
Корректор *Р.А.Агеева*

Подписано в печать 07.08. 2003. Формат 60x90 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 8,75. Уч.-изд. л. 9,1. Тираж 1300 экз. Заказ № 2987.

Отпечатано ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ»
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский проспект, 403
Тел. 554-21-86

www.alfons-servis.narod.ru

М.Е.АЛЕКСЕЕВ
С.Х.ШИХАЛИЕВА

ТАБАСАРАНСКИЙ ЯЗЫК

Academia
2003

www.alfons-servis.narod.ru